

Е. И. Дивнич — НТС, НАМ ПОРА ОБЪЯСНИТЬСЯ!

Е. И. ДИВНИЧ

НТС, НАМ ПОРА ОБЪЯСНИТЬСЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СООТЕЧЕСТВЕННИКИ»
НЬЮ-ИОРК

1968 г.

Е. И. ДИВНИЧ

**НТС, НАМ ПОРА
ОБЪЯСНИТЬСЯ!**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СООТЕЧЕСТВЕННИКИ»
НЬЮ-ИОРК**

1968 г.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Евгений Иванович Дивнич родился в семье офицера царской армии. Отец погиб на фронте в первую мировую войну. В 1920 г. он вместе с матерью и другими членами семьи эмигрировал в Югославию, где в 1928 г. окончил русский кадетский корпус. Будучи студентом, одним из первых участвовал в создании НТСНП, переименованного впоследствии в НТС. С 1934 по 1940 г.г. являлся председателем правления НТСНП. При освобождении Югославии от немецкой оккупации был арестован и осужден советским судом. С тех пор до конца своих дней находился в Советском Союзе. Последнее местожительство — г. Иваново, где и умер 11 ноября 1966 г.

В последние годы своей жизни Дивнич, будучи на свободе, написал ряд статей, направленных против НТС, которые были опубликованы на страницах газеты Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом “Голос Родины” (№№ 68, 69, 70, 71, ноябрь-декабрь 1964 г. “Почему я пересмотрел свои взгляды”, № 57, июль 1965 г., “Клеветникам России”, № 79, октябрь 1965 г., “Мой ответ читателям”, № 79, октябрь 1965 г. и др.).

Им была написана по своей инициативе брошюра под названием “НТС, нам пора объясниться”. Эту брошюру Дивнич готовил к печати отдельным изданием, однако, не успел при жизни осуществить свои планы.

Супруга покойного переслала брошюру нам с просьбой выполнить его заветную мечту.

По целому ряду вопросов, поднятых в брошюре, у нас свое мнение, однако, мы издаем ее в таком виде, в каком написал Дивнич, считая, что она интересна по содержанию и дает много фактического материала.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Передо мной крохотная книжечка в зеленой обложке. В углу ее Владимирский трезуб и надпись «За Россию». С волнением листаю тонкие странички. Мелькают строчки петита. Оживают давно ушедшие годы. Вспоминаются забытые образы и картины, страстные, полные восклицательных знаков речи, горящие лица и искрящиеся глаза. Я в гостях у своей молодости.

Огромное, непреодолимое расстояние между мной настоящим и белградским эмигрантом начала 30-х годов. Нас разделяет богатая событиями, радужных надежд и трагических разочарований жизнь, в результате столкновения с фактической действительностью. словно от киноленты, пущенной назад, проносятся в памяти события в обратном порядке. Я погружаюсь вглубь ушедших десятилетий...

Более 30 лет НТС ведет свою деятельность. Если не считать предорганизационного периода, то оформление эмигрантских отдельных кружков молодежи в разных странах русского рассеяния в организацию и их активную деятельность следует отнести к периоду съездов 1932 и 1934 годов в Белграде. Да, тогда это была молодежь. Основные ее кадры составляло студенчество.

Теперь у всех оставшихся в живых, кто начинал, побелели головы, а жизнь высекала на лицах морщины.

На протяжении многих лет пребывания в Советском Союзе мне пришлось выслушать достаточно нареканий в адрес НТС.

Я не стану идеализировать и возводить над членами ореол абсолютной святости. Конечно, мы были люди и человеческое нам не было чуждо. Случались в организации элементы тщеславия, позы, интриг и корыстолюбия. Так, казначей Павел Садовников был несомненный вор и недурно прожил ряд лет, нигде не работая, обворовывая кассу, составлявшуюся из скудных взносов членов и пожертвований благотворителей. Были у нас и флирты с женами товарищей и измены, но все это жизненно: у человека по соседству с ангелами обязательно совьют гнездо чертенята.

Уроки жизни многое изменили. Немало произошло и перемен. Накопились и коренные расхождения между нами. Я теперь целиком включился в советскую жизнь вместе с 200 миллионами моего народа. И все же я ловлю себя на чувстве неизжитых личных симпатий ко многим из членов НТС. Пусть ни к таким, каковы они сегодня, а какими я их знал в годы нашей молодости. Я помню рассеянного студентика в очках, вечно углубленного в книгу, все теряющего и неуклюже наступающего на ноги, Неймирока. Я помню с длинными волосами, напоминавшего собой отошедших семи и восьмидесятников, полного идейной жажды, с восторженным лицом и искрящимися глазами, Ю. А. Герцога. Точно живое перед моими глазами стоит отважное лицо покойного Александра Колкова.

Я помню честную фигуру К. Д. Вергуна. Он смеялся тем особым смехом, который бывает у людей, не испытывавших компромисса с совестью.

Горячее балканское солнце, пляж на Саве, шлюпка «Охотник». Среди купающихся хрупкая фигурка, далекой от политических интересов Машуты Дурново, с оскалом крупных зубов и картавящей. Добрые глаза тучноватой Ары Ширинкиной, типично русской девушки с толстыми косами, сплетенными вокруг головы, всегда готовой кому-то

помочь, лишь бы помочь, без отчета приведет ли движение ее жаждущей добра души к добру или злу. Вечно хнычущий и жалующийся на беспорядок Глебушка Бердников, его талантливый, державшийся особняком, брат Александр. Чистое лицо прямого и честного Ивана Ячменева. С апломбом, не лишённого позы, умное лицо, всегда полуголодного Г. П. Перфильева. Скромный Павел Воропанов, неутомимый работник Исполнительного бюро... И многие, многие другие. Эти лица всегда мне останутся дороги и некая душевная ниточка, связывающая и роднившая меня с ними никогда не порвется, сколь бы я не считал себя безраздельно советским человеком. Быть может, оттого, что с этими людьми я впервые почувствовал и нашел свое место в жизни и понял прелесть служения идее. Ведь мы горячо верили и были преисполнены таких высоких намерений.

По моему убеждению, эти люди способны ошибаться, ошибаться глубоко, как ошибался и я, могут завязнуть, благодаря окружающей среде и принятой однажды инерции движения, в грязную политическую тину, но я не верю, не могу и не хочу верить, что они способны на сознательный вред родине и что ими руководит голос голого честолюбия или выгоды.

И что бы с ними не случилось, попади они, — нарушая закон, а закон есть закон, — в заключение, то как гражданин я приму эту необходимость. Но как частное лицо постараюсь посылать им и словом утешения, и материальной поддержкой и всем, что допустимо правилами. И если они, по непониманию, в оплату моих симпатий вынесут ко мне неприязнь, тем хуже для них. Это лишь докажет в ком из нас жили лучшие чувства друг к другу.

А советские люди, которым доведется прочесть мои строки, пусть не судят меня строго. Я знаю, для них эти люди — враги, чему они служат и во что они

верят. Что ж, они хорошие патриоты. Но человеческое сознание обуславливается окружающей средой.

Мир ныне разделился на два лагеря. Человечество еще не похоронило старых понятий. Мы свидетели, как в данную эпоху происходят столкновения философских, религиозных и социальных воззрений.

Новые люди дерзко бросили перчатку законам, «данным Адамом и Евой». Если им повезло родиться и жить в новой среде и приобщиться к величию новой эпохи, то не надо безоглядно бросать с плеча камнем в тех, кто ходом вещей с детства был выброшен за борт родины, и чье сознание, оторванное от родной земли, оказалось в плену воззрений отживающего мира. Особенно теперь, когда советские люди победили. Следует понять, что, оторванные от родины, они могли служить искренне и не видеть, что служат призраку.

Однако, как бы ни были доброжелательны мои чувства ко многим членам НТС и как бы они сами по себе хороши ни были, но нельзя упускать главного, что привело нас к созданию организации. Наше объединение и чувства друг к другу не были самоцелью. Они являлись только средством служения более высокому идеалу — правде.

«Платон мне дорог, но истина дороже». И вот сейчас, с седой головой и больным сердцем, имея за спиной немалый опыт, и все еще охваченный желанием служить только правде, которой я отдал столько лет, я пишу эти строки.

Итак, во имя правды мы отдались борьбе. Но как далеки были наши представления от тех сюрпризов, что ждали нас в дальнейшем. Тогда для нас Советский Союз был «терра инкогнита». Мы мечтали разгадать, что творится за запертой для нас и заветной границей. Интересовала нас не только экономическая сторона. Главное, нас интересовал тот

психологический процесс, который последовал в душах нашего народа. Желание этой разгадки и жажда борьбы были одним из главных двигателей, ради которых я лично добровольно не уехал при продвижении советских войск на запад, а повернул курс на восток. За свое желание я впоследствии заплатил непомерно большой ценой страданий личных и моих товарищей, оказавшихся рядом со мной в этой обстановке. Зато мы прощупали биение пульса, мы увидели то, что нас так страстно манило. Много пришлось повидать. Во многом убедиться и еще в большем разочароваться. И вот перевалив со всеми тяжестями этот Памирский хребет, я считаю, что надо быть абсолютной дубиной, а не живым человеком, чтобы и в 1964 году жить на уровне интересов «Ранка-Пуста». (Так шутливо называли мы общую квартиру членов НТС, в Белграде, на Ранковой улице. Само название взято в подражание «Янка-Пуста», где воспитывались террористы, убившие в Марселе в 1934 году короля Югославии Александра).

Да, мы обязались служить правде. Поэтому не к лицу нам прикрывать кисеей то, что давно является секретом Полишинеля.

Формально я выбыл из НТС в марте 1940 года. С приближением войны некоторые из членов стали задумываться и отходить от организации. Вышел Г. П. Перфильев, бывший председатель Югославского отдела, отдалился, вскоре после меня, генеральный секретарь Исполнительного бюро проф. М. А. Георгиевский, прекратил принимать участие и выехал из Германии председатель германского отдела С. А. Субботин и др. Однако, мой выход скорее можно объяснить формальной стороной. Вопрос касался скорее практических методов ведения борьбы и ее целесообразности, чем принципа. К этому

примешались, возможно, резкость моего поведения и личные интриги второстепенных членов, поощряемых В. М. Байдалаковым, раздутием персоны которого незадолго перед войной я высказывал недовольство. Во всем остальном я оставался непримиримым к советской власти и мыслил категориями организации ничуть не меньше активных ее членов. Насколько я по складу мышления оставался энтезисом, доказывает одно курьезное совпадение.

В 1951 году, находясь в местах заключения на севере, при попытке создания мною с другими членами НТС, — Оксюзом и Китайсковым, — антисоветской организации, руководящая ячейка ставила вопрос о названии. Об НТС, Национально-Трудовом Союзе и его деятельности из остальных участников никто не имел ни малейшего представления. И вот после долгих обсуждений пришли к названию «Все-российский Народно-Трудовой Союз» (ВНТС). Через несколько лет, независимо от этого, за рубежом, Национально-Трудовой Союз был переименован в Народно-Трудовой Союз. Вот до чего рефлексy и схемы мышления у нас оставались идентичны. (В шутку говоря, мы бы могли возбудить претензию на плагиат. Но мы охотно отдадим патент на название и откажемся от авторства. Больше оно мне и моим товарищам, уверен, не понадобится).

И не только это. Еще за рубежом многие члены не согласились с моим исключением из НТС, в частности, Околович и др.

При встрече с некоторыми из них в России, как-то с Оксюзом, Ковальчуком, Китайсковым и другими, никто из них не признал моего отчисления от организации и обращались ко мне за консультацией по всем вопросам идеологии и действий.

Дальнейшая моя антисоветская деятельность в духе НТС уже на территории Советского Союза, согласно устава, дает неоспоримое право поднять те вопросы, которые мне диктует долг.

Предупреждаю, не надо дезертировать от ответа избитым приемом, сманипулировав из меня «большевистского агента». Это нечестно.

Ни годы изоляции, ни риск расстрела не сломили меня. Не только я, но и те, кто шел рядом со мной и знает мою подноготную в любых критических положениях на подпольной работе, поведение на следствии и перед судом и трибуналом, не только возмутятся, но ответят вам оскорблением.

Я просто не вправе скрывать то, в чем пора объясниться. Этого требует правда. Этого требует наш долг перед теми, кто ушел «туда» в угоду наших утопий и безрассудно погиб. Вообще назрело время протереть губкой наши отношения.

ПОЧЕМУ БЫЛА СОЗДАНА ОРГАНИЗАЦИЯ НТС

Организация НТС, тогда еще НСНП (Национальный Союз Нового Поколения), затем НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения) зародилась в результате неудовлетворенности нового поколения за рубежом, в основном, не причастных ни к политическим партиям времен революции, ни к гражданской войне.

Перед молодежью конца 20-х и начала 30-х годов во всю ширь встал животрепещущий вопрос, **чем жить и во имя чего жить**. Как могло случиться, что мы, дети великой страны, очутились выброшенными за борт родины, обречены жить отдельно от народа и существовать в чужих землях на униженном положении нежелательных гостей и прихлебателей? Мы задыхались от бессмысленного существования. Наша жизнь напоминала срезанный цветок, поставленный в воду: мы могли, правда, издавать легкий запах в комнате, не более, но у нас не было ни корней, ни питающей родной почвы, ни

перспектив дать семена. Одновременно многим из нас пришлось хлебнуть материальную нужду и безработицу. Иностранцы, в первую очередь, заботились о своих. С другой стороны, культура Запада, с ее показной мишурой и мещанским убожеством интересов, бросалась в глаза при сравнении с духовным богатством нашего народа. Русские люди, до знакомства вплотную с Западом, были опьянены им, но попав за границу без валюты и защиты могучей России, быстро отрезвели. Запад представился во всем его обнаженном безобразии, с его алчностью и узостью мещанских интересов. Это заставило русскую молодежь за рубежом еще сильнее тянуться к родине.

В то время представители старшего поколения, очутившись в эмиграции, уже являли собой жалкую картину. Я не хочу касаться ихтиозавров, закостенелых в реакции. Эти люди проспали историю. Они называли друг друга по былым чинам. Бывший губернатор так и продолжал называться губернатором и требовал, чтоб его величали — ваше превосходительство. Они не сомневались, что им вернут дома и имущества и спорили, при том искренне, о должностях, которые заранее между собой распределяли. Играла, если хотите, роль и классовая сторона. Они не могли отказаться от былых привилегий, как не могли согласиться с тем, что отныне будут управлять люди из народа. Они предпочитали иногда сознательно погружаться в сказку, чтобы спрятаться от печальной правды: выброшены за борт. Трудно привилегированному человеку добровольно согласиться с тем, что для него привилегии потеряны навсегда и смириться с убогой ролью всеми презираемого апатрида.

Однако, и остальная часть эмиграции являла собой заколдованное царство. Они шарахались от анализа действительности, предпочитая в адрес ее отделяться руганью и клеветой. Вместе с тем, ру-

гая голословно большевиков на чем свет стоит, эмиграция оставалась абсолютно безграмотна в элементарном познании хотя бы доктрины того, кого считали врагом. За небольшим исключением, вроде академика П. Б. Струве, мало кто был знаком даже с азбукой марксизма. Эмигрантская печать и мысль в большинстве обходила эту сторону. Они предпочитали ругать большевиков и только.

Авторитет старшего поколения в глазах зарубежной молодежи был подорван. Мы не могли не учитывать и провала царской России и гибели белого движения.

Редко когда так резко выпячивался вопрос «отцов и детей». Мы не могли сказать про себя стихом Некрасова:

«Благо наследие богатых отцов
Освободило от тяжких трудов».

Зато уместнее в данном случае подходили известные лермонтовские слова:

«Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом».

Нас, требовавших действий, отталкивала болтливость «отцов» при абсолютной инертности. Они, не видя вплотную стоявших задач современности, прятались в прошлое, занимались химерами вроде — что пригоднее после падения большевиков в России (падение большевиков считалось чем-то бесспорно неизбежным и само собой разумеющимся), — монархия или республика.

И не только отсутствие трезвой оценки настоящего и их рутина отталкивали нас от них, а и бесчисленные взаимные склоки, беспочвенные претензии и то, что у них, — «каждый себя самолюбием изучил» и, наконец, тупая самоуверенность в личной непогрешимости при очевидном банкротстве.

Все это вместе взятое приводило нас, подзадаваемых пылом молодости, к заключению, — если мы не хотим задохнуться и погибнуть в этом затхлом болоте, необходимо вычеркнуть прошлое и начать все сначала. Прежде всего надо было самим разобратся в создавшемся положении.

Однако, как бдительно мы не оберегались инфекции от отцов, но по сути мы не оказались в состоянии оттолкнуться от старого. Мы понимали разложение и охотно пели реквием Западу. И все же, мы, изолированные от родины, как не стремились, не сумели поставить правильного диагноза и, главное, не поняли какое лекарство нужно было для лечения малярии, разъедающего старый мир. Ругая Советский Союз, мы даже не замечали, что, несмотря на все описываемые о нем ужасы, — а там действительно не все шло гладко, — все же наш народ обновлялся, молодедел, утверждал жизнь и стремился к ней. Запад же, при его относительном покое и ожирелости, разлагался и катился в пропасть. Мы, измученные тоской по родине, до предела увлекались амулетами, созданными нами. То была попытка инъекции дорогому для нас смертельно больному, в надежде продлить ему жизнь.

В то же время мы расценивали события на родине, благодаря неясности на расстоянии, с раз навсегда принятых за догму непримиримых позиций.

Бесспорно, сказывалось на нас и воспитание. Я не буду распространяться о ярко выпуклых уродливостях. Лишь ради курьеза упомяну характерный, зафиксировавшийся у меня в памяти штрих.

В детском саду, где обучались эмигрантские дети, некая учительница дрессировала детей так: она спрашивала —

— Дети, где Бога нет? — Дети обязаны были хором отвечать:

— В России!

— Дети, где хлеба нет?
— В России!
— Дети, где учат не уважать папу и маму? — И снова дружные голоса отвечали:
— В России!

Конечно, не везде были такие педагоги, но сам факт возможности подобных явлений весьма характерен.

Кадетский корпус, где я учился и где воспитывались многие молодые люди, был довольно типичным для эмиграции. Нас постоянно убеждали, что на нас лежит долг восстановления будущей России и одновременно ни словом не касались действительности.

При входе в вестибюль корпуса бросалась в глаза надпись, сделанная на доске под мрамор. Она должна была напоминать юношам об их дальнейшем назначении:

Их час придет, окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Взлетят орлы и цепь насилья
Железным клювом расклюют.

И в то же время, при всех подобных высокопарных словах и призывах, смешно вспомнить, русскую историю мы кончали словами: «и взошел на престол ныне благополучно царствующий Государь Император Николай II Александрович». От дальнейшего объяснения педагоги пугливо уклонялись.

Молодежь всегда экстремна. Мы скоро превратились в махровую, наиболее активную и непримиримую антисоветскую организацию.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Насколько мы были нереальны, можно судить из того, что основной целью мы поставили, немного-немало, ниспровержение в СССР существующего строя и власти. Как средство для достижения этой, полной

самообольщения и переоценки собственных сил, эмигрантской утопии, равняющейся на безвозвратно ушедших в историю народовольцев, мы ставили центральный террор и проповедовали прямое убийство советских руководителей. При всей кажущейся дерзости этой затеи, в действительности то была не более, как детская забава. Мы, разумеется, никого не убили. И даже не покушались. И все же то была игра с огнем. За тридевять земель от родины, фактически совсем не зная ее, мы ходили с заговорщицким видом и принимали позу, будто мы что-то знаем и нагружены чем-то чрезвычайно важным, чего рядовым эмигрантским дуракам не положено.

Насколько это было по-детски и насколько это могло, не зная нас, показаться преступным, я приведу в качестве примера наши занятия.

Мы собирались по 2-3 человека у кого-либо на квартире при тщательно закрытых дверях, точно в беспечном Белграде тех годов это чем-то могло грозить. Таким образом, мы создавали себе иллюзию важного дела и сами в нее верили. На этих курсах, в атмосфере чрезвычайной осторожности, мы (умора!) обучались, как примитивным образом можно изготовить порох, динамит, пироксилин, гремучую ртуть и другие взрывчатые вещества. Казалось бы, чего проще было найти эти сведения в химическом справочнике. И мечтали о грядущем, когда нам придется приготовить бомбу для убийства какого-нибудь видного коммуниста. Нас увлекала игра в конспирацию. Глядя со стороны, посторонний мог бы подумать, что это невзрослое подражание Кибальчичу, Желябову или Перовской.

На курсах с претенциозным названием «техническая подготовка», которые в основном посещали от безделия несколько милых эмигрантских женщин-белоручек и юношей, проходили тактику боя в городе, тактику вооруженного восстания и другой

материал в том же духе, которого, к слову сказать, никто не изучил.

А как смехотворна была, ну совсем как игра в «казаки-разбойники», и сколько важности мы ей придавали, охрана Байдалакова, на которого будто бы в безобидном Белграде мог кто-либо готовиться совершить атентат. Назначенный сопровождать эту «персону грата», с сознанием огромной ответственности, сжимал в кармане рукоятку пистолета, пылливо всматривался в едущих мирно пассажиров в трамвае, нет ли среди них покушающегося на столь опасную для основ СССР фигуру Байдалакова.

Кстати сказать, захоти коммунисты, в той безалаберной Югославии это мог сделать безнаказанно любой коммунист, которых в стране было много в подполье, не говоря, что нашлась бы тьма охотников, готовых совершить это за плату.

Каждое воскресенье, а ведь все люди были взрослые, мы ходили учиться стрелять из пистолета. Это тоже на случай, чтобы знали как «убить коммуниста», если придется. В этой забаве в терроризм недоставало только названий, кличек «Орлиный глаз», «Ястребиный коготь», «Бледнолицый брат мой» и прочих персонажей из Майн-Рида.

Да, так оно было на самом деле в те годы. Но не могло оно быть так расценено советскими органами. Им в голову не приходило подлинное ребячество тогдашнего НТС.

Исходя из долга государственной охраны, в них усмотрели лиц, готовившихся покушаться на их руководителей, проходивших курсы военной повстанческой подготовки и убийства. За эту забаву потом многие заплатили чрезвычайно дорого. Так, Оля Буковская, эта безобидная девушка из «института благородных девиц», ныне пожилой и больной инвалид, скуки ради посещавшая клуб, отсидела много лет в заключении. Потом она возмущалась до глубины души и проклинала всех руководителей,

делавших карьеру на ее наивности. Еще хлеще выражался Б. Фомин. Безобидный толстяк и обыватель Борис Чубин и Северьянов, увлекавшиеся радио, — погибли в заключении, проклиная виновников своей трагедии.

Разве только они были жертвами этой преступной затеи? Нет, господа из НТС, не большевиков за это винить. Большевики нас поняли так, как мы о себе заявляли: «Назвался груздем, полезай в кузов». И расправились с нами по закону. Во время войны было много врагов, и им было не до глубоких психологических изысканий в эмигрантских бреднях. Откуда они могли знать, что для этих людей отцовские розги по мягким местам были уместнее мер сурового закона военного времени молодого государства! Ведь мы же величали себя террористами и призывали к террору. Для иллюстрации я позволю себе напомнить курьезное совпадение, имевшее место в 1934 году. В листовке, написанной экзальтированным и психически неполноценным Валентином Леонтьевым, изданной руководством, мы призывали советских граждан к убийству ряда руководителей, среди которых значилась фамилия С. М. Кирова. Фактически это было таявань Моськи на слона из эмигрантских задворков. И вот, случись как раз, что в ту пору он был неожиданно убит Николаевым. Получились осложнения. Югославские власти чуть не выгнали наше возглавление из пределов страны. И если оно осталось, то благодаря особой беспечности Югославии того времени, где недаром в ходу была поговорка «всякое чудо на три дня».

Я спрашиваю вас, члены нынешнего НТС, верны ли приводимые мною факты? Есть ли тут хоть доля измышлений? Или показать документы? Привести газеты того периода, листовки, конспекты технической подготовки? Или может мне их «нашептывают на ухо большевики» и я делаю по их указке?

Но вы, советские люди, кому доведется читать эту уголовную белиберду того периода, не делайте страшных глаз.

Я понимаю, огромная масса советского народа, едва ли сможет это «понять и простить». Но я «плоть от плоти от этих людей», сам виновный в тех же противоправных действиях, не могу смотреть иначе как с позиций, с которых я наблюдал непосредственно, т. е. без улыбки взрослого на женские проказы.

Сейчас, когда спустя столько лет спрашиваешь себя, где же корни наших ошибок, — ведь побуждения-то были хорошие, — мне думается, что наиболее роковым нашим заблуждением была недооценка нами объективного процесса. Мы отвергли его роль. Напротив, наши идеологи, в частности, профессор Георгиевский, очевидно, чувствуя опасность глубокого анализа вопроса о значении процесса, приготовил в идеологии специальную ловушку. Наша политучеба не только отвергала исторический процесс, как самодавяющее начало, но, напротив, декларировала значение личности в истории в независимости от обстановки. Этот конспект был, очевидно, заготовлен очень неглупым и дальновидным человеком, основательно продуман и намеренно акцентирован. Ведь обстановка каждый день неутомимо подсказывала нам, что сколько бы мы не раздувались в вола, мы, хоть лопни, не в силах сдвинуть с мертвой точки ток событий, за которыми скрывались законы, часто неуловимые современниками, сколько бы им не казалось, что они ими командуют.

Монах Савонарола, Шарлотта Корде, Финевский могут оказать влияние на события только в predeterminedных событиями же рамках, но не выходя из них. Мы же выдвигали культ сверхчеловека, который, если хочет, может одним желанием перевернуть мир вверх дном, и утверждали мы это

фанатично, несмотря на то, что процесс на каждом шагу бил нас бумерангом в лоб и диктовал: «Уйди, маленький человек, — ты ничтожная былинка, способная только на то, чтобы укрыться от ветра, но не изменить его направление». Интересно, что в программе до сих пор игнорируется процесс, и мы еще вернемся к этой теме при рассмотрении программы.

Итак, в те годы, преисполненные желанием борьбы и подвига, мы искали вдалеке от России применения своим силам. Руководство четко себе представляло, что гореть долго, не подбрасывая топлива, невозможно. И вот тогда руководство прибегло к методу очковтирательства. Среди членов муссировались слухи о неких необыкновенно крупных связях у руководства с иностранцами. Шептались по углам, будто бы ведется нами очень важная работа внутри Советского Союза. А между тем организация сидела на мели без копейки денег, бессильная издать маленькую газетку и заплатить за помещение. Жили мы на крохи, собираемые с добровольных жертвователей, да членских взносов. Иногда руководству на счастье подбрасывал пару тыщенок А. И. Ксюнин. В прошлом член кадетской партии, близко связанный с А. И. Гучковым, он одно время получал субсидии от югославской реакционной печати, которой оказывал ценные услуги в введении в заблуждение югославской общественности и в дискредитировании советской действительности. Югославским политическим дельцам, состоящим сплошь из жуликов и коррупционеров, это было на руку, т. к. народные симпатии в королевской Югославии к советской власти непрерывно возрастали и становились очевидной угрозой для правящих кругов. Ксюнину, ради оправдания и отчета перед своими кредиторами, из чьих средств он рас-

ходовал немалые суммы на культурные заботы эмиграции и на личные нужды, — одно содержание своей любовницы артистки Ракитиной влетало ему крепко в копеечку, — был не прочь в отчете указать, что он помогает антисоветской молодежи. Странная судьба этого человека. По мере роста популярности Советского Союза, деятельность Ксюнина шла diminuendo. С уходом из газеты «Политика» прекратилось его влияние, а вместе с ним и субсидии югославских властей. Оставленный всеми, он заболел психически и застрелился.

Скрывая от большинства членов свою связь с Ксюниным, который в общественном мнении считался личностью нечистоплотной, одновременно мы, внешне поругивая РОВС, остатки организации разлагавшейся белогвардейщины, за спиной входили с ним в контакт, пытаясь пожить его скромным, неуклонно умирающим денежным «фондом спасения родины» и, насколько возможно, с его помощью пролезть в иностранные влиятельные круги и заручиться связями. Что и говорить, с РОВС'ом мы поступали с циничной бесцеремонностью. В печати и выступлениях мы костили на чем свет стоит «выживших из ума генералов», но вместе с тем не брезгли их ресурсами.

Уж раз мы коснулись РОВС'а, этой некогда наиболее значительной организации антисоветского зарубежья, остатков белого движения, мне хочется на нем остановить внимание читателя.

В свое время белое движение было охаяно. Это было, с одной стороны, — следствие разыгравшихся в борьбе страстей, тем более, что борьба еще не закончилась, а, с другой стороны, белые являлись защитой реакции и потому заслуженно вызывали нарекания прогрессивных сил. Так было в прошлом.

Сегодня же участники белого движения отошли

в безвозвратное прошлое. Безусому когда-то корнету белого движения сейчас под 70 лет. Он уже вышел из игры арифметикой лет, если еще остался жив. Потому, на мой взгляд, сейчас время отнестись к ним с вершин истории, окинув их беспристрастным взглядом. И чем точнее и выпуклее мы охарактеризуем все, что в них было не только отрицательного, но и положительного, несмотря на идейную их близорукость, тем величественнее будет выявлена заслуга победителей.

Разве мог старый мир, существовавший столько веков, с его прошлым и традициями, уходя, не вызвать какого-то числа искренних защитников, сдать-ся без борьбы? Конечно, без нее не могла обойтись эпоха, ее требовала история, героическая коллизия.

В гражданскую войну столкнулись противоположные миры. Следовательно, только близорукость могла бы отрицать, что и на одной, и на другой стороне были идейные люди. Сам факт борьбы на фронтах с риском смерти и проявленный с обеих сторон героизм указывают на бескорыстность служения, независимо от принадлежности и знамени.

Говоря о белом движении, я имею в виду не помещиков и фабрикантов, в которых бурлили часто классовые интересы. На фронте же в огромном большинстве боролись не они, эти предпочитали отсиживаться по тылам и, как крысы с тонущего корабля, первые сматывали удочки за границу. Я не стану говорить о прожженных генералах, хватавшихся за пошатнувшиеся привилегии, и аферистах в стиле Шкуро и Семенова, которым, к слову сказать, многие участники белого движения избегали подавать в эмиграции руку. Я помню генерал-лейтенанта генерального штаба Савельева, который с жаром рассказывал, как расстреливал красных под бокал шампанского. Речь не о тех, кто проживал по тылам и проводил время по ресторанам с кокотками, когда решалась судьба эпохи. Я хочу отдать

должное той жертвенной безусой молодежи, которая составляла основное ядро Белой армии. Его заполнили в основном студенты, юнкера, кадеты и гимназисты. Эти шли не за личные выгоды, а потому, что ложно верили. Подзадориваемые авторитетами царской России, они не поняли революции и ошибочно пошли против того, что им было непостижимо, за привычные и привитые их понятиям старые формы. В этой стихии, увлеченные борьбой, они не в состоянии были разобраться ни в зарождении нового мира, ни в человеческой идее интернационального братства, ни в международной рабочей солидарности, ни в своевременности Брест-Литовска и восстали против революции. Воевали они героически, жертвенно и идейно, небольшая группа против миллионов восставшего народа, без идеи, судорожно цепляясь за старое. Я говорю, без идеи потому, что белое движение не имело идеи и даже не выдвигало конкретной программы. Оно смутно представляло против чего борется, но не знало во имя чего. И тщетно неглупый, сравнительно молодой, скороспелый генерал Врангель, не в пример старым генералам, чье мышление было ограничено строгими шорами, пытался к шапочному разбору гражданской войны, выдвинуть контуры расплывчатой программы. Но разве могла умеренная либеральная программа в атмосфере разыгравшихся страстей широких масс состязаться с выдвинутыми перспективами и лозунгами, провозглашенными советской властью?

В будущих поколениях вынесется объективное суждение об эпопее гражданской войны.

Белое движение займет свое заслуженное место, как необходимый элемент диалектики событий, как тормоз продвижения вперед человеческого прогресса, но вместе с тем его участники будут оценены, как достойные защитники старого мира с его идеалами, не пожелавшие сдаваться без борьбы. И как

таковые, те, кто честно боролся и отдавал беззаветно жизнь, получают несомненно достойное признание, как представители обреченного мира.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из роковых пороков, вкравшимся тогда в организацию и явившимся в дальнейшем причиной ухода оттуда ряда членов, в том числе и меня, был метод создания искусственного психоза. У руководства организации не было никакой базы для проведения своих директив. Оно не имело денег платить членам и не могло применять в чужой стране собственных санкций. Оставался метод искусственного руководства. Надо было одурманивать мозги и «забивать памерки», чтобы члены слепо верили руководителям. Всякого завербованного прозелита мы старались опутать психозом. Но эта психическая узда над членами убивала личность, губила в людях инициативу, мешала развиваться независимому мышлению и превращала членов в покорное безличное стадо, осматривающееся на руководство.

Центр даже избегал допуска в организацию людей с самостоятельным мышлением. В результате в союзе было очень незначительное число, буквально единицы, самостоятельно мыслящих и политически развитых людей. В большинстве члены попугайничали азы, издаваемые верхами. В дальнейшем уже в советской действительности, занимаясь подпольной деятельностью, я наблюдал воочию, насколько лица из бывших энтеэсовцев беспомощны в политических спорах с советскими людьми. Они были бессильны оказать на них политическое влияние. Лично я тоже обнаружил собственную отсталость и мне пришлось не один год поработать над книгами, прежде чем я замазал пробелы.

Один из наиболее видных очковтирателей, ма-

стеров затуманения голов и противников появления самостоятельности мысли, был, бесспорно, председатель НТС В. М. Байдалаков. Это довольно колоритная фигура в НТС, стоящая, чтобы на ней задержаться.

Байдалаков — недурной артист. Он умудрился много лет простоять в позе великана так, что мало кто замечал, как он стоит на умело запрятанных ходулях. Не имея в смысле деятельности НТС, как говорится, ни гроша за душой, у него был вид, точно в кармане лежал миллион. Он был неподражаем в способности из капли мути выдувать мыльные пузыри, переливающиеся всеми цветами радуги. Не лишенный обаяния в общении с людьми, он умел создать иллюзию, обмануть других и себя, играя на святом и заветном в человеке. У него был талант высказывать общеизвестную истину, вроде того, что «солнце восходит с востока» с таким апломбом и глубокомысленным жестом, приложив пальцы ко лбу, с видом будто решает нечто великое, достойное Сократа. Когда он лгал, а лгал он непрерывно, то с верой, что поступает правильно. То была «ложь во спасение», как он искренне думал. Нет, это не был заведомый негодяй, хотя принес людям много зла и горя, родине вреда, а организацию покрыл позором связи с немцами. Кто его близко знает, тот согласится в этом со мной. В частности, в отношении меня, вечно нуждавшемуся, он не раз дарил вполне годные для носки костюмы, которые отдавал по личной доброте и, зная, что у меня нет ни гроша за душой, частенько угощал ужином. Вспоминая о нем, мне отчего-то на память приходят слова из «Безумцев» Беранже:

«Если б только земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь».

Кстати, на досуге он был непрочь позабавиться немного эстетикой. Особенно он любил цитировать Гумилева, но до понимания глубины Блока все-таки он, гусарский корнет, не дошел. Должен признаться, любовью к поэзии в дальнейшем я обязан в некой мере этому человеку.

Он прекрасно понимал, на чем держится его авторитет, поэтому старался держаться напыщенно, как павлин, на расстоянии от членов. Будучи по сути человеком мало эрудированным, слабо подкованным идеологически и посредственным оратором, он избегал дискуссий. Он не мог говорить, он мог только чрево вещать в атмосфере подобострастия, когда исключались возражения, а слушатели воспринимали его слова, точно оракула.

Байдалаков в своей роли чем-то напоминал «Ивана Царевича» из «Бесов» Достоевского. Он был в некой мере тем, что хотел видеть в Ставрогине Верховенский-сын.

Говорят, когда идет представление, не следует ходить за кулисы: разобьются иллюзии.

Я, на первых порах один из наиболее рьяных его поклонников, имел неосторожность так поступить. С тех пор во мне навсегда угас его авторитет. За это он меня невзлюбил.

В 1942 году в Берлине Околович пытался примирить меня с ним и вернуть в организацию. Для этой цели он устроил с Байдалаковым встречу в ресторане. Примирение не состоялось. Позднее, когда я после ареста немецким гестапо был выпущен из тюрьмы, Байдалаков пришел ко мне с покойным К. Д. Вергуном выразить сочувствие. То была встреча добрых знакомых, без касательства наших организационных разногласий. Больше мы не виделись, а так и остались в отношениях «ни мир, ни война».

Сейчас Байдалаков, я слышал, выбыл из НТС

и напоминает собой одичавшего вожака стада слонов, вышибленного более сильным соперником. Тщетно он ищет опоры. В местах заключения, где я отбывал наказание, один заключенный В. Б., осужденный за измену родине, рассказывал мне, что видел В. М. Байдалакова в Южной Америке. Тот заехал к старому члену НТС, когда-то ему слепо послушному и по-собачьи преданному человеку, с весьма ограниченным кругозором, Илье Александрову. Байдалаков ему чернил, не жалея красок, все руководство НТС. Его слушали вежливо, но Байдалаков утратил былой престиж. В НТС ныне воцарились другие авторитеты. Так этот человек стал сам жертвой массового подбострастия членов, им созданного и поощряемого. Его заменил более сильный и молодой вожак В. Д. Поремский.

Поремский, нынешний председатель НТС, фигура отличная от Байдалакова. Незаурядных способностей, он с юных лет знал себе цену. Ему тесны казались общие правила и проторенные дороги. Он юношей без особого напряжения проходил по два класса в год. Поремский и молодым не был молод. Франция, где он воспитывался и где первоначально протекала деятельность этого человека в организации, наложила на него неизгладимый оттиск. В нем чувствовалась некая душевная усталость и еле уловимая пресыщенность, свойственная буржуазии, пережившей три революции. Такой сорт людей в глубине себя — непоправимые скептики. Они могут с видимым воодушевлением проповедовать идею, не веря в нее и пытаясь зажигать других, оставаясь в тайниках натуры холоднее льда. Их кредо — к чему стремления? Все на нашей планете испробовано и ничего нового нет. Единственно верное в человеческом существовании — комфорт, карьера, да личное

благополучие, а достигается это не трудом, а умением и ловкостью. Правильно уверял Вольтер, — не надо быть академиком, чтобы получить орден, для этого проще сказать вовремя удачный комплимент любовнице короля. В Поремском, бесспорно, есть что-то сродни «Милому другу» Мопассана. Политическая деятельность для Поремского — поприще. У него хорошие манеры, он свободно держит себя в любом обществе, «в городе он Иван, а в селе Селиван», неплохой оратор и компанейский человек. В действительности, это только тонкая игра умелого актера. В глубине души его тщетно запрятался ярко выраженный сноб.

В Поремском не чувствуется твердых нравственных устоев, но ему не чужда, как большинству французов, доля эстетичности. Она делает его брезгливым к мелкой подлости. Ему нужна авантюра большого размаха. Как-то в молодости, увлеченный успехами в эмигрантских кругах своими выступлениями, НТС стал для него постоянной ареной. Там его натура находит удовлетворение своим эгоцентричным замыслам.

Разумеется, на одурманивании далеко не уйдешь. Экзальтированным и взвинченным обещаниями членам НТС нужен был запах крови, чтобы была уверенность, будто работа организации — не всем приевшаяся эмигрантская болтовня, а «настоящее» дело. Организация задыхалась. От долгого бездействия кадры готовы были разбежаться. Организация мякла, точно дырявая камера, и в нее необходимо было непрестанно качать воздух. Надо было поднять свои акции и в эмигрантских кругах. Искали разных путей, не брезгали и блефом.

Для этой цели был однажды использован метод, при воспоминании о котором даже 30-летняя давность не избавляет от краски стыда.

Я говорю о скандале, связанном с Марией

Дмитриевной Пепескул и Александром Петровичем Черташ. Их избрали козлами отпущения для отвращения недовольства бездельем организации и раздутия ее популярности на эмигрантском базаре. К Пепескул и Черташу подослали агентов с заданием спровоцировать видимость подготовки покушения на руководство и приписать им инсценированную агентами провокацию атентата на руководство НТС советской агентурой.

Подосланные должны были натравливать их против руководства и склонять к мысли, что его недурно бы было убрать. Но ни у Пепескул, ни у Черташа и в помыслах не было заняться чем-либо подобным. И вот, однажды, пригласив их придти в частную квартиру на стакан вина, агенты повели наводящий разговор, чтобы от них добиться слов, выражающих пожелание убийства членов руководства. Об убийстве говорили только агенты. Пепескул и Черташ больше помалкивали. Лишь из приличия, поддаваясь направлению хода разговора хозяев пирушки, отвлеченно соглашались, что для дела организации было бы недурно устранить руководство. Ни Черташу, ни Пепескул, разумеется, и во сне не снилось подозревать за этим провокацию. Они видели в этой встрече за вином обычную болтовню, не зная, что весь разговор подслушивается и протоколируется на бумагу посредством скрытого микрофона группой специальных свидетелей.

На следующий день организация на основании этих материалов, передала донос в белградскую полицию. В доносе говорилось, что Пепескул и Черташ — советские агенты, завербованные советской агентурой, свившей себе гнездо в РОВС'е, и готовятся убить членов руководства. Таким образом хотели убить двух зайцев: поднять себе цену на компрометировании Пепескул и Черташа и подорвать авторитет РОВС'а, которого считали конкурентом, и чьи связи с иностранцами, в том числе и

иностранными разведками, вызывали у нас зависть, и мы были непрочь их заполучить.

Инициаторы несколько поторопились опубликовать это фиктивное дело в печати. В эмигрантских газетах появились сенсационные статьи «Покушение советских агентов на руководство НТС», «Советская агентура в РОВС'е»!

Эмиграция, падкая от безделья и скуки на всякий скандал, широко заговорила об НТС. Поначалу эта затея удалась и наделала много шума. Однако, на беду инициаторы юридически были совсем неграмотны. Когда материалы попали в руки югославских специалистов, дело приняло совсем иной оборот. Для тех стало очевидно, что оно шито белыми нитками. Они посмеялись над доводами и сказали, что по закону ответственности подлежат не Пепескул и Черташ, а провокаторы, от которых исходила инициатива. Роль же обвиняемых пассивна. Дело запахло отвратительным скандалом. Обвинители едва не попали сами в подсудимые. Имени организации угрожал позор. Руководство хваталось в отчаянии за голову. Чуть не со слезами и с помощью взяток «борзыми щенками» стали просить некоего со связями, готового на любые темные дела, чиновника югославского правительства Д. Чирковича о помощи. Тот, злоупотребляя положением, сделал так, что дело против организации возбуждено не было. Пепескул же, чье имя так бессовестно опорочили и, чтоб ее еще больше очернить, приписали ей даже сожительство с неким К., произволом административных властей, по настоянию того же Чирковича, удалось на год выселить из Белграда и, таким образом, за счет несчастья ни в чем неповинного человека, спасти от позора повисший на паутинке над пропастью престиж НТС. В той Югославии, где царствовали деньги и протекция, все было возможно.

Многие члены знали мерзость подоплеки этой

провокации, но над ними настолько давил авторитет руководства и так была забита личность, что никто не посмел открыто осудить это дело.

Теперь Пепескул, которую мы обвинили в связи с советской агентурой, живет в СССР и работает в одном из небольших городков Украины. Будь она советским агентом, она не отбывала бы наказание за прошлую свою причастность к НТС.

Что же сказать теперь этой женщине, которую мы гнуснейшим образом оклеветали, надсмеялись и изломали ей жизнь? Узнав адрес, столько незаслуженно из-за НТС перенесшей Пепескул, ныне уже немолодой, я ей послал свои глубокие извинения за то, что тогда не имел достаточно мужества открыто заклеить этот, лишенный чести, поступок.

Она до сих пор не забыла преступления, загубившего ей жизнь, опорочившего ее доброе имя.

Руководство НТС! Что предпринято Вами по этому поводу? Ведь поступок очернения Пепескул и безобидного молочника Черташа, с дальнейшим отбытием ею суровой кары, пострадавшей и от югославских властей и потом от советского правосудия, а также в данном случае неповинного РОВС'а, заслуживает одно название — **подлость!!!**

ПЕРВЫЕ СВЯЗИ С ИНОСТРАНЦАМИ

Руководство искало связей с иностранцами по всем странам. Увы, предложения, в том числе и иностранным разведкам, своих услуг эмигрантскими организациями, намного превышали спрос. В приобретении подобных связей организация даже не усматривала ничего зазорного. Мы обманывали себя, наивно рассуждая, будто мы только используем иностранцев, и под видом помощи мы будем проводить с СССР свои интересы. Мы чересчур были самоуверенны и не учитывали неумолимой аксиомы, —

более сильный использует более слабого, а не наоборот.

Как-то однажды после публичного, полного пыла, выступления НТС в Белграде, где было сказано много искренних слов и проявлено благородных чувств к Родине, ко мне в буфете-автомате на главной улице, подошла незнакомая женщина средних лет. Мне запомнилось ее лицо, доброе, вдумчивое. В чуть раскосом разрезе глаз отражалась грусть и преждевременная душевная усталость.

— Извините, я с вами не знакома. Это неважно. Я вчера была до глубины души тронута выступлением ваших товарищей, — сказала она. — Вы искренне верите, что можно в России вести какую-либо акцию, не запятнав себя связью с врагами России?

Я, было, принялся с жаром убеждать. Она не стала слушать и несколько резко оборвала меня.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Когда-то я тоже пыталась работать. Я отдала все силы и работала с теми, кто пытался стать на путь борьбы, в частности, в «Братстве русской правды». Но все неизбежно кончалось так мерзко — недостойной связью с иностранцами. Без них вы бессильны: вы на их территории, деньги у них, вы подвержены их юрисдикции. Вы неизбежно превратитесь из воображаемых «борцов за Россию» в пособников врагов Родины. Я поняла это и порвала с ними навсегда.

Я снова хотел возразить, но она опять нервно перебила меня.

— Не надо, не говорите, я не буду вас переубеждать. Когда-нибудь вы поймете ошибку. Больно как будет разочарование. Желаю, от души желаю, вам его не испытать, — и она протянула мне руку, глаза ее стали влажными. Она быстро ушла.

Позднее я узнал, — то была дочь небезызвестного профессора Локоть. Прошло много лет, и я не забыл выражения ее лица. Да, многое постигается только опытом.

Не знаю, где вы и живы ли вы, милая, искренняя женщина с большим русским сердцем. Но если до вас дойдут мои слова, примите от всей души спасибо за ваш мудрый совет, к которому я был так беспечно глух. И не судите меня, если ваши слова своевременно не нашли отклика. Это произошло трагически, много лет спустя. Я дорого заплатил за опоздание. Но я знаю, вы не осудите...

СВЯЗЬ С ПОЛЯКАМИ И ПЕРВЫЕ ОТПРАВКИ

Итак, на первых порах мы вынуждены были связываться с РОВС'ом. Политические акции этой организации после провала гражданской войны на политической бирже давно не котировались.

Буржуазные союзники оказались вероломны. После гражданской войны они смотрели на РОВС так: «Мавр сделал свое дело, он может уйти».

И, все-таки, старым генералам иногда удавалось обмануть некоторых легковверных иностранцев, будто у них есть корни, и внутри страны ими ведется подрывная работа против советской власти. Они уверяли о якобы все возрастающей популярности белого движения в народе и что только нечеловеческий террор и страх населения удерживают страну от поголовного восстания. Ради этого надо нелегально отправлять агентов в Советский Союз. И они первые годы отправляли отдельные небольшие группы. Шли они с чувством ненависти и мести, не выдвигая никакого идейного багажа, кроме любви к отошедшей России. Люди попадались на горячем, люди гибли. Молодая советская власть беспощадно

относилась к незванным гостям, тем более, что еще не потухли страсти гражданской войны.

Провалы организации Кутепова и подпольной работы «Русской правды» сделали то, что вскоре охотников идти на эту работу почти не находилось. На этот рискованный путь можно было соблазнить только неопытную молодежь. Тем охотнее они раскрыли перед нами возможности губить свои жизни по линии иностранных разведок, для которых эта засылка нужна была в чисто профессиональных целях. Мы легко поддались на эту удочку. Так безрассудно погибли беспечный студент, член белградского отделения Петр Ирошников, член крагуевацкого отделения Фроловский и др.

В результате ненужной гибели пыл руководителей несколько поостыл. Но массы, призванные руководством к активности, продолжали ждать обещанного поля деятельности, грозя разбежаться. И от этого еще острее назревала необходимость приобретения связей с иностранцами. Белградский центр, где было сосредоточено руководство над организацией, принимал все меры для их изыскания.

Тут точность требует выразиться определеннее — с иностранными отделениями генеральных штабов и их разведками.

Не иностранцы искали наших услуг. Буржуазия того времени гнила на корню. Она была поглощена развлечениями и устройством личного благополучия. Раздираемой собственными противоречиями, ей было наплевать на внутрироссийские интересы. В то время мы закидывали удочки....., да чего скрывать — дело прошедшее, кому мы их только не закидывали. Мы их закидывали к итальянским фашистам, газета «За Россию» не скупилась на льстивые заискивающие статьи в адрес германских нацистов. Стоит вспомнить, что мы писали (кто хочет, пусть поднимает материалы). Мы заверяли, что большевизм — наш общий враг и, если 25 лет назад Виль-

гельм II и Николай II не нашли общего языка, вследствие чего Германия была разгромлена, а Россия подверглась революции, то теперь пора понять, что союз этих двух государств обеспечивает взаимные выгоды. Нет тех кругов — испанцы, португальцы, французы, немцы, японцы — куда только мы не старались забежать петушком с предложением услуг, но, увы, иностранные каналы были уже заняты более авторитетными организациями, вроде РОБС'а или остатками перекрасившихся эсеров, в лице пройдохи Маслова в Праге, издававшего журнал, полный очковитательства, будто бы его организация «Крестьянская Россия», в которой едва ли числилось три десятка проходимцев во всех странах рассеяния эмиграции, имеет популярность среди крестьян на родине и ведет очень успешную работу против советской власти.

Мы ревновали, когда связи приобретала какая-либо другая организация и завидовали когда, помнится, лидер младороссов Казем-бек был принят с выражением наилучших чувств чуть ли не самим Бенито Муссолини.

То было так и именно так. Однако, осветить наши действия в такой композиции означало бы аттестовать нас как лиц, опозоривших русское имя. А мы, хотя так поступали, ими не были. Мы убеждали себя, словно дети, что возьмем деньги и нужные паспорта, согласимся исполнять их указания, но обманем и служить будем только нашей цели. Мы сами себя подчинили нами же созданному гипнозу, не смея сказать, что «король — голый». Вот как проявляли себя на деле отрицатели-процесса и как мы понимали практически «значение личности в истории».

Без связей с иностранцами существование анти-

советских организаций невозможно. НТС, не имея их, был близок к агонии. У руководства почти иссякли надежды. Тяжелые, полные бесперспективности и бесплодия, наступили дни. И вдруг неожиданно судьба улыбнулась. С организацией согласился сотрудничать восточный отдел польского генерального штаба. Наконец, руководство облегченно вздохнуло. Организация спасена.

Дух НТС и его устав исключали внутри демократичность. Никто из стоящих в руководстве членов по разным странам не дерзнул поставить на обсуждение, как выглядит это сотрудничество с точки зрения русского достоинства и морали.

Итак, отныне мы могли ходить с высоко поднятой головой: у нас появился альянс с враждебными Советскому Союзу польскими правительственными кругами и польским генеральным штабом. Они милостиво согласились подготавливать членов НТС к нелегальному переходу советской границы, снабжать поддельными документами и паспортами.

Подумать только, что никто в эмиграции не подал нам предостерегающего голоса, никто не заклеил наших начинаний. Это яркое доказательство насколько эмиграция, состоявшая из государственных деятелей прошлой России, к тому времени морально деградировала. Она завидовала нам, а не осуждала. Впрочем, как-то в советской газете промелькнула, помню, сатирическая заметка Эренбурга в наш адрес: «За две германских марки». Признаться, меня удивляет допущенная валютная неточность маститого журналиста. При чем марки? Мы действительно их были не прочь заполучить, но жадные немцы не давали. Почему же марки, когда в действительности фигурировали злоты и иены?!

ПЕРВЫЕ ОТПРАВКИ

Белград, где расположился центр, при строгой централизации, предусмотренной уставом, был для

организации руководящей «Меккой». На этот раз в руках было «настоящее» дело и руководство готовилось к нему со всей серьезностью. Надо было подобрать подходящих кандидатов, способных выполнить ответственную задачу. Прежде всего, нельзя было упасть лицом в грязь перед польскими меценатами.

Еще значительнее стояла другая задача. Она определяла дальнейший смысл существования самой организации и ее деятельности. Как мы ни претендовали на знатоков советской действительности, фактически же мы питались о ней только слухами и сводками официозов. Требовалось своими глазами увидеть Советский Союз и дать ему непосредственную оценку.

При создании, организация основывалась на честных основаниях. Мы хотели, не делая кумиров, беспристрастно пересмотреть всех «богов» старой России и никого не ставить на пьедестал без беспристрастного тщательного разбора. Мы, новое поколение зарубежья, были свободны выбирать из сложного клубка политических идей и противоречий то, что считали истиной. Нам надо было понять требование века, чтобы служить родине и народу. Таков был источник наших побуждений. Да, мы склонялись к антисоветской деятельности. Но неприязнь к большевикам и борьба против них не ставилась самоцелью. Она была следствием наших представлений о правде. Но тут-то и вкралась роковая ошибка. Отгородив себя от всех, мы тем самым уже абстрагировались. Не участвовав в процессе революции и оторвавшись от народа, мы не способны были ощутить ее необходимости. Неудивительно поэтому, что мы, ухватившись за ошибочные концепции, фанатично пошли за ними. В результате, когда спустя годы многое объяснилось, только тогда стало очевидным, что мы наносили вред тому, чему предполагали служить.

И все-таки, за тот этап организации, учитывая наш отрыв от родины, справедливый судья не мог бы вынести иного приговора, кроме: «Виновны, но заслуживают снисхождения».

Так, с помощью поляков мы впервые могли сами убедиться в советской действительности и дать ей оценку. Но к тому времени мы уже отравились ненавистью и она зашла слишком далеко. Из-за нее мы уже были неспособны видеть свет, а склонны были выискивать одни тени.

Допущена была грубейшая ошибка и в выборе людей на столь ответственное задание. Руководство предпочло кандидатуры лиц, годных для работы в подполье и для разведки. А, между тем, для организации несравненно важнее было направить людей, подкованных идеологически, способных реально оценивать обстановку и видеть не форму, а суть вещей.

Такие люди в организации были. К сожалению, они были малопригодны для работы в нелегальных условиях и их кандидатуры отклонялись.

После тщательных размышлений, Исполнительное бюро НТС остановило выбор на трех членах белградского отделения. То были Г. С. Околович, А. Г. Колков и А. А. Чупрунов. Всех их я хорошо знаю, был близок с ними и в свое время немало приложил усилий для вовлечения их в организацию.

Будучи юношей Колков воевал в рядах Белой армии. За личную храбрость награжден Георгиевским крестом.

В эмиграции учился в кадетском корпусе, но образования не кончил. Пошел в рабочие. Работал мастером по паровому отоплению и, когда бывала работа, неплохо зарабатывал. Самолюбивый по натуре, он болезненно переживал свое положение. На

Западе рабочему закрыт доступ в общество и нет перспектив пробиться. Колков крепко запивал. Нелегко было его заполучить в организацию. Этому помогло его болезненное самолюбие. В НТС пользовались особым почетом члены, готовые идти на риск подпольной работы в Россию. Колков соглашался на отправку, и за это в организации он получил ту долю уважения, какую не имел в обществе. Оно льстило ему. Ведь у серба-подрядчика его грубо окликали «эй, рус!», обращались на «ты», звали запросто «Александр». Я любил Колкова и не хочу осквернить его память. Он был отважен, прям и груб. Членом НТС он стал после тщательного обхаживания, при умелой игре на его уязвленном самолюбии. Политически он развит был мало и, зная его политическую неподготовленность, могу только пожать плечами при мысли о его деятельности в СССР.

А. А. Чупрунов — тоже бывший участник белого движения. Беспечный корнет заграничного скоростного производства Александрийского гусарского полка, он был недурным товарищем и работал на текстильной фабрике, прожигая жизнь. Вечно без копейки в кармане, он прокучивал весь заработок при получке. Чупрунов склонен был на любую удалую авантюру ради забавы, не находя применения бурлившей в нем силы. Меньше всего его касались политические идеи, в которых он ничего не смыслил и не пытался делать усилий, чтобы в них разобраться. (Утверждаю, — за свою жизнь он не прочел и десятка книг политического содержания). Чупрунову нечего было терять, и он легко согласился на отправку. Нет, не он ответственен за свою судьбу и трагический жребий. В этом виновны те, кто его сбивал и направлял. Моя роль в этом, должен с грустью признаться, была не последняя.

Как юрист я знаю, что после совершеннолетия закон объявляет человека дееспособным, а следовательно, ответственным за правонарушения. Закон,

по существу, рассчитан на применение к ряду аналогичных случаев. Но в этом сказывается несовершенство юстиции вообще. Один и тот же поступок по-разному квалифицируется, если учитывать личность правонарушителя. В данном случае, нет, не Чупрунов, этот ветреный человек, виновен в своем поступке. Виноват подстрекатель, организатор. Чупрунов потом тоже погиб.

Третий и фактический руководитель этой группы, личность более примечательная, — Г. С. Околович. Это человек конкретного склада ума и действительного характера. Он никогда не был политической фигурой. Незаурядный специалист электротехник, он работал, когда находил работу, по 16 часов в сутки и прекрасно зарабатывал. Когда меня уверяют, что он пошел ради денег, я могу только улыбнуться.

Неправда! Не ради денег Околович стал на этот путь. Напротив, он сам отдавал щедрую долю своего заработка на нужды организации, когда никому в голову не приходило, и меньше всего ему самому, что он так удачно пойдет по конспиративной работе. Мы с ним работали рядом в белградском правлении. Он был заместителем председателя и на этом поприще показал себя способным администратором, не более. Идеино он имел весьма поверхностный багаж. Шел он, веря руководству, поддавшись, в частности, искусному влиянию Байдалакова. Уходя на рискованное задание, он оставлял на произвол судьбы единственную дочь Катю, которую очень любил.

Я был близок с ним, жил в одной квартире, знаю его жизнь до подробностей и решительно утверждаю, — нет, тогда в Околовиче, кроме жертвенности и жажды служения, напетых ему в душу товарищами (в том числе, старался и я), которым он искренне и безоговорочно верил, иных побуждений не было.

Был он прям и прост. Не любил лести и позы. Помню характерный случай. Я уже не был в органи-

зации. Околовичу, из которого сделали кумира, после возвращения из нелегальной поездки в Советский Союз, желая очернить меня, насплетничали, будто я охаиваю его и дискредитирую его подвиг.

В 1942 году он зашел ко мне на квартиру в Берлине. Околович не терпел шушуканья за спиной и чистосердечно спросил: — Правда ли это? — Я ответил утвердительно. — Почему ты это делаешь? — Я твой поступок ценю, но мне противно созданное вокруг твоего имени подобострастие. Это вредит делу. Молясь на тебя, члены считают, что им нечего делать, так как это доля сверхгероев. Мы же должны быть все готовы совершить что потребуется. Панегирики приводят к мысли, что это что-то сверхъестественное, недоступное другим.

Околович — он небольшого роста — бросился мне на шею, обхватил ногами талию и с жаром поцеловал: — Ты прав! До чего же мне противна лесть. — Таков был Георгий Околович того периода. Отважный, жертвенный, прямой и труженик, без широких идеологических горизонтов. Пожалуй, идейная ограниченность и была причиной, почему он впоследствии опустился до профессионала «закрытой работы».

Вот каким людям руководство поручило определить сложный процесс, происходивший в России. От их разведки зависило дальнейшее направление работы организации.

Сам Байдалаков был неспособен охватить всей глубины и важности стоящей задачи. В прошлом белогвардейский корнет, он был весьма прагматичен в выборе и оценке людей. Однажды, в порядке характеристики кадров, я запросил Байдалакова о некоем К..., человеке шаткой морали. Байдалаков, любивший красоваться перед окружающими цветистыми афоризмами, ответил: — Золото человек: он — преступник.

★ ★ ★

В 1937 году эти три человека, первыми из организации, совершили рискованную экскурсию в Советский Союз и, объездив много городов и местностей России, вернулись за границу. Вернулись, разумеется, овеянные лаврами, неподдельными восторгами и аплодисментами всей организации.

Отныне организация стала считать, что «приобщи́лась к России». По существу эта поездка не только не приблизила нас к советской действительности, а, поставив во враждебную позицию, отдалила на непреодолимое расстояние.

Что могли из подполья, кроме изнанки, увидеть эти три человека, неспособные охватить сущность огромного процесса, происшедшего в сознании людей нашей родины? Они устремлялись осматривать уборные и, не ища дверей других комнат, по ней судили о гостиной, кабинете и всей квартире. Они видели тогда еще неокрепшие колхозы, с несовершенным инвентарем. Они наблюдали бедно одетых людей, видели Россию в спецовках, набитые до отказа поезда. Им после Европы, где был кризис перепроизводства и безработица, бросались в глаза перебои в доставке продуктов первой необходимости. И эти частности от них закрыли целое. Да разве с их горизонтами и подготовкой за такой срок можно было заметить, что в этом процессе выковался новый человек? По силам ли этой тройке было определить, что за этим скрывалась перековка людей, уходивших от старых понятий к новым? Они проглядели, что в лихорадке создания гибло слабое, негодное, а выживало сильное и рождалось обновленное. Они не заметили, что в результате этой нелегкой, полной напряжения жизни, возникали другие понятия и взгляды. За перебоем своевременной поставки спичек торговой сетью в магазины, они не усматривали, как закладывались и вырастали гиганты-заводы, возникали в пустынях города, осваивались территории необозримой России с ее окраинами, лежав-

шими веками под спудом. Мимо их глаз прошла выработка миллионных кадров рабочих специалистов, в стране недавно аграрной, ускользнула массовость образования. Не увидели они и национального роста многих отсталых народов бывлой России. Они не увидели... да много чего они не увидели.

Впрочем, Околович, безусловно наблюдательный, усмотрел некую свежесть у народа, его подвижность, однако, не сумел сделать обобщающих заключений.

Вернувшись за рубеж, Околович побывал в Белграде. Его приезд обставили, как это у нас водилось, таинственностью и помпой. Помню, на конспиративной квартире он передавал свои впечатления о поездке. Позднее, уже попав в гущу советских людей, я вспоминал не раз его описания и сравнивал их с действительностью. Что сказать по этому поводу? Он честно передавал так, как понимал, не стремясь ни приукрасить, ни утаить. Он мог, в лучшем случае, ухватить то, что фиксирует объектив фотоаппарата, а для существа оценки нужна была кисть тонкого художника, способного схватить не форму, а существо явлений, определить их взаимосвязь, уметь отделить главное от второстепенного. С этой задачей Околович не справился. То был в лучшем случае обзор разведчика, но не психолога и идеолога. А нам не хватило обзора и умозаключений именно последних.

Между прочим, я слышал наблюдения, куда проницательнее, Ю. А. Герцога, сделанные уже в период войны во время пребывания на оккупированной территории. Герцог устроился в какую-то организованную немцами пропагандную труппу и разъезжал по различным местам оккупированной территории.

За культурную работу в труппе он был даже награжден незначительным немецким орденом. К чести его сказать, он стеснялся награды и никогда не носил ее.

Способный и склонный к психологическому анализу, Герцог не мог не обратить внимание на благоприятный переворот в сознании и характере советских людей. Его описание и оценка, в частности, интеллигенции, оставляли глубокое впечатление. Но Герцог, как и все члены НТС, был в плену общего психоза организации и не настолько был свободен от предрассудков, чтобы поставить кардинальный вопрос о пересмотре ее направления в нужной полноте. А жаль...

С возвращением Околовича начался крутой перелом в его натуре. Человек конкретного дела, Околович, как я уже упоминал, первоначально в организации не мог найти применения ни на идеологическом поприще, ни в публицистике, ни в агитационно-пропагандистской работе. Теперь он переменял былую прикладную специальность электротехника на разведчика. С этого времени Околович политически умер. Он отдался технике подготовки кадров для переброски, не давая себе труда задуматься о моральной стороне этой работы и своей роли в ней. Драматизм Околовича, превративший этого честного, прямого человека в механического специалиста-разведчика и пособника иностранной агентуры заключается в том, что организация его поощряла, средства ему отпускались иностранцами, его увлек рискованный характер этой работы, и все это, вместе взятое, отвлекло его в сторону от основного вопроса, ради которого мы некогда создали организацию, — служим ли мы этим России. Скоро Околовича перестала интересовать конечная цель, он весь отдался только злобе дня: кого завербовать и как подготовить и перебросить. Поставленный центром после возвращения во главе закрытой работы организации, он без разбора стал вербовать людей для

отправки, не считаясь с их пригодностью в идейном и в техническом смысле. Нет, то уже не была работа организации в ее первоначальной чистоте. Засылаемым в Россию членам, кроме заданий организации по части агитации, создания нелегальных групп и сбора бытовых информации, одновременно рекомендовалось при случае не брезгать узнать вещи военного и стратегического значения. Это делалось под предлогом необходимости укрепления связей и благодарности польским друзьям за их «бескорыстную» помощь организации. Так, незаметно, организация замарала себя иностранным шпионажем.

Георгий Сергеевич! Эти слова, верно, дойдут до тебя. Не суди меня за них по мотивам личного самолюбия. Я знаю тебя, как человека, который никогда не лицемерил и не боялся смотреть в лицо правде. Лично, как говорил тебе в годы нашей молодости, я никогда не перестану питать к тебе добрых чувств. Об этом я не боялся и не боюсь заявить во всеуслышание. Как к человеку, в случае беды, я всегда готов придти тебе на помощь, и при нужде поделиться последним куском хлеба, как и ты в письме мне предлагал, если приеду в Германию, жить у тебя. Но ведь в данном случае речь идет не о наших частных симпатиях, а о несравненно более важном — о родине, о нашем долге перед ней и народом. Тут надо отбросить фиговые листочки. Может, я где-то не точен в изложениях? Тогда скажи. Уличи меня. Нет, в сказанном нет ни тени выдумки, и я не боюсь гласности.

Итак, после удачного перехода и возвращения первой группы, у руководства закружились головы. Отныне мы не представляли конкретно, для чего направляли людей в Сов. Союз. Мы звали их на «великие дела и подвиги». А их-то и не было. В основном люди шли, не зная куда, зачем и для чего. То

были выстрелы в пространство. За редким исключением, засылаемые гибли.

Теперь это прошлое. Давайте же разберемся в нем. Разве после первых провалов не стало предельно ясным, что уходившие обречены на напрасное убийство? Нет, мы им формально, конечно, не приказывали идти в Россию. На это у нас прав не было. Но мы их держали в тисках созданного нами гипноза. Помнится, не ручаюсь за точность, философ Соловьев в разборе критики «Преступления и наказания» Достоевского утверждает:

«Уважай в самом себе и в каждом другом человеке его человеческое достоинство и ни одного человека не делай средством для достижения чуждых ему целей».

Спросим же себя: достаточно ли люди понимали на что шли и точно ли мы объяснили им обстановку? Я задаю этот вопрос со всей для нас ответственностью перед памятью по нашей вине погибших товарищей. Я задаю его потому, что не раз встречал бывших членов НТС в условиях советской действительности. До чего же жалкий вид и смешна была роль у большинства. Этим ли людям, бывшим куда слабее и неопытнее советских, было вести их?

Первые отправки людей в Советский Союз еще можно объяснить расчетом на создание нелегальных групп, организацию террористических актов, подпольную пропаганду. Но провал за провалом, гибель за гибелью обманутой наэкзальтированной молодежи должны были отрезвить руководство и прекратить напрасные жертвы. Поэтому, с болью в сердце, я говорю, что вина за их смерть лежит на всех нас, в том числе на мне, который не одного человека совратил на кровавую авантюру.

Поскольку тут речь идет о смерти наших товарищей и дело это прошлое, наш долг — конкретнее, на фактах, объясниться по этому поводу.

Скажите, что общего имела, например, Мария Дурново, эта отважная и неопытная женщина и ее не менее наивный брат Василий с такого рода действительностью? А неграмотный Никоненко? На что он годен? Вспомним доверчивого рабочего Спицу, убогого Гурского, Берегулько, провинциального, бывшего корнета, бородатого Бабкина, недалекого Леушина, Лукницкого и многих, подобных им? Ведь теперь-то я в советской действительности достаточно проверился, чтоб иметь право на самостоятельное суждение об этом.

Они — жертвы нашей безответственности. Как смели мы не видеть, что посылаем их ради эмигрантской забавы от безделья, что в лучшем случае это даст нам право покрасоваться перед эмиграцией и иностранцами с видом, будто мы делаем что-то важное.

Я не желаю уклоняться от ответственности. К чему? Дело уже совершено. Разве Мария Дурново и ее брат Василий ушли бы, если я неустанно в ярких сказочных тонах не рисовал бы им мнимые подвиги и не описывал в радужных красках «значение личности в истории»? Разве не на моей душе лежит отправка и смерть совращенных персонально мной Е. Акулова, В. Чеботаева, Д. Потапова, Хлобыстова и других лиц? Им в голову не приходила мысль посвящать себя подобной аванюре. Жизнь и интересы этих людей протекали совсем по иному руслу, а натура никак не соответствовала такому назначению. Но ведь я и мне подобные умело вклинивались в их жизнь, брали под бдительную опеку и властвовали над их психикой. И погибли они все, ничего не совершив, по вине посторонних, вкравшихся в их жизнь людей, ради выдуманной ими химеры. Это я понял еще в эмиграции, незадолго до войны, и с тех пор оно тяжелым грузом лежит на моей совести. Теперь я относительно спокоен. Понеся наказание,

я почувствовал, что получил от Провидения заслуженное возмездие.

Если я загубил жизни своих товарищей, то и сам избрал путь не легче их участи и тем искупил преступления, столь опрометчиво совершенные в молодости. Куда легче было испытать 5 минут страха под дулом автомата и смерть, чем то, что испытал я в последующие годы.

Я не желаю прятаться в кусты от ответственности, но я, все-таки, непосредственного отношения к отправке членов не имел и не был в курсе всей закулисной игры этого сектора нашей деятельности.

Но чем оправдаетесь вы, господа Байдалаков, Георгиевский (ныне покойный), Околович и остальные члены совета и соучастники проведения этой работы? Могли ли и смели ли вы, убеждаясь, как ни за что гибнут поверившие вам товарищи, не видеть напрасности этих засылок? Я не приписываю вам злой воли, потому что знаю вас. Вы — не сознательные преступники. Вы попросту твердолобые фанатики и честолюбцы! Как смели вы игнорировать кровавость этого пути? Что скажете общественности? Что объясните, только без изворотов, как было на самом деле, тем наивным и совращенным членам организации, которые еще и сегодня верят в возможность криминального фарса, именуемого закрытой работой?

Вам было стыдно из-за ложного самолюбия признаться в ошибке. Вы боялись утратить сомнительной ценности реноме «первых парней на деревне в эмиграции», расстаться с позой исключительности, без оснований принятой нами перед эмиграцией!

Любопытно бы знать, отчитывается ли хоть теперь руководство перед членами организации, кто из них гибнет и терпит провал, или продолжает

скрывать от них правду и спекулировать на «достижениях»?

И еще: вас сдерживало малодушие перед работниками польского генерального штаба, оказывавшего организации техническую и материальную поддержку. Что ж, не побоимся и здесь назвать вещи их именами. С момента получения от них денег и возможности подпольной работы, мы навсегда распрощались с независимостью. Мы продали нашу свободу мышления, убеждений и действий полякам за чечевичную похлебку.

Я вновь спрашиваю нынешнее руководство НТС: прав ли я в обвинении? Если я ошибаюсь — опровергните. Приведите доводы, продемонстрируйте факты. Нет, не передо мной. Я не судья вам, я сам виновен. Но дайте ответ за этих людей перед совестью, обществу открыто, при свете дня.

СВЯЗЬ С ЯПОНЦАМИ

Если наша подпольная деятельность не нашла распространения в России, зато ее неожиданно оценили совсем в других кругах. То были старинные «бескорыстные друзья» России — работники японского генерального штаба. Именно штаба, а не японской общественности, которая могла по принципиальным, допустимым, реакционным мотивам симпатизировать «борцам за национальную Россию против большевизма». Нет, нас оценили закоренелые враги России, грезящие десятками лет о захвате русской Сибири и Дальнего Востока. Разве в их оценке, точно в зеркале, не отразилось, кем мы стали? Пусть некоторые поляки, на почве анахроничной идеи славянского братства, еще могли симпатизировать реакционным кругам России. Но при чем тут японцы? Нация, мечтающая о России как о колонии, наглые захватчики Сахалина, воспользовавшиеся временной слабостью России?

Некогда римский император Веспасиан ввел, удививший современников, налог на уборные, выразительно заметив при этом: «деньги не пахнут». И, все-таки, в этом виде пополнения казны было меньше позорного, чем в японской помощи. До чего убогими были наши доводы, что мы, ничтожная группка эмигрантов, обманем японцев, взяв у них средства и ничего не дадим взамен.

Японцы предоставили нам удобное место для работы в Германии, обеспечив всем необходимым. Его условно называли «льдиной».

Из Белграда туда удостоен был чести и доверия на отправку А. С. Казанцев. Поработав на «льдине» некоторое время, он возвратился в Белград. За время отсутствия было заметно, что он сильно вырос. Поездка и работа там расширили его горизонты. Но вырос он как-то в сторону. Это был уже не тот чистый, с ясным, вдумчивым взглядом Шура Казанцев. В его лице и манерах появилось нечто новое, похожее на то, что сделалось с портретом опорочившегося Дориана Грея Оскара Уайльда. Работа у японцев изменила натуру этого одаренного и честного ранее человека. В нем улавливалась некая испорченность и неприятный апломб. Чувствовалось, что он стал считать себя умнее и выше окружающих и неумело скрывал это. Ничто так не выявляет человека, как отношение к людям ниже себя. Впрочем, он не стал ни выше, ни умнее. Иначе его поза не была бы замечена окружающими. Он попросту стал опытнее и самоувереннее, но за опыт он заплатил былой чистотой, обаянием и скромностью.

Итак, после связи руководства с поляками и плюс с японцами, еще до войны НТС утратил первоначальную чистоту идеи и политическую непорочность.

Из этого видно, что действия из-за рубежа против Советского Союза в нашу эпоху, рано ли, позд-

но, неизбежно приводят к материальной зависимости от иностранцев и превращают организацию во вражеского России пособника.

Японцы нас оценили. Это можно заключить и из того, что матерый аферист и многолетний лакей японского штаба, атаман Семенов, учуяв, что дело пахнет иенами, поспешил внезапно засвидетельствовать нам свое нижайшее почтение с предложением сотрудничества. Но мы, дудки, хотя были молоды, но реальны и японскую помощь ни с кем делить намерены не были. Так старый аферист и остался с носом. Было и у нас свое уменье!

Я не стану копаться в мотивах, отчего я отошел от организации в 1940 году, о моих расхождениях с руководством. Не стану оправдывать себя и обвинять их. Причины были скорее конъюнктурные, чем структурные. По существу я оставался с ног до головы пропитанным энтеэсовской идеологией. Как бы там ни было, но с тех пор я пошел своим путем, свободным от уставных норм организации.

С уходом из НТС я чрезвычайно мучился. Я понимал ясно всю бесполезность отправки людей в Россию и ответственность за их напрасную гибель. Голос благоразумия мне говорил: «Назад, ты совершаешь убийство товарищей!» Голос совести шел наперекор: «Как смеешь ты отказаться от работы, на которую звал других! Каким негодяем ты выглядишь в их глазах!»

Это был мучительный процесс. Одно я понимал совершенно отчетливо: впредь я не должен прикладывать рук к этой области. Трудно сказать, чем бы кончились эти, не дававшие покоя колебания. Дальнейшее решил ход событий. Война поглотила все. Умирали и истреблялись миллионы. Во время войны я не слышал, чтобы кто-то из засланных нашелся...

ВОЙНА И ЗАВИСИМОСТЬ ОТ НЕМЦЕВ

Настроение во время войны стало еще запутаннее. До чего было мучительно и позорно желать победы своему народу и в то же время находиться в стане врага и невольно на него работать. Когда наш народ от глубины души пел: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», мы не смели петь вместе с ним, потому что мы были не с народом. В дело войны нашего пая вложено не было. Мы «политиканствовали» и только.

Мы узнавали о героизме советских людей, мы были немymi свидетелями зверства немцев над ними, бессильные им помочь. Мы видели умиравших от голода пленных и наблюдали обезьяньи издевательства гитлеровцев над перемещенными лицами (остами). И от этого меня не покидало сознание собственной проституированности. Как больно и бесконечно стыдно нам, русским людям по ту сторону фронта от русского народа, было смотреть в глаза мобилизованным рабочим, пленным и голодающим соотечественникам от сознания того, что мы находились на привилегированном положении у их палачей. Кусок хлеба застревал в горле при мысли об этом. Они, эти люди, единственные в мире, дерущие с нечеловеческим напряжением за свободу Европы и человечества под стенами Сталинграда, другие из них мужественно выносят голод в осажденном Ленинграде, третьи томятся в невыносимых условиях германских застенков, а ты, точно посторонний, наблюдаешь, пользуешься преимуществами, данными тебе врагом. А ведь совесть не молчала. Она нашептывала: «Беги! Твое место не тут. Ты — русский, ты должен быть среди пленных за проволокой, среди партизан, но только не в гнусной позе умывающего руки Пилата». И приговором где-то внутри откликались против воли слова Некрасова:

От безумно и праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви...

Первоначально во время войны политическая эмиграция могла обмануться или оправдываться попыткой второго Брест-Литовска. Неясно было многим, примет ли народ войну на свои плечи, пойдет ли за советской властью, или воткнут штыки в землю и повернут оружие, как в предыдущую войну. Туманил голову соблазн — почему большевикам позволен вариант Брест-Литовска, а нам нельзя — он подталкивал многих эмигрантов на скользкий путь и успокаивал тревоги совести. Эмигрантским фантазерам грезились, что немцы пойдут «освобождать» Россию от большевиков. На это делали ставку РОВС и вся фашиствующая эмиграция вплоть до проходимца И. Л. Солоневича. Они мечтали к немецкой захватнической войне присоединить гражданскую и, въехав на немецкой спине, попытаться восстановить «Россию без советской власти». Поэтому многие возлагали радужные надежды на «власовщину». Но эта концепция была нереальна. Она явилась в результате невежества эмигрантских горе-политиков в существо немецких планов и природы фашизма. И без их подсказок немецкое командование отлично представляло, что внеся в Советский Союз политический раздор, можно ослабить силы противника. Но что это дало немцам, идейно вообще отрицавших Россию? «Майн Кампф» с циничной откровенностью утверждала, что России вообще не должно быть. И кто из немецких солдат, шедших с мыслью захвата и обогащения за счет России, стал бы проливать свою кровь и гибнуть на фронтах за чуждые им интересы русской реакции?! Для этого нужно было невозможное: немец должен был перестать быть немцем и фа-

шистом и чудом превратиться в русского националиста-эмигранта. Это был расчет, будто яблоня может родить апельсины. Вот какой очевидной истины не могли постигнуть эмигранты, навязавшие немцам нежизненный рецепт «создания русской армии и правительства».

Дальнейший ход событий показал коренную утопичность подоплеки «второго Брест-Литовска». Совсем другой была природа этой войны, недаром названной «народной» и «отечественной», чтоб можно было бы к ней применять этот использованный и неуместный в данном случае прием.

В первой войне, чуждой интересам широких масс воюющих народов, было естественно братание между солдатами. Фрицу и Ивану, призванным неизвестно почему потрошить друг друга, было невдомек, для чего это надобно. В самом деле, им нечего было делить, не о чем спорить и сама война, кроме убийств, инвалидности и материальной бесперспективности в будущем ничего им не сулила.

Иной оборот приняла эта война. Эсэсовцы отлично знали, во имя чего они шли. Они двинулись на Восток не из-под палки, а по доброй воле, пропитанные звериной ненавистью к низшей расе, т. е. к русскому народу, с сознательным желанием захвата его родины, грабежа его имущества и превращения его самого в рабочий скот.

В 1917 году в России шло разложение. Массы народа были пассивны к войне. Солдат охотно втыкал штык в землю. В данной войне воевал весь народ, от пионера вплоть до женщин и стариков. Такого тотального подъема народа еще не знала всемирная история.

Наконец, компромисс Брест-Литовска оправдался полностью водворением флага нашей Родины

над рейхстагом, освобождением мира от фашизма и новым, еще небывалым, величием России. А тот Брест-Литовск, о котором мечтали эмигранты, мог принести только братоубийство, развал великой страны, без малейших перспектив на восстановление. Больше буржуазия не стала бы ротозейничать и не позволила бы низвергнутой России подняться на ноги.

И когда этот героический, измученный невиданной бойней народ, ограбленный врагом на пепелище родного дома, торжествовал заслуженную победу и каждый советский человек мог с любовью и радостью честно посмотреть другому в глаза с благородным сознанием выполненного долга, эмигранты, в том числе и члены НТС, в роли преступников водворялись в лагеря (доля тяжелая, но все же не без элемента честности и гражданственности. Провинился — не беги от ответственности!) или шли уныло, понуря голову в обозах, разгромленных героическими борцами России, остатков враждебных ей армий. Вот когда во всю ширь сказался позор нашего откола от народа! Утомленный народ ликовал во всю. По всей стране красовались плакаты: «Слава народу-победителю!» А мы? Мы грустили, грустили вместе с врагом над собственным ничтожеством, с унижительным чувством пасынков победы!..

ЭМИГРАНТЫ

Работая с немцами, иногда даже с гестапо, никто из энтеэсовцев, я это утверждаю, не любил их. Мы не прочь были даже позабавиться анекдотцем и похихикать над немцами за их спиной. Многих энтеэсовцев не раз арестовывали. Но это была строгость к «своим». Врагов они уничтожали. Ни один из них не погиб в лагерях у фашистов. Существенно и то, что не симпатизируя ни немцам, ни советской власти, во время войны члены НТС все же приспособились в тылу именно у немцев. Ни один из энтеэсовцев не

носил советской формы и не защищал Родину от захватчиков, как весь русский народ. Зато из энтеесовцев, с ведома руководства, отдельные члены позорили русское имя, облакаясь в немецкий мундир. Так, например, К. А. Евреинов дослужился до чести носить фельдфебельские погоны.

Этой половинчатой аморфной позы, конечно, русский человек не простит и не поймет. Бывший фронтовик, сразу поставит естественный вопрос: «Каким образом вы, русский, будучи в тылу у врага, живы? Почему нас уничтожали и за что вас щадили?» Как ему ответить?

Бывший член НТС, Б. Я. Оксюз, мой дважды однопледец по судимости, мне рассказал личный случай, уместный для иллюстрации этой темы.

Он, находясь на оккупированной территории, при отступлении немцев, решил остаться. Его вскоре обнаружили. И когда жители узнали, что он «с той стороны», на него яростно набросились. Со всех сторон неслось: «Убить, убить его, гада!»

Да, то были крики не органов госбезопасности. То был голос своего народа, за который он боролся. Как ни парадоксально, с трудом спасли Оксюза в критический для жизни момент, от «народной признательности», именно те органы госбезопасности, против которых он боролся. Им с помощью оружия удалось поспешно скрыть в стенах тюрьмы этого «борца за народ» от выражения заслуженных «симпатий» тех, кого он грезил «спасать от большевизма».

В какую бы грязь человек не упал, он не должен в ней валяться. Надо подниматься и идти в баню. И тем, кто считает себя русским патриотом, кто любит по-настоящему свой народ, нечего трусить признать свою ошибку, а со свойственной русскому человеку прямоотой смело заявить об этом во всеуслышание: «Виноват! Заблудился! Простите!»

А если понадобится, то понести кару. Для

истинного сына России, это не зазорно, раз он виноват. Таково мое мнение. А русский народ — это народ самый широкий. Он зла долго не помнит и, уж если простит, то от всей души.

Я неправ? В чем?

КОНЕЦ ВОЙНЫ

С дальнейшим ходом войны мне становилось невыносимо. Напрасно я ставил для утешения свечечки перед совестью: то собирал вещи и продукты, раздавая их перемещенным немцами из России лицам и военнопленным, то, связавшись с югославскими партизанами, переправлял к ним желавших спастись от немцев советских граждан, то утешал себя, что и меня немцы арестовывали. Все это были жалкие попытки замазать черное белой краской, не более.

Кончилась война. Я оставался в Югославии. Кто хотел эвакуировался с немцами. Серые родные шинели победоносно продвигались на Запад. Я не в силах был бежать от них. Смерть, расстрел, лагерь, лишь бы не постыдное бегство от русского солдата.

Но не только эта сторона меня влекла на Восток. Мой идейный багаж все еще оставался «энтезесовским». Я продолжал быть убежденным в неизбежности крушения социалистического строя и не сомневался, что по окончании войны непременно последуют коренные сдвиги социалистической системы. Мое пребывание в этот момент на Родине даст мне, не из-за рубежа, а изнутри страны, вместе с народной волной, независимо от иностранцев, активно включиться в борьбу за изменение существующего порядка. При другом варианте, т. е. утверждении и укреплении советской системы, я предполагал (и не ошибся), что меня определят в лагерь, где я смогу развернуть систематическую антисоветскую работу в самой гуще идейно направленного против существующего строя отборного элемента. Тяжести

пребывания в лагере — я их знал больше по Солоневичу — меня не пугали. Напротив, они подзадоривали. Более мне были невыносимы мой эмигрантский застой и благополучие.

«Только туда, только к своим, — говорил я себе, — только личным пребыванием там я смогу очистить свою совесть за безучастность к этой войне и искупить вину за бездействие.

Только попав в Россию, я смогу искупить также вину и перед отправленными ранее и напрасно погибшими членами НТС. Какая бы кара меня не ждала, я должен испытать то, на что звал других».

Через отъезжавшего на Запад Г. П. Чекалова я передал в НТС, что держу курс на Восток, где буду пытаться наладить подпольную работу.

Наступили желанные дни. Я видел, видел своими глазами, как бежали в панике перед русским бойцом гордые арийцы, перед которыми вчера покорно склоняли головы народы Европы. Я видел с какой беззаветной храбростью, пренебрегая жизнью, шли на танки с бомбой и автоматом эти люди, грязные и небритые, в зеленых засаленных гимнастерках. И я испытал чувство непередаваемого восхищения и гордости, когда курносый Иван бил рыжего Ганса и, победитель французов, англичан и других народов, постыдно бежал, бежал перед простыми нашими ярославскими, пензенскими героическими Петром, Грыцком, Сидором... Да, то было для меня, униженного за рубежом в национальном достоинстве человека, величественное зрелище — торжество России и разгром ее врага. И как ни сурово я был наказан, сколько ни пережил я тяжелых лет, но этот исторический час победы моей Родины, победы моего народа над врагом, стоил любой оплаты!

Сербы радовались полученной от русских сво-

боде. Меня давила неопределенность. Одно было несомненно: Рубикон перейден. Отныне я в сфере советского влияния. Как-то решится моя судьба...

Решилась она через две недели. 17 октября 1944 года безвозвратно оборвалась моя прошлая жизнь. Я был не из последних в списке, кем давно интересовались органы советской контрразведки.

Не стоит описывать как я был арестован, самолетом доставлен в Москву, ход двухгодичного тяжелого следствия на Лубянке и Лефортовской. Шла война. Ее надо было выиграть любой ценой. Персонально разбираться времени не было. Необходимость требовала волевой руки, решительных действий для обеспечения тыла и фронта. Рубили лес, летели щепки. Непередаваемо тяжело было наблюдать сквозь тусклое окно Лефортовской тюрьмы иллюминацию и салюты в честь победы и окончания войны. Спустя два года тяжелых тюремных условий я очутился в лагере.

Прощай все, чем я жил до этих пор! Прощай Запад! Прощай навсегда!

Здравствуй же, моя великая Родина. В бушлате и под конвоем пришел я к тебе!

ЗЕЛЕНАЯ КНИЖЕЧКА

Так судьба отделила меня от НТС на 20 лет.

За этот период к нам просачивались через случайных лиц скудные сведения об организации. Буквально единицы на тысячи, окружавших меня заключенных, что-либо слышали об НТС. И только в 1956 году, когда со всех лагерей лица без гражданства сводились в Тайшет и Мордовию, я с частью своей группы, в том числе с Ковальчуком и Оксюзом мог найти некий материал по интересующему меня вопросу. Во-первых, я разыскал многих бывших членов НТС и установил адреса освободившихся. Затем с рядом близких мне лиц стал вести опрос среди заключенных, прибывших из всех политических лаге-

рей страны, с целью узнать, что и где творилось за эти годы в сфере антисоветской работы. Опросы показали, что организация НТС, за исключением редких единиц, в политических лагерях неизвестна и ее работа нигде не сказывалась. Никто из бывших энтеэсовцев не вспоминал серьезно об НТС и не выражал желания вновь становиться на этот путь.

Я помню тогда свою беседу с бывшим членом НТС Олегом Поляковым. Мне хотелось его привлечь вновь к антисоветской работе. Когда мы почувствовали, что наши отношения достигли должной откровенности, и нет опасения, что кто-либо из нас может принести другому вред, я посвятил частично Полякова в свою деятельность и предложил ему принять участие в подпольной работе. Вот, примерно, что он ответил: «Я перерос действие увлечения. Двенадцать лет назад я был мальчиком и поддался постороннему влиянию. В результате я совершил непоправимую ошибку. Из-за нее я исковеркал жизнь и принес много горя матери. То была дань молодости. Сейчас же, выведу ли я за границу или останусь тут, но кончу образование и устрою личную жизнь. Хватит с меня авантюр».

Как я его не уговаривал, он оставался непреклонным.

Единственным исключением, пожалуй, оказался очень приятный, поражавший своей прямоотой и единой устремленностью, молодой человек, Ю. Хрулев. В поведении Хрулева пленяло нечто чистое и искреннее, что отличает людей без компромисса с совестью. Он наполнял энтузиазмом энтеэсовцев периода деятельности организации, до связи с иностранцами, т. е. начала 30-х годов. Молодой человек сразу приобрел симпатии.

Хрулев попал в Советский Союз в начале 50-х годов и мог пролить немного света на НТС. Его закидали вопросами. Он составил добросовестную информацию об НТС, где изложил важнейшие этапы

деятельности НТС после войны. Можно представить, как они были интересны после долгих лет безызвестности. Однако, при сопоставлении с основной задачей организации, изменение порядка и власти в стране силами НТС — деятельность организации была ничтожна и выглядела мышиною возней.

Между прочим, в дальнейшем Хрулев, попав на свободу, пережил немалую эволюцию во взглядах. Однако, мышление в прямых линиях, нежелание вникнуть в психологическую сущность процесса, и, наконец, привитая школа старого, не дали ему, к сожалению, возможности, на мой взгляд, до конца понять сложность революционного процесса на Родине. Я считаю, что причиной этому послужила частично прямолинейность его натуры, без достаточного учета местной обстановки, предъявляемая к административным кругам, и в свою очередь, в ответ на это недоброжелательность последних к Хрулеву. Мне думается, через несколько лет, когда у Хрулева остынут личные страсти и он посмотрит на советскую действительность с расстояния, он не раз взгрустнет по тому, с чем расстался.*

Иногда через печать просачивались отдельные статьи о лицах, засланных в страну. Судя по обвинениям, которые, на наш взгляд, даже увеличивали опасность засланных, чувствовалось все же, что никакой значительной акции, могущей иметь значение в масштабах государства, не велось. Оставалось впечатление, будто люди посылались наобум Лазаря по теории «стреляй в пространство — авось попадешь». Качественно эти люди не отвечали назначению ни политически, ни идейно, ни морально. Они скорее могли скомпрометировать организацию, чем вызвать сочувствие и найти последователей.

* В то время, когда я писал эти строки, П. Н. Воропанов мне сообщил, что жена Хрулева вместе с детьми вернулась на Родину.

Как говорилось в печати, они также имели и другие задания, чисто разведывательные, для иностранцев. Не знаю, может, в этой сфере они были на высоте, но в данной книге я не ставлю целью разбор шпионажа: меня интересует «программа».

Вот и все, чем исчерпывались материалы о деятельности НТС на протяжении трех десятков лет варки в собственном соку, какие попали ко мне и моим друзьям, заинтересованным организацией.

Можно судить, что же знают об НТС остальные 200 миллионов советских граждан?

★ ★ ★

И вот передо мной зеленая книжечка. Можно понять с каким интересом я погружаюсь в страницы и главы. Но по мере чтения меня охватывает разочарование. Со страниц веет нереальным и застойным. Во мне шевелилось чувство человека, который много путешествовал по свету и вдруг окунулся в ветхозаветный Миргород с его лужей и сенсацией ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Как? Прожить такую эпоху и все еще не выучиться дальше а, б, в, г?!... Таково было первое впечатление.

★ ★ ★

Программа с тех пор несколько видоизменилась, точнее приспособилась к условиям эмигрантской зависимости. В ней я не нашел прямых признаков к центральному террору, украшавших ее раньше. Почему? То ли поняли его абсурдность, то ли международная конвенция 1937 года осудила терроризм, он стал нетерпимым в международном праве, и мог быть опасен для нарушителей. С гибелью обанкротившегося фашизма, в программе совершен крутой поворот от корпоративного парламента, неизменно-го спутника фашизма, к признанию партий. Исчезли пункты, ограничивающие в правах еврейскую национальность, что было введено в качестве взятки гитлеровцам, от которых тогда зависела организация.

Судя по названию, из устава выключен параграф о возрастном цензе. Во времена основания организации до самой войны членами могли стать лица, родившиеся не ранее 1895 года. Тогда это было средством отмежевания от «отцов». Теперь, когда мы сами успели заметно поседеть и оплешиветь, этот параграф звучал бы насмешкой и бил бы нас бумерангом за то, что мы, как и «отцы», которых обвиняли в никчемности, тоже ничего существенного не дали. Наконец, изменилось название Национально-Трудовой Союз из-за несоответствия понятиям советских людей. «Национально», переименовано в «Народно».

В углу красовался плод нашей «изобретательной политичности» неизменный трезуб. Ну, и намучил я, признаюсь, с ним на ниве местной действительности! Создан он был в пику украинцам, являлся аналогией германской свастики и удобно мог чертиться на заборах и других укромных местах. Знак обязан давать сразу четкое представление основного направления. Трезуб же во всем мире установился, как эмблема самостийной Украины. И вот, кто работал в этом направлении, ему на каждом шагу приходилось производить крайне неблагодарный труд: разъяснять мало кому интересные подробности о происхождении этого знака и делать исторические экскурсии на данную тему, доказывая изо всех сил, что на него имеют право не одни украинцы. Это практически длинно и скучно для слушателей. Чаше всего советский человек пожимал плечами и выносил заключение: «Мудрите! Поставили бы двуглавого орла, раз вы — реакция, или трех баб — свобода, равенство и братство — раз вы буржуазия. А то трезуб придумали».

★ ★ ★

Прежде, чем перейти к разбору зеленой книжечки по пунктам, хочется высказать несколько об-

щих мыслей, напрашивающихся о программе в целом.

Стилистически она изложена недурно или, как выразился бы советский человек, «грамотно». Но это при поверхностном просмотре. При более вдумчивом чтении лицом, проварившимся достаточно в здешней действительности, — я не только читал лично, но давал читать советским людям и некоторым бывшим членам НТС, моим однодельцам — программа оставляет впечатление сшитого заочно костюма. Невольно напрашивается избитая пословица о гармонии седла на корове. Чтобы пришлось впору этакий наряд, клиенту надобно либо свернуть на бок спину, а ноги поставить на протезы, либо сжечь неудачный туалет. (Второй вариант, конечно, проще и приемлемей).

Случилось это потому, что программа чуть ли не буквально списала большинство положений из советской Конституции, они их напялили на старые основы, выдавая себя за их творцов.

Было бы очень желательно, чтоб редакторы этой программы, из кого бы они ни происходили, из рядов эмиграции или перемещенных лиц, похватайствовали перед советским правительством разрешить им поработать в обычной бригаде, допустим, строительной, где бы они присмотрелись к простым советским людям и сами убедились, как ими сфабрикованные умопостроения лопнули бы, словно мыльный пузырь.

Излагаемое в программе — не новая Россия. У ее России ветхозаветная борода. Это лишь попытка таким образом, во что бы то ни стало, протащить за уши институцию частной собственности, оттянуть радикальное лечение кризиса человеческого общества, наличие которого декларирует программа. Программа НТС — это метод оттяжки обществен-

ных болезней, но не лечение. В лучшем случае это оборона старого, но не наступление нового.

Для ликвидации духовного кризиса в первую очередь требуется изменение прежнего облика людей, без чего немыслимо их обновление. Чтобы оно произошло в душах людей, надобны не полумеры, а революция. Без нее невозможно перерождение сознания. Прежде всего надо убрать первоисточник разложения, т. е. буржуазию, лишив ее оружия — частной собственности. Но об этом мы подробнее коснемся в разделе, посвященному собственности.

Одним из самых существенных недостатков программы и организации, к чему ранее причастен был я и другие мои товарищи по антисоветской деятельности в Советском Союзе, является непонимание существа характера народа старой России и современной.

Для данного случая несколько схематически можно начертать в эскизе две России. Одну я условно называю «московской», другую — «петербургской». Мало того, что Великий Петр своевольным характером не только плюнул на кондовую Русь и потянулся к Европе, но он прихватил с собой только знать России, без народной целины. Оторвавшись от масс, они поторопились обрить себе бороду, народ же бережно хранил ее 200 лет до прихода советской власти, пока в невиданном катаклизме была зарыта, вырытая Петром, пропасть между русским народом и стотысячным привилегированным сословием блистательного Санкт-Петербурга.

Эти две силы и столкнулись в революции. Не случайно одна европейская в пенсне с золотой оправой, с галстуками и крахмальными воротничками, расселась в кресла Учредительного Собрания, которое превратила в арену словопрений на европейский манер. И не случайно другая Русь, грубая,

обросшая, мозолистая, из необъятной народной целины, обосновалась в совдепе. То было историческое и роковое скрещение шпаг двух направлений русских противоречий.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС

Программа начинается утверждением мирового кризиса и комментариями к нему. То, что человечество переживает кризис, признают все течения общественной мысли всего мира. С самой же его оценкой трудно согласиться. Программа провозглашает, что XX век убил мораль, честь, право, свободу, словом, ему приписывают все семь смертных грехов, которые взваливаются огулом на советскую власть. И это декларируется с такой страстностью, что даже обходятся молчанием преступления гитлеризма.

Российская революция в самом деле по своим формам мало напоминала танцевальный вечер. Она была бурной катастрофой, где хоронилось одно и выковывалось другое, именно вследствие назревшего кризиса. Кардинальные сдвиги в человеческом обществе не проходят гладко. Возьмем НТС. Кажется бы, масштаб его работы предельно мал. За 30 лет им не создано ничего значительного. А сколько мы понаделали ошибок, сколько ненужных жертв у нас на совести. Один Околович ведает. И то далеко не все....

Утверждение кризиса страдает явной односторонностью обвинения. Равновесие же требует, чтобы и на другую чашу весов были положены гири. И гири вот какие: в результате Октябрьской революции освободились сотни миллионов индусов и китайцев. Поднялось национальное освобождение народов Африки и Южной Америки. Под влиянием революции маленький угнетенный человек во всем мире вспомнил о своих правах и заговорил о них твердым

голосом. Русский народ встряхнулся, и массы приобщились к сознательной жизни... Хватит. Пожалуй, и эти уже перетянули. А ведь я на весы бросил далеко не все гири из резерва.

«ВВЕДЕНИЕ». ИДЕАЛИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ

Ну, а теперь можно перейти к разбору основной части книжки — введению. Оно фактически является увертюрой, которая проходит лейтмотивом через всю программу.

Я не ставлю себе целью превращать свою работу в арену споров по вопросам онтологии, чему по сути посвящается введение. Для этого понадобились бы книги и книги с привлечением специалистов. Собственно говоря, эта часть и не претендует на философски зрелое обоснование. Меня же, как и авторов, интересует политическая сфера, которой обязаны быть слугами эти экстракты, давно известных философских концепций.

Спор об идеализме и материализме стар, как мир. Над ним бились величайшие мыслители человечества, не продвинув его разрешение ни на йоту. Что является субстанцией, материя или дух — это вопрос курицы и яйца. Безграничность познания делает то, что сколько бы мы ни бились над познанием непознанного, его всегда будет оставаться бесконечно много. Таким образом, огромные сферы вечно будут предметом догадок и споров. Человек же, если он *homo sapiens*, не может не задумываться над смыслом и целью бытия, хотя, увы, без малейшего шанса получить сколь-либо толковый ответ, по крайней мере, путем разума.

И тут не только причины расхождения. Они кроются в неповторимости личности, в ее обособленности, а следовательно, и в личном восприятии ею мироздания и индивидуальности миропонимания. Вследствие этого, если бы все христианские иконописцы мира написали изображение Христа,

то ни на одном из них оно бы не походило на другое. Для отдельного человека в равной мере действительны как объективная для всех, так и субъективная для него, реальность. И если объективная реальность, например, дважды два — четыре, ясна всем (впрочем, даже и тут, как известно, имеются разные теории и объяснения), то субъективная реальность существует только для того, для кого она таковою является. Субъективно воспринимаемые явления не поддаются научно взвешиванию, изменению, ощупыванию. Если для одних они абсолютно неоспоримая реальность и они готовы за это идти на костер, как это делал за «алилуяшку» протопоп Аввакум, доказывая ее, то другие, бессильные ее обнаружить, со своей точки зрения, имеют такие же основания их опровергать. И никогда эти два полюса не сойдутся, пока субъективная реальность не даст возможности познания себя через общепринятые индуктивные и дедуктивные методы, а будут являться предметом личного восприятия веры, откровения или галлюцинаций.

Что касается меня, то должен предупредить, я — не материалист. Как большинство тех, кому выпала на долю нелегкая участь в годы тяжелых испытаний, особенно, когда случалось невыносимо, а реальный мир не сулил облегчения, и мне казалось, что для меня навеки угасло солнце, я поневоле искал выход и утешение за пределами эмпирического бытия.

Страдания спиритуализуют человека. Нет ничего удивительного, когда впечатлительные натуры убегают в мечту от тяжелой личной участи, уходят в сказку, поддаются суеверию или даже дезертируют из жизни.

Что говорит во мне при мыслях над этим извечным «вопросом над вопросами»: слабость ли, горечь,

или потребность моих мыслительных запросов — окончательного вывода делать не берусь. Рядом со мной жили люди в аналогичных условиях, не верившие ни в бога, ни в чёрта, они были несравненно сильнее меня и легче переносили невзгоды. Но мне лично, повторяю, ближе идеалистическое объяснение мироздания. Вместе с тем, живущий во мне скепсис разума, как у большинства интеллигентов, меня постоянно заставляет испытывать фаустовские сомнения и колебания. Я один из тех, кто склонен с жаром заклинания твердить: «Верю, Господи! Помоги моему неверию!»

СТУПЕНИ БЫТИЯ

И эту часть нельзя считать философски проработанной. Написана она скудно, априорно и декларативно. Сама тема относится к разряду отвлеченных, легко выходящих за пределы осязаемого. А если верить пословице: сколько голов — столько умов, то о ней можно спорить беспредельно. Много в ней и общих мест, которые разделяет всякий, в том числе и те, против кого направлено острое программы, т. е. и марксисты.

Мало убедительна установка, будто главной движущей силой является солидарность, потребность общения и сотрудничества с себе подобными, игнорируя противоречия. Нельзя отрицать, что история содержит в себе и такие движущие персонажи, как Атилла, Чингис-Хан и Гитлер. Однако, едва ли ими руководило желание сотрудничества с себе подобными. Не будь в мире коллизий, общество бы заросло тиной.

В основном же солидаризм, о котором программа еще ведет речь впереди, признает и советская доктрина. Только она учит, что к солидарности можно придти при устранении противоречий.

Что касается в программе установки: «Общественное бытие в той или иной мере влияет на об-

пественное сознание, общественное сознание влияет на общественное бытие», то как бы ее не перефразировали бы, она марксистская. В учебнике «Диалектический материализм», издание высшей партийной школы, изданном кафедрой диалектического и исторического материализма, на основании учения Карла Маркса, на стр. 90-91 значится:

«...Диалектико-материалистическое понимание взаимоотношения материи и сознания предполагает как зависимость сознания от материи, так и его относительную самостоятельность в развитии и обратное воздействие на материю, на материальное бытие, признание активно преобразующей роли человеческого сознания по отношению к материальному миру».

Кто у кого скопировал и кто кому подражает? Об этом говорят даты издания того и другого определения.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Проповедовать необходимость духовного развития и раскрытия творческой личности, это, во-первых, возвещать «Волга впадает в Каспийское море», а во-вторых, повторять истины из идеалов общества при коммунизме, когда предполагается всестороннее раскрытие человеческой личности.

А вот, ставя человеческую личность в центр мировоззрения, первоначально можно заподозрить, уж не идет ли речь о «сверхчеловеке» Ницше с его «все позволено». У читателя, тем более советского, при чтении невольно возникнут приемы Гитлера и его проберет неприятная дрожь. Однако, дальше, слава богу, ничего подобного:

«Личность существует не одна и живет не только для себя. Личность должна ограничивать себя. «Я» нельзя оторвать от «мы».

А если так, то к чему споры?

Но все же в «персонализме» видны элементы

ущемления общества за счет личности, хотя и густо посыпанные позолотой. Такое понятие свойственно государствам с институтом частной собственности и от него отдает все той же «буржуазией».

Цитаты о труде из советских источников приводить нет надобности. Ими пронизана вся советская идеология и наука. Тем более, что на нем программа останавливается в дальнейшем подробнее. Тогда мы и поговорим, ссылаясь на тексты.

А что если мы отбросим теории о личности и, обратившись к жизни, спросим: где, невзирая на теории, полнее развита личность? Какая из них устойчивее и обладает большей жизнеотпорностью? Какая личность оказалась более всех способна бороться с врагом, западная или восточная? Какая личность более упорна в труде и способна на жертвы? Где больше импульсов, порывов, воли к жизни — здесь или там? Где женщина более содержательна и где в ней больше человечности?

Так чего же стоят рассуждения, раз они опровергаются фактами?!

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В этом отделе все то же открытие Америки, которого никто не отрицает. Если бы, действительно, программа состояла из таких истин, буквально скопированных у коммунистов, как «личность должна выйти из узких рамок индивидуализма и дорасти до своей ответственности за общее дело», то любой коммунист с партийным билетом вам раскрыл бы объятия и воскликнул с восторгом: «Братцы! Давайте поцелуемся!»

★ ★ ★

Дальше идет мысль, что семью надо не уничтожать, а укреплять. Можно подумать, что советская власть призывает к ее уничтожению. Авторам следовало бы основательнее изучить постановления советской власти, направленные на укрепление се-

мы и брака. Они обстоятельно изложены в кодексе законов о браке, семье и опеке (КЗОБСО). Немало об этом писалось и в советской печати.

Старая мещанская семья утратила содержание, сохранив надоевшую форму. Она стала очагом лицемерия. Недаром на протяжении последних полутора веков писатели черпали в ней темы, изобличающие ее несовершенство. За что ни возьмись: «Анна Каренина», «Мадам Бовари», «Сага о Форсайтах», новеллы Чехова и Мопассана и многие другие произведения — дают бесчисленные иллюстрации банкротства брака и семьи старого мира.

Брак и семья в Советском Союзе пережили ряд этапов от слома старых брачных форм и идут к новым. И здесь никогда не вернутся к реставрации, скомпрометировавшего себя старого брака, с его фальшивой церемонией и гнилой сущностью. Уже в наше время Чехову, противнику всякой пошлости, в вопросе семьи и брака в Советском Союзе нечего было бы делать.

Нет смысла сейчас останавливаться над этой темой, так как вопрос о роли семьи и положении женщины программа рассматривает в IV части, главе 31.

НАЦИОНАЛИЗМ

«Национализм», о котором говорится далее, стал здесь жупелом. За это сделайте книксен памяти Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини. Советские люди воспринимают слово «национализм» не в милой безобидной трактовке программы, а в той прелести, в которой национализм продемонстрировали германские нацисты, украинские, типа Бандеры, оголтелые шовинисты и аналогичные элементы. Трудно переучить весь советский народ, чтоб он вложил угодное содержание кучке авторов программы в ненавистное ему и скомпрометированное слово.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

На этой главе стоит задержаться. Откинув в сторону скудные определения социальных идей и либерализма и пропустив мимо ушей оскорбления с неграмотной спекуляцией понятий фашизма и коммунизма, поскольку это политическая демагогия, а не зрелый анализ, достойный внимания, я задержусь на весьма характерном утверждении, в котором, на мой взгляд, зарыта собака моего расхождения с организацией. Я сам долгие годы сидел на этой же точке зрения, но отбросил ее, так как она не выдержала экзамена в жизни.

Речь идет о следующем. В главе 5, стр. 15, говорится:

«Историческое развитие определяется не абстрактными «объективными» законами, а воплощаемыми идеями и реакцией человеческой воли на возникающие в общественной жизни задачи».

Этой темы я уже касался, затрагивая воспитание в организации НТС ее членов. Тут не стоит вступать в спор и копаться в доводах индетерминистов с детерминистами. Это дело не политиков, а теоретиков и уж ни в коем случае не подпольщиков. Авторы программы же жонглируют ими тоже не ради философии, которая их мало интересует, а ради политики. Им важно подвести фундамент под необходимость и возможность борьбы. В главе 6 «Новый путь», стр. 23, не без высокопарности, подобной бреду, заявляется, что «активные силы революции» должны развивать «революцию», и это развитие включает в себя разработку «положительной идеи». Словом, суть не в идее, она сбоку припеку, суть в борьбе, которая включает в себя идею, как средство. Поэтому надо сбросить figовые листки с прозрачных, ради уловки, выдвигаемых теорий, постигается ли ход вещей разумом или истинное его объяснение скрывается в мистике.

Умолчим о том, что давая определение исторического развития, в нем упускается влияние случая, т. е. того значительного фактора, избежать которого «реакцией человеческой воли» и «воплощаемыми идеями» невозможно, сколько бы мы *post factum*, подобрав все явления, породившие случай, в логический узор, не давали им логического объяснения. Бесспорно, в избитом примере гибели «непобедимой армады» Испании от бури у берегов Англии способствовали метеорологические причины, а появившись у Наполеона перед побегом с острова Эльбы острая форма геморроя, не было бы ни «100 дней», ни «Ватерлоо» и это объяснили бы дефектами физиологических функций в человеческом организме. И все же «воля» и «идея» бессильны их учесть и предотвратить.

Бесспорно, людская воля и идеи играют роль в ходе процесса, пока он окончательно не утвердился. Однако, ни людская воля, ни идеи не падают с неба и не являются плодом сказочной фантазии. Они порождаются, исходя из реальности, наподобие игры в шахматы, где любой ход может быть совершен из существующих уже позиций шахматных фигур и сообразно шахматным правилам. Ферзь не может скакать конем, а пешка совершать ходы ладьи.

Колумб, разумеется, открыл Америку, но он не подозревал, что через 5 веков там будет новое государство. Разве человеческая воля, развязавшая войну в 1914 году, могла предвидеть формы, в которые отольется мир в Версале? Один процесс предполагается сознательно людьми, другой получается. Рядом с действием людей, одновременно и параллельно идет в жизни другой процесс обыкновенно неуловимый для современников и участников. Он обычно и решает. Благо тому, кто его видит!

В 1066 году действия Вильгельма-Завоевателя в Англии были разбойничьими по отношению к англосаксам. Но прошли поколения и норманны

утвердились, став частью Англии. Предложи в данное время кто-либо мысль об изгнании норманнов из Англии, его бы сочли сумасшедшим. Так несправедливо погибла некогда цветущая Пальмира, исчезло с исторической арены вандальское царство. Их ни «волею», ни идеей не возродить, как у части русских никакими операциями не удалить татарских скул.

Ныне над человеческой волей давит век атома и космоса. Идея и воля бессильны надеть узду на их развитие. Помимо идеи и воли эти открытия заставят во многом, как не предполагал ни один Жюль Верн, изменить лицо современной жизни. А повернуть их, чтоб они служили на пользу или во вред человечеству, действительно, зависит от людской воли и поведения. Об этом как раз твердит и к этому призывает советское правительство.

Но это — теория. Опыт же сурово учил меня и товарищей, что жизнь складывается не по человеческой воле. Не навязать жизни схемы, выведенной в лабораториях. Будь это иначе, НТС давно бы достиг своей цели и не ютился в незавидном положении из милости у иностранцев. Человек может предусматривать только общие схемы, вроде того, что в 70-летнем возрасте человек не умрет шестидесятилетним.

«СОЦИАЛИЗМ», ГЛ. 5, СТР. 17

«Он (социализм) провозгласил своим идеалом всечеловеческое счастье в результате социального уравнивания людей. Идеал этот практически не реализуем».

Так говорится в программе.

Откуда взялась легенда об уравнивании людей? Еще Карл Маркс возмущался, что «уравнение» приписывают социализму. Интересно знать, на каком произведении или труде базируются авторы про-

граммы, утверждая это? Восставая против эксплуатации человека человеком и возмутительного имущественного неравенства, социалисты вовсе не говорили, что всех надо стричь под одну гребенку, более того, социалистическое учение определенно декларирует принцип «каждому по его труду», а он исключает равенство. Зачем же утверждать то, чего нет? На кого тогда рассчитано утверждение об «уравнивании людей»? В Советском Союзе существует равенство граждан перед законом, равенство в правах на труд, на учебу, на помощь и пр. Если программа в этом видит равенство, то в таком разрезе она права, но она подразумевает одинаковый для всех ломоть хлеба, а это выдумка.

А насчет того, реализуем ли социализм или нет, попросите разрешения поехать посмотреть Советский Союз. Как можно отрицать реальность социализма, когда при этом строе живут 200 миллионов в СССР, и половина человечества следует его примеру.

Р. С. А все-таки фашизм с коммунизмом подводить под одну черту без мошенничества, как это делается в программе, нельзя. В России произошла революция, где проводилось силою вещей уничтожение старого и внедрение нового. Она двинула человечество вперед. Это вынудило к крутым мерам. В Германии же восторжествовала реакция. Фашизм это тормоз движения истории. В игре оставалась та же крапленая колода карт и сменились только козыри. Коммунисты борются за новое, фашисты с помощью террора судорожно цеплялись за старое. Коммунисты проповедуют против угнетения во всем мире и ради других народов идут на жертвы. Фашисты же вдохновлялись идеей, соответствующей их моральному облику, — Schinken und Schmalz nur

für Arien! Vorwärts!* — и к чертям все другие идеи. Этак произвольно притягивая за волосы, недолго приравнять Северный полюс к Южному.

СОЛИДАРИЗМ

Идея солидаризма — козырный туз идеологии НТС. Она положена в основу всей политической концепции. Благодаря ей, выдуманной в 30-х годах на набережной Дуная Ю. А. Герцогом, А. Н. Неймироком и М. А. Георгиевским, на обложке в скобках красуется «Союз солидаристов».

Я в прошлом увлекался этой абстрактной, на первый взгляд, красивой теорией. Какой ослепительной казалась она мне, оторванному от родины, и какой детской забавой она оказалась при столкновении с советской действительностью.

Сама по себе идея солидаризма стара. Солидаризм — это фактически не что иное, как плагиат христианства, с попыткой применения его в социальном плане.

Инициаторам солидаризма нельзя отказать в прекраснодушии. Но его практическое приложение, конечно, не российская действительность с господствовавшими противоречиями и не действенная натура нашего народа. Скорее она годна для салона «дамского общества покровительства певчим птичкам». Нет, не такими вегетарианскими приемами решаются вековые разногласия. Бесхребетность этой идеи показывает, насколько далеки ее апологеты от народных масс России и от характера тем, их волнующих. Неужели вы представляли, что можно было обойтись без революции, только тем, что люди разных взглядов, поболтав между собой, вдруг превратятся в друзей, обнимутся и поцелуются, а противоречия от этого исчезнут? Увы! История так не делается. Для водворения такого порядка в мире

* Ветчина и смалец только арийцам! Вперед!

народу предстояло испить чашу до дна. Без этого люди бы остались прежними и не выросли так, как вырос наш народ. Надо было многое испытать, проверить, иногда ошибиться и на ошибке выучиться. Вот так создается великое в истории. Да знаете ли вы, что выступив с проповедью этой «идеи общества Пресвятой Богородицы» проповедникам вновь пришлось бы предпринять поспешный побег в костюме сестры милосердия. Не то, что мужчины, советская женщина не станет слушать эту слюнтяйскую теорию, а спихнет агитатора с порога, бросив вдогонку, только в духе нашего времени, эпитеты царевны к проснувшемуся Поток-богатырю из произведения А. Н. Толстого.*

...Упомяная о солидаризме, передо мной вырывается в менторской позе фигура В. М. Байдалакова. Виктор Михайлович! Никто, как вы убеждали, будто наша обязанность «вытирать слезы советскому народу». Что за трогательная сентиментальность. Чем? Прикажете карманным платочком, надушенным л'ориган?

Вы полагаете, после всего выстраданного героическим народом за новую жизнь, будет уместна эмигрантам роль вытиральщиков слез? А восторгов, рекордов, подъемов, строк о радости победы вы не заметили? Ни эффективнее ли чем вытирать слезы опекаемому народу, сперва вытереть не в меру слезоточивый нос вытиральщиков?..

* Автор имеет в виду нижеследующие слова поэта А. Н. Толстого из стихотворения «Петок-богатырь»:

Шаромыжник, болван, неученый холоп!
Чтоб тебя в турий рог искривило!
Поросенок, теленок, свинья, эфиоп,
Чёртов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя прощальгу, нахала,
И не так бы еще обругала!

Когда грозные массы, разъяренные вековой обидой, выходят на площадь, уговоры и сожаления становятся смешными и жалкими. И доброта должна быть к месту. Иначе невозможно провести границы между проституцией и милосердием.

Мне памятен случайный разговор с солидаристом В. Д. Поремским зимою в 1941 году. Я уже не был членом НТС и находился со стороны организации в остракизме. Многие участники организации относились ко мне холодно. Разговор происходил в Берлине за обедом в «Итальянском ресторане». Свободных мест не было и мы невольно очутились за одним столом. Поремский тогда работал диктором в немецком радио, где числился и я. В то время меня раздирали внутренние сомнения о моей роли. Завязался разговор. Я высказал свое мнение — не пора ли бежать от грязного дела: хозяева требуют от нас призывать советских солдат сдаваться в плен немцам. Мало того, что это ведет к поражению России, но мы знали нечеловеческие условия немецкого плена. Поремский не переставал жевать, спокойно, слишком спокойно для русского патриота. Так мог жевать человек, у которого совесть в полной гармонии с поступками.

— Меня это ничуть не пугает. Я совершенно сознательно призываю. Главное — свергнуть большевиков.

— Но это захват России немцами!

— Пустяки. Идея солидаризма их растворит. В русской душе, когда жизнь будет построена на солидаризме, потонут немецкие чаяния захвата. Русская водка, русская песня, русская женщина, русское радушие хоть кого переделают.

Какая еще нужна иллюстрация — сколько бы не определяли солидаризм в программе, как «покоящийся на органическом идеале, реалистическом ми-

ровоззрении, на утверждении духовного начала и морально-этических принципов»?

В Советском Союзе тоже говорят о солидарности и действительно осуществляют идею солидаризма на практике. Солидарность народов СССР, солидарность всех слоев населения, наконец, солидарность трудящихся всего мира разве не начертаны советской идеологией?

Но это не сладенькая, сдобная, доводящая до проституции, солидарность волка и козы, призывающая любить даже врагов России. Советский солидаризм строится на реальной базе устранения противоречий, иногда решительно и очень сурово, без чего солидаризм не осуществим. И только, добившись искоренения разделяющих причин, можно строить солидарное общество. Примером такого государства является Советский Союз, где офицер и рядовой, интеллигент и партиец, колхозник и писатель, пионер и педагог едины.

Собственно говоря, сами солидаристы на практике прекрасно понимают неосуществимость этой теории. В своих призывах они предлагают во имя солидаризма кровавую революцию насилием. Следовательно, сами противоречат своему внешне прекрасному учению и вскрывают его низкую сущность.

Разумеется, солидаризм в Советском Союзе еще не является идеальным. Не все граждане совершенны. Воспитание в духе солидаризма полностью не закончено, но настойчиво проводится государством. Нет оснований предполагать, что в будущем в советском народе идея солидаризма не предстанет в своем полном расцвете.

НОВЫЙ ПУТЬ

Тема представлена противоречиво. Неясно, к

чему призывает программа, то ли к завершению революции, то ли к созданию новой. Последнее означало бы — «долой революцию революцией!» Практически для этого нужно устранить и репрессировать не привилегированное сословие, каковое управляло царской Россией, а 10 миллионов членов Коммунистической партии, 10 миллионов комсомольцев, 5 миллионов пионеров, все офицерские кадры и десятки миллионов советской интеллигенции. Именно не сотни тысяч, как в старой России, а десятки миллионов. Все они участвовали в установлении существующего порядка и поступками связали себя с компартией. Кроме того, они выходцы из народа, а не из привилегированного слоя. Тронуть их — это возмутить их родственников, рабочих и крестьян. А коли не так, то к чему же манипулирование грозным словом революция? Затем под словом «революция» советские люди подразумевают только Октябрьскую революцию. В другой редакции она ими воспринимается только как реакция и реставрация. Переубедить их в значении термина — непосильная задача. Это значит перевернуть вверх дном понятия 200 миллионов.

При ошибке же в термине и раз речь идет о завершении революции, то логика требует идти в ногу с процессом, способствуя совершенствованию еще незавершенных областей. К этому-то как раз призывает и стремится советская власть.

В программе же говорится:

«Народно-трудовой солидаризм в России — это естественное и логическое завершение революции, преодоление ее идейного кризиса».

Иными словами, программа призывает к разрушению, не приводя нигде никаких данных, во что бы обошлось России и ее народу предлагаемое разрушение. И без того революция эта была исторический кутеж, объяснимый лишь необходимостью, который могла вынести только такая экономически

сказочно-богатая страна, как Россия, с ее неповторимо выносимым и духовно богатым народом. Но Октябрьская революция оправдана новыми идеями и порядком. Программа же ведет к возрождению отношений, которые стары, как мир, и в конечном идеале предлагает то, к чему призывает советская власть, т. е. к солидаризму ею осуществляемому. Оглядываясь на желание народа, советская власть отбрасывает то, что чуждо или преждевременно его восприятию. Так отрывки старых интеллигентских утопий в духе «долой стыд» и «свободной любви» вскоре же за непригодностью и из-за отвращения к ним народа были выброшены на свалку и заменились кодексами о семье и браке. Если в энциклопедии начала 30-х годов против фамилии А. В. Суворова значилось «царский дворянский генерал, известный покоренным народам своей жестокостью», то позднее в честь его названы улицы, созданы суворовские школы и установлены ордена его имени. Революция шагала этапами. Каждый этап предъявлял другие требования. Был период, когда без разбора сметалось все старое — рвались и уничтожались знамена старых полков, срывались погоны. Они, в понятиях революционных масс, казались символами ненавистного мира. Но тот период отжил. Страсти поостыли. Пролетариат сам поглядел вглубь своей истории, которой раньше не учился. Старые знамена, под которыми сражались за Родину и умирали простые русские люди, ныне бережно хранятся в музеях. К ним с благоговением подходят советские граждане, а погоны украшают плечи советских воинов. Мы помним также, сколько извращений было в искусстве, ныне осужденных и отвергнутых в ходе революции.

И впереди будут еще поиски и проверки. Жизнь не может замереть на сегодняшнем дне. Но одно следует твердо усвоить. Совершится это не революцией. Она уже произошла. Совершенствования и изменения будут происходить по мере роста сознания и

накопления опыта у народа совместно, непременно совместно, с руководящей партией и ни в коем случае не раздельно. Антагонистическое противопоставление руководящего слоя толще народа кроет в себе существо ошибки и сводит на нет дальнейшее возводимое на ней здание.

Не стойте же на дороге неизбежного развития! Отойдите в сторону, не суйте спичек в колеса...

Впрочем, я говорю с реальных позиций, а так — стойте на здоровье. Разбивайте лбы, угробляйте и дальше на этом деле людей, если не жаль. Практически же этот лай Моськи на слона из-за рубежа, вдалеке от народа и его интересов, бессилён оказать сколь-либо существенное влияние на события в России. Тридцать с лишним лет как мы, эмигранты, кукарекаем шантеклерами о борьбе, машем крыльями, а не взлетели ни на сантиметр. Советская же власть с народом шли до сих пор и пойдут дальше в авангарде больших дел и широких масс мира, а свою страну они превратили в нерушимую твердыню.

ОБЩЕСТВО

Я не случайно задержался подробнее на вводной части программы. На ее фундаменте возведен остальной корпус положений и заключений.

Дальнейшее излагает их развитие и приложение в тех или иных сферах: в главе 5, стр. 31-34, говорится:

«Народно-трудовой строй утверждает гражданские права личности и гарантирует их нерушимость всей системой общественно-государственного устройства. Общественный порядок обеспечивает»:

(Чтобы несколько сократить текст программы я привожу далее конкретные тезисы).

Неприкосновенность личности.

Презумиция невиновности.

Соблюдение принципа: нет преступления, если оно не оговорено в законе, и нет преступника, если

нет состава преступления и нет наказания, если нет вины.

Право на защиту.

Отмена смертной казни.

Неприкосновенность жилища.

Неприкосновенность имущества.

Неприкосновенность переписки.

Право на доброе имя.

Право на национальное самоопределение.

Право избирать и быть избранным.

Право занятия любой должности.

Право на труд.

Право на образование.

Право на отдых, на социальную помощь и на обеспечение в старости.

Во избежание ненужных задержек на второстепенных мелочах и повторениях, являющихся чуть ли не буквальной копией, взятой с советской Конституции и существующего законодательства, что я потом приведу текстуально, я задержусь на наиболее значительных моментах.

В последующем разделе программы следует «Основы общественного строя». В нем много общих мест благих пожеланий и мало конкретного по поводу того, как их осуществить.

Я не вижу смысла задерживаться на затасканных истинах вроде — «взаимоотношения личности и общества должны быть основаны на согласовании интересов личных и общественных». Их можно прочесть в любом советском политическом учебнике. Спорить с ним — стучать в открытую дверь.

«История коммунистической диктатуры в нашей стране есть история моральных и физических пыток нашего народа».

Вот те на! Поразили в революцию много, таков был момент, зато создали куда больше. Креп-

ко работали, временами приходилось круто. Но все это было чем-то вызвано. Народ-то не так понимает имевшие место трудности и случавшиеся перегибы. Иначе бы он обязательно сбросил власть во время войны. По крайней мере создали бы партизанские отряды, были бы внутри организации следы какой-то борьбы. А раз этого не было, значит, народ не так расценивает именуемую в программе «историю коммунистической диктатуры в нашей стране». Иначе и не может быть. Разумеется, вчерашний рабочий — сегодняшний адмирал, бывший слесарь — нынешний депутат Верховного Совета СССР, недавний колхозник — теперешний инженер, так не смотрят. Попробуйте — поговорите с ними.

★ ★ ★

Стоит ли разбирать отвлеченную теорию о жизни или отмирании государства. Эта тема для кабинетов. Отомрет ли государство или останется — объяснится в грядущих веках. Только признание необходимости государства навечно означает ограничение пределов человеческих стремлений к совершенству. В нем кроется неверие в развитие личности, всесторонний расцвет, к каковым в введении призывает программа. Даже православная доктрина в конечном идеале грезил о государстве, которое стало бы церковью.

★ ★ ★

Что же можно возразить против главы «Справедливость»? Само по себе это доброе пожелание, не более. Сам Аттила не стал бы возражать против справедливости. К аналогичным же вегетарианским пожеланиям следует отнести также о «недопущении эксплуатации», «паразитизма», «равенства возможностей», «права на труд».

★ ★ ★

Ничего не возразишь против высказанных мы-

слей (в главе 3, часть I) о солидарности, о которой уже было частично сказано. Она просто скопирована с советских установок, так как укрепляется солидарность в советском государстве буквально теми же положениями, которые предвидятся программой: общественным и партийным контролем, разрешением конфликтов при участии профессиональных союзов, воспитанием и развитием у граждан чувства солидарности (коллегиальности) и даже прокурорским надзором.

Следовательно, важно какое содержание в нее вкладывается. В понятии коллективизма она является необходимым условием: без солидарности коллективизм пустое слово.

Базируясь на «персонализме», программа, как уже нами упоминалось, не ставит своим идеалом принципы ницшеанского «Так говорил Заратустра». Имеется, бесспорно, желание гармонического сочетания взаимных интересов личности и коллектива, аналогично советским. Расхождения упираются в исходную точку. О них и стоит говорить. Интересы общества, взятые за основу, справедливее домината личности. Раскрытие и развитие личности положительно именно в границах коллектива. Личность не смеет создавать свое благополучие ценою ущемления коллектива, т. е. ряда личностей. В коллективе ведется забота не об отдельной личности, а о благополучии ее через коллектив. В «персонализме» же, если он не ограничивается интересами общества, кроется не развитие личности, а индивидуализм и еще чаще — эгоизм. При игнорировании коллектива и выдвигании в основу «персоны», появится неизбежно эгоизм. Общество, построенное на таких началах, будет покоиться не на моральном принципе счастья людей, а на персональной выгоде, в лучшем

случае, взаимном удобстве, не более. Едва ли такой идеал может удовлетворить запросы гуманных и передовых требований, а тем более морали нашего века. Еще меньше он может вдохновить массы служить ему жертвенно и бескорыстно.

Гражданину Советского Союза с ранних лет прививается уважение к коллективу. В результате у народа весьма развито чувство социальной этики. Это резко бросается в глаза при первом же общении с советскими людьми, по сравнению с Западом. Коллективность у советских граждан давно возведена в ранг человеческой морали.

Понаблюдайте внимательно. Уже младенец начинает с ясель свою жизнь в коллективе. Ему с пеленок прививают, что его «эго» — не центр мира, как это неизбежно случается при воспитании в рамках семьи. С возрастом ясли сменяются детсадом, школой, армией. И везде коллектив. При этом коллективу строго наказывается чуткое отношение к личности. Настойчиво преследуется всемерное развитие человека отдельно.

Разумеется, в советском государстве мероприятия проводятся в огромных масштабах, вызываемых его необъятными размерами как людскими, так и территориальными. Для всего требуются миллионные резервы. Не все люди идеальны, не всегда воспитательные кадры отвечают своему назначению, не изжиты окончательно и эгоистические черты. Но в целом движение идет в этом направлении.

Говоря о границах свободы в Советском Союзе, уместно сослаться на понятия, содержащиеся в программе в словах: «дирижизма» и «оптимума». Именно принципом «оптимума» и руководствуются при начертании границ свободы в советском государстве.

Дальше излагаются положения, настолько опять

схожие формой и сущностью с советскими, что их можно считать тавтологией и просто плагиатом. Предлагаемое программой давно внедрено в жизнь. В частности, о труде в Конституции и в КЗОТ'е (Кодекс Законов о Труде) сказано куда больше. О свободе передвижения и выбора жительства я предлагаю проинформироваться в Гражданском Кодексе (ст. 5).

Свобода печати, слова и т. п. предусмотрены также Конституцией СССР. Только надо условиться, какая свобода имеется в виду. Советская Конституция в ст. 125 декларирует все эти свободы, при условии укрепления гос. мощности, а не направленные на разложение и реставрацию буржуазии. Советская власть очень серьезно, с сознанием ответственности, занимается воспитанием широких масс. Она стремится развить в народе качества морали, гражданства, патриотизма. Естественно, что, например, криминалистическая литература здесь не допускается, как не допускается уродование «Анны Карениной» и «Дворянского гнезда» мультипликатами. Не приняты здесь фильмы вроде детективных, ковбойских, развивающих низменные инстинкты толпы. Не разрешается оскорбляющая человеческое достоинство женщин реклама их обнаженных тел, тематика с выпяченной сексуальностью. Этого требует государственное здоровье. На то и существует государство, чтобы власть защищала граждан от вредного влияния, а не потворствовала скотским вкусам. Государство все же — это объединение людей, основанное на определенной общности интересов и взглядов, без чего оно теряет смысл.

ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

И в области права, пожелания предлагаемые программой за малым исключением, предусмотрены советским законодательством. Различие только в

расположении отправной системы. Последняя редко отличается существом положений, хотя в практическом выражении они являются повторением советских.

Как уже указано, программой устанавливается «соблюдение в правовой жизни принципа, согласно которому нет преступления, если нет состава преступления и нет наказания, если нет вины». Основоположник советского государства В. И. Ленин писал: «Рабкрин судит не только с точки зрения законности, но и с точки зрения целесообразности» (т. 33, стр. 328). Советское право не подменяет совесть буквой закона, хотя, сколько возможно, стремится приблизить закон к морали. В советском государстве фактически мораль и право выражают волю народа. Разница лишь в том, что одно охраняется общественным мнением, другое при необходимости с принуждением. При этом никто иной, как сам В. И. Ленин проводит мысль, что существованию наказания мы обязаны его неотвратимости.

«Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью» (т. 4, стр. 373). В том же духе высказывался и К. Маркс:

«История и такая наука, как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось исправить, ни утратить наказанием. Как раз наоборот».

Отвлеченно и принципиально говоря, человек не должен судить себе подобного. Любой суд не является абсолютно совершенным, а только относительно, но он необходим на определенном этапе общественного бытия. Наиболее видные преступники, повинные в массовых убийствах и уничтожении целых наций и культур — Чингиз-Хан, Аттила, Гитлер, Тамерлан — остались не покаранными. Они объявлялись системами и произведены в исторические личности. После их безнаказанности любой

разбойник вправе предъявить суду претензию, чтобы ему за 12 прирезанных им семей с младенцами присудили бы наказание, исчисляющееся в пределах двух рублей штрафа. В самом деле, его преступление капля в море по сравнению со сброшенными бомбами на Нагасаки и Хиросиму. Почему же он должен быть козлом отпущения, когда такие преступники остаются на свободе?

В результате относительности справедливости права, советская правовая наука рассматривает право, как необходимое и неустранимое условие для существования общества и государства. И существует оно потому, что без него общество превратится в организацию тигров и ягнят.

Следует отметить, что в основе советского права кроется небывалая вера в человека. Теория Ламброзо о врожденной преступности не только отвергается самым решительным образом, но и объявляется человеконенавистнической. Коммунисты верят, что человек рождается «табула раса» и может исправиться. Последовательные марксисты утверждают, что человеческие правонарушения не являются следствием борьбы добра со злом в душе человека и его греховности, а окружающих причин. Стоит только устранить их и правильно построить жизнь, они исчезнут сами собой.

Должен заметить, я лично худшего мнения о человеке (в том числе о себе самом). Жизнь внесла в меня неизживаемый скепсис. Может быть, оттого, что моя участь была не из легких и я много лет плыл по человеческой канализации. Если я видел людей, говоря о которых, смело можно согласиться с определением Горького, «человек — это звучит гордо», то видел и таких, где уместнее было бы сказать: «Человек — это звучит зоологически».

Верить — не верить, соглашаться — не согла-

шаться, зависит от убеждений. Однако, нельзя не удивляться и не относиться с уважением к твердой вере в человечество и в его расцвет. И мешать этой вере было бы святотатством над светлыми порывами. Такой взгляд на человека приводит к тому, что лицо, совершившее преступление, должно быть временно изолировано по требованию внешних причин на данном этапе общественного развития.

Вот почему сов. законодательство строго запрещает в мерах наказания унижение человеческого достоинства.

Конечный же идеал коммунистов — это создание такого совершенного общества и бытовых условий, что преступность изживет себя и станет анахронизмом, поскольку будут устранены вызывающие ее причины. Что из этого выйдет, я не берусь судить, но кто не верит, пусть отойдет в сторону.

Характерной чертой социалистического права является то, что им отрицается объективное право. Всякое право, по марксизму — орудие господствующего класса. Оно служит укреплению своего строя. Приняв эту точку зрения за исходную, советский закон сорвал повязку с глаз Немезиды и строго наказал: «Не смей, богиня, судя, закрывать глаза и механически класть на чаши весов **«за»** и **«против»**. Этак ты одинаково будешь судить за воровство голодного бедняка и обожравшегося банкира, раба и плантатора».

Власти недостаточно было забитого веками человека усадить в кресло. Его надо было насильно удержать в нем, пока он не привыкнет и не убедится, что это отныне его право, чтоб он сидел в кресле уверенно, не озираясь по сторонам от страха. Иначе он бы долго не удержался. Для того, чтобы он понял, надо было, чтоб в его сознании укоренилась уверенность, что отныне он хозяин. Вот почему понадооби-

лась не беспристрастная правда, равная для богатых и бедных, для людей с высшим образованием и неграмотных, а симпатизирующая и желающая помочь этому человеку.

Советским гражданам кажется также диким, как можно обелить заведомого преступника. Разве не будет очевидным преступлением наглое выгораживание несомненного убийцы Кеннеди, явного похитителя детей или растлителя малолетних? И что совсем чуждо духу советской морали в сфере права — как возможно брать за деньги на поруки заведомого преступника.

Одно из излюбленных мест для ударов врагов Советского Союза по социалистическому правопорядку — это суровость кары и имевшие в прошлом место случаи нарушения законности органов следствия, суда и прокуратуры.

Этот период осужден не только партией, но гласно и откровенно раскрыт сов. общественностью. Одним из ярких примеров, осуждающих тот период, служит «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Резкость критики и точность оценки этого талантливого художника порою не уступает пресловутой «России в концлагере» И. Л. Солоневича. Разница лишь в том, что Солоневич в описании действительности лагерей, основной целью ставил пропаганду опорочения революции. Из его книги мог быть единственный вывод: «Долой советскую власть!» Солженицын же, приводя не менее потрясающие факты и давая изобличающую картину, понимает глубину огромного процесса и расценивает их как временное существенное искажение, требующее поправки.

Недостаток книги Солженицына лишь в том, что выпятив лагерь заключенных из общего фона советской действительности и изобразив его от-

дельно от общей схемы процесса, он забыл, что у советского народа есть враги, которые, извратив произведение умелого автора, начнут без разбора хулить всю систему в целом и требовать ниспровержения всего социалистического строя. А этого Солженицын никогда не думал.

Одержимый злобою, я объяснял царивший в местах заключения произвол злой волей, часто и подолгу я откровенно разговаривал с бывшими видными коммунистами, которых было немало по лагерям. Беседы происходили в той давящей обстановке, когда так остро каждому из нас требовалось чувство локтя и хотелось бы для облегчения по-братски поделиться стопудовым грузом, что давил над нами. Тогда беседы происходили с определенной откровенностью. Мудро говорит китайская пословица: «В дружбе горе делится пополам, а при радости бывает двойная радость». Я им, не щадя красок, изливал негодование по поводу омерзительной атмосферы произвола и несправедливости, со всей силой хлопотавшей во мне раздраженности.

Разговоры обычно происходили с глазу на глаз, либо на глубине сотен метров, в угольной шахте, либо вполголоса на нарах:

— Чем объясните вы эту слепую жестокость? Почему вы обманули народ в 17 году? Разве к этому вы призывали угнетенных? На Западе за такие нарушения дают штраф или пару месяцев тюрьмы, а здесь — полную «катушку».

— Ну, положим, там гуманны в отношении безобидных для государства правонарушений. Что же касается опасных для строя, там тоже по головке не гладят. Возьмите, в пример, методы японцев, румынской сигуранцы, польской тюрьмы для политических и других. Что же касается нас, то вы думаете, в верхах партии и правительства об этом не знают и

не задумываются? Все это последовательно и вызывается необходимостью. На Западе государственные условия выработаны столетними традициями, наследственным воспитанием, привычными условиями. Мы же начали строить жизнь «голым человеком на голом месте». Закон молодой, он еще не успел войти глубоко в сознание. Старые предрассудки из него не изжиты. Прочность государства на первых порах требует строгого закона. Миндальничать было некогда. Сейчас делаются первые зарубы. Опаснее не догнуть, чем перегнуть.

— Но надо добиваться воспитанием, а не дубиной.

— Коммунисты ли жалеют средств на воспитание. Какая еще страна отпускает на это такие астрономические кредиты? Воспитание проводится неустанно. Но на это требуются годы, может быть, поколения. А разве мы можем ждать? Внешняя опасность не допускает антрактов. Люди должны чувствовать силу закона. Иначе мы загубим государство. Скажите, могли бы мы выиграть эту войну, защитившую нашу страну от захвата и спасшую мировую цивилизацию от реакции фашизма, не имея дисциплинированного послушного тыла, если при этом и бывали перегибы?

Однако, тогда надо мною давлел пресс. Я видел на каждом шагу тяжелое положение окружающих, и это становилось топливом, непрестанно подбрасываемым в огонь, и я упорствовал в позициях неуступчивости.

Фактически же царская Россия накопила многовековые кадры, на которые могла опираться. С властью они были связаны привилегиями, благополучием, традициями, понятиями о чести и долге. То была проверенная родовая знать, дворянство и выдвинувшаяся интеллигенция. Революция же при-

звала к жизни многомиллионные массы. У них не было опыта. Среди них просочилось немало притаившихся врагов. Обстоятельства потребовали усиленной бдительности. Не было возможности подробно разбираться. Обстановка требовала: достаточно малейшее подозрение или сомнение, чтобы отстранить человека от работы и иногда вообще изолировать. Коммунисты не могли, церемонничая, рисковать делом и учиться на провалах.

Следует учесть и другую особенность той обстановки. Стройки и построения нового порядка потребовали бесчисленных кадров во всех областях: в технике, педагогике, армии, юстиции, словом, везде. Старая интеллигенция в большинстве не пошла за революцией. И если в таких отраслях, как в технике, медицине, агрономии их можно было допускать к работе, то в юстиции требовались люди до конца преданные революции и рабочему классу. Этот вновь пришедший контингент, горя добрыми порывами, был слабо вооружен опытом и знанием. Часто в правосудии они руководствовались социалистическим правосознанием, инстинктом госбезопасности.

Теперь в Советском Союзе в юстиции кадры с образованием. Качество их непрестанно улучшается, требования повышаются. Юридическое образование длится пять лет. До работы они обязаны проходить стаж.

С установлением нового законодательства, в результате последних съездов КПСС, устранены былые недостатки и введена строгая законность. Упразднен произвол. Количество преступлений уменьшается. Политическая статья идет на изживание. Законы о государственно опасных преступлениях, стоящие в УК, в стране почти не применяются. Всех заключенных по этим статьям насчитывается крайне

мало, что составляет ничтожный процент на 200 миллионов населения. Если из этого числа исключить лиц, причастных к истязаниям и убийствам советских граждан при немцах и изуверов в стиле современных хлыстов-трясунов, как «пятидесятники» да «свидетели Иеговы», носящих извращенный характер, то политические, в прямом смысле, исчисляются не сотнями, а десятками.

Что же нового вносит программа при сравнении с существующим и внедренным в жизнь?

То, что излагается в ней, является текстуальной копией советских положений, и составителей можно привлечь к ответственности за нарушения авторского права. Приведу лишь некоторые, изложенные в I части А, «Основы общественного строя», глава 5 — «Право и общественный порядок». Программа гарантирует неприкосновенность личности. Вот, что значит по этому поводу в Уголовном Процессуальном Кодексе (УПК), ст. 11:

«Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкцией прокурора».

А вот 127 статья Конституции:

«Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности».

В программе говорится о презумпции невиновности. Это требование после разоблачения культа личности звучит анахронизмом. Ст. 309 УПК:

«Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана».

Уместно авторам программы процитировать ст. 3 Основ УК РСФСР:

«Уголовной ответственности и наказанию под-

лежит такое лицо, виновное в совершенном преступлении, то есть умышленно или по неосторожности совершившее, предусмотренное уголовным законом, общественно-опасное деяние». В ст. 7 УК говорится, что преступлением признается общественно-опасное деяние, предусмотренное законом. Как видно, преступление не может отныне квалифицироваться по аналогии. Статья утверждена 25 декабря 1958 года. Программа, рекомендующая свои положения, запоздала: она издана в 1959 году.

Программа требует права обвиняемого на защиту. Вниманию ее авторов предлагается к сведению ст. 19 УПК:

«Обвиняемый имеет право на защиту».

Программа провозглашает:

«Принципиально отвергается издевательство над человеческим достоинством, как способ ведения следствия или норма наказания».

Нет, авторы, неудобно с такими познаниями советских законов соваться с предложениями и выдавать их за свои, когда они давно осуществлены в СССР. Придется преподавать общественные установки, раз они неизвестны.

О человеческом достоинстве категорически говорится в статье 20 Основ УК РСФСР:

«Наказание не имеет целью причинение физ. страданий или унижение чел. достоинства».

Что же касается издеательства, как способа ведения следствия, я вынужден сослаться на ст. 179 УК РСФСР. Там четко указывается, что применение насилия или издеательства со стороны лица, производящего предварительное следствие над допрашиваемым наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Далее в программе предлагается отмена смертной казни.

Какая «институтская» гуманность. Это, что называется, хвататься за сердце на бойне и со смаком

жевать венские шницели. Смертная казнь в принципе отрицается сов. законодательством. По настоянию народа, она введена Указами 1947 и 1950 годов, как временная мера.

Но все-таки почему, отрицая смертную казнь в принципе, сов. законодательство ввело эту временную и исключительную меру на данном этапе.

Дело в том, что воспитание общества не закончено. Затем есть преступники из мира совсем иной морали, с сознательной злой волей. Они и вызывают необходимость применения крайних мер. Она нужна для неисправимого преступника и ради превентивности ему подобного контингента.

Странно только звучит это предложение об отмене в устах НТС. Еще недавно он официально призывал к убийству коммунистов. Это ставит под сомнение их жалость к человеку и срывает вуаль с демагогии.

О неприкосновенности жилища я опять-таки вынужден отправить авторов на ученическую скамью. То же следует сказать и об охране личной переписки. Ведь это украдено:

«Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом» (ст. 128 Конституции, а также уже приведенная выше статья 12 УПК РСФСР и карается УК ст. 135 и 136).

Относительно права на доброе имя, проштудируйте тоже ст. 130 о клевете и ст. 131 об оскорблении УК РСФСР.

Читая такие предложения, которые давным-давно проведены в жизнь советскими гражданами, остается недоумевать — почему в Программе не призовут: «НТС борется за упразднение публичных домов, продажи наркотиков и работорговли, доход с которых идет в пользу государства или частных лиц».

Валить — так валить сполна, чёрт возьми, чего церемониться!

★ ★ ★

Право на национальное самоопределение четко зафиксировано в Конституции ст. 17 и является еще одним актом плагиата:

«За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». К чему же понадобилось копировать? Ответ расшифровывает враждебная пропаганда. За этим скрывается проповедь «права на национальную ненависть к другой нации». Нет, не о таком праве и не в их дудку играть думали создатели ст. 17 Сов. Конституции. Как раз, устранив национальные противоречия, новые элементы, пришедшие к власти, не могли иметь причин к разъединению. Напротив, все говорило за единение и солидарность. К сведению составителей напомним, по этому поводу: еще В. И. Ленин в апреле 1917 года выразительно писал, что пролетарская партия «стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций». Т. 24, стр. 52. Сам принцип Интернационала ратует за единство.

★ ★ ★

И снова в программе повторяются давно избитые истины: она требует право избирать и быть избранным. И снова придется цитировать, раз делают вид, что им неизвестно. 136 ст. Конституции гласит:

«Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях».

Столь же «новым» является требование «права на труд». О нем уже упоминалось в программе. Оно давно зафиксировано в советском законе. О нем трубят на всех перекрестках. Его не знают разве что

грудные младенцы. Этим начинается первая статья главы X «Основные права и обязанности граждан» (ст. 118): «Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством». Труд в СССР не только право, но и обязанность. Ст. 12 Конституции:

«Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «Кто не работает, тот не ест».

★ ★ ★

Относительно образования опять должен повторить азбуку. Ст. 121 Конституции: «Граждане СССР имеют право на образование». Или организация хочет себе присвоить лавры этой меры, принадлежащие стране социализма?

Добавляю для пояснения к сведению авторов — в СССР в средних учебных заведениях учится сегодня 51 миллион, а в высших школах 3.8 миллиона человек. Укажите, в какой еще стране такая эпидемия обучения. Причем бесплатного, обеспеченного гос. стипендией?

Относительно «права на отдых, социальную помощь и на обеспечение старости» — все опять составляет неотъемлемую часть Конституции и скопировано с нее дословно. В программе это неоднократно повторяется и мы коснемся этого, когда затронем главу о профсоюзах.

★ ★ ★

Как видно из приведенных пунктов программы, они не дают повода ни к свержению существующего порядка, ни к борьбе с сов. властью. Раз это уже есть, то рациональнее стать на путь признания и помощи принятых положений, а не идти с содействием иностранцев против Родины.

«Институт концентрационных лагерей отменяет-

ся, как противоречащий элементарным принципам человечности».

Что же получается по программе — тюрьма гуманнее? Мало кто из советских заключенных поблагодарит за это и согласится с данным положением. Отправка из лагеря в тюрьму присуждается лишь судом за провинность. Ничего нет проще, как из лагеря попасть в тюрьму.

Исправительно-трудовая политика пережила в своем развитии немало изменений. Идея, что труд, как вид заслуги, может искупить вину, очень благородна. Она доказывает высокую степень уважения к труду. По прежним понятиям только героизм и кровь искупали вину. В былые времена, в частности, в царствование Николая I отправка провинившихся на Кавказ для борьбы с горцами, как искупительная мера, широко практиковалась. Люди труда признали, что труд, как и героизм в бою, достоин быть средством искупления. Он и лег в фундамент исправительно-трудовой политики.

Враги советского государства и социалистического строя оптом и в розницу распространяют о советских лагерях чудовищные легенды, ставящие целью не беспристрастное описание, а опорочение власти. То обстоятельство, что в этой сфере не раз допускались грубейшие искривления и перегибы, давало им в руки удачное орудие для злостной пропаганды.

Лично я отбыл много лет в лагере. Из русских политических эмигрантов я явился последним заключенным в стране, оставившим стены мест лишения свободы. На протяжении многих лет, в подпольной деятельности, я изучал, вел записи и инспирировал других наблюдать жизнь лагеря, выслушивать все значительное от разных заключенных и записывать изо дня в день. Немало в этом направлении мне

содействовал бывший член НТС и мой одноделец И. К. Ковальчук — Коваль. Замечал я это, разумеется, однобоко, лишь для набора аргументов, чтоб, следуя настойчивости Катона, мог бы лишний раз придраться к случаю и крикнуть:

— А Карфаген должен быть разрушен!

Мне, человеку, которого пробирает дрожь по телу при воспоминании долгих лет, проведенных в заключении, менее всего хочется давать объективную оценку лагерей. Однако, первое условие для политического работника, если он хочет быть честным, надо быть правдивым. Сам многолетний носитель лагерного бушлата, я видел своими глазами такие глубины падения, что все человеческое потрясилось во мне до основания. Отрицать их было бы не только кощунством над правдой, но и означало бы принимать позу страуса. Эти искривления нашли свое отображение в сов. кино, литературе и в разоблачении правительством преступлений Берии, Рюмина и Абакумова.

Однако, признавая былые искажения, весьма важно дать анализ, в чем их причины и откуда они исходили. Казалось бы, основоположники лагерей стремились изжить рутину устарелых форм наказания и заменить самыми передовыми и гуманными мерами, проповедуемыми наиболее передовыми умами. Эти люди руководились верой в возможность исправления каждого человека, бережного отношения к личности и уважения к человеческому достоинству. Почему же, все-таки, оно практически приняло такие отвратительные формы?

Объясняются искажения тем, что мероприятия партии грубо попирались и игнорировались отдельными лицами, как на верхах, так и кадрами лагерной администрации. То были извращения вследствие культа личности, произвола и самоуправства, во-

преки ведущего учения, иногда намеренно для его дискредитации.

Другая весьма существенная причина заключалась в том, что наличие исправительно-трудовых лагерей требовало отбора большого количества умелых и опытных кадров управленческого и воспитательного аппарата. Их было мало и они были слабо подготовлены. К тому же многие из них не соответствовали назначению. Часто это бывали люди случайные, набранные второпях.

Как я уже упоминал, во многом виновен был коллектив самих заключенных, искажавший до неузнаваемости любое справедливое начинание сверху.

В обиходе происходили кражи, грабежи, убийства, насилие отдельных групп над другими, наркомания и азартные игры. С этим боролась лагедминистрация, но все меры были бессильны перед стихией. Особенно отвратительны в лагерях проявления шовинизма. Им были одержимы осужденные за национализм литовцы, латыши, западные украинцы и другие. Каждый из них помогал своим и старался эксплуатировать соседей, как будто в этом положении можно было так делить людей. Легкую работу поручали только лицам своей нации. Другому непременно дадут тяжелую. К чести наших русских, должен заметить, что воспитанные в духе национальной терпимости, они являли исключение: в выборе друзей и работы они руководствовались только личным качеством человека. Когда бригадир русский, его бригада пестрит всеми национальностями.

Порядок в лагерях не всегда был одинаков и формы его часто менялись. Что же касается формального порядка, то в лагерях мне пришлось увидеть в разных мерах много нового и передового, чего не было ни в одной стране. Этого нельзя не признать, как бы мы лично не относились враждебно к

господствовавшим злоупотреблениям. И я не голо-
ловен.

Где еще осужденный получал работу по специальности? В лагерях, за редким исключением, врачи, инженеры, агрономы, химики и люди других профессий получали работу по специальности. На работе заключенный не отличался положением от вольного. Сплошь да рядом последние ставились в подчинение первым. На Севере, в подразделении, где я отбывал наказание, всем строительством управлял заключенный М. Б. В его подчинении было до 15 тысяч человек вольных и заключенных. Ему доверили строительство на 44 миллиона рублей в год. Там же юрисконсультom был назначен заключенный М. По юридической линии ему был подчинен весь вольнонаемный юридический состав.

В огромном большинстве больницами ведали врачи из числа заключенных. Средний медперсонал, в том числе и вольнонаемный, находился в их подчинении.

Во время недостатка продуктов в стране, в первые годы войны, заключенные получали рацион наравне с вольными и он обычно бывал больше, нежели получали колхозники во многих колхозах.

Во всех лагерях обязательны клубы и библиотеки. Там можно найти любые журналы и газеты. В каждой секции имелся радиопередатчик из Москвы. Лагерь регулярно снабжались кинопостановками.

Специальное внимание уделялось самодеятельности. Учреждались для нее отдельные бригады, которые иногда вообще освобождались от других работ или им давали легкую работу, чтобы можно было совмещать.

Повсеместно введены в лагерях школы (сейчас все заключенные до 50-летнего возраста должны кончать в местах заключения 7 классов общего образования в обязательном порядке). По окончании

курса ученикам выдаются свидетельства наравне со всеми другими гражданами страны.

Медицинская помощь в лагерях применялась так же, как и на воле.

Техника безопасности и все специальные меры защиты для заключенных не отличались от общепринятых в стране.

Начальство поощряет среди заключенных спортивные секции, шахматные турниры и пр. В лагерях систематически проводятся лекции на разные темы приезжающими лекторами.

В целях политического воспитания не реже раза в неделю проводятся политические занятия.

На производстве для желающих заключенных непрерывно проводятся бесплатные курсы по самым разнообразным отраслям: токарей, слесарей, механиков, электриков, печников, электросварщиков, шоферов, пчеловодов и т. д. Это преследует цель, чтобы заключенный не выходил на волю без специальности.

На производстве заключенные на равных правах с вольнонаемными участвуют в производственных собраниях и совещаниях.

Заключенные имеют право на свидание на 3 дня (ранее до 2-х недель) с близкими, для чего отводятся отдельные комнаты.

Зарплата причитается заключенному по общесоюзной ставке, в соответствии с должностью и работой. Из нее часть идет на возмещение лагерных затрат на заключенного, остальная часть переводится на его имя. Бывали случаи, когда освободившиеся увозили с собой из заключения сотни тысяч рублей.

Отпуска заключенные не имели (за редким исключением, но бывали иногда для некоторых не только отпуска, но поездки к родственникам и отправки в командировки в столичные и другие города). Вместо них бывали оздоровительные пункты

(ОП). Это было нечто вроде домов отдыха. В нем люди находились на поправке здоровья обычно 2 недели, ничего не платя за содержание.

В лагерях иногда применялось и применяется досрочное и условное освобождение при наличии примерного поведения и хороших трудовых показателей.

Изложенным мною исчерпываются далеко не все меры, применявшиеся в лагерях. Приводя эти данные, я вовсе не хочу скрасить темных сторон произвола, которые достаточно освещались. Я только хочу, чтобы для объективности была освещена и эта часть, которую почему-то обходят молчанием враждебные описания советских мест заключения.

Кто был в заключении, тот подтвердит, что описанное мною не приукрашено.

Существо же жалоб и возмущений обычно упирается на несправедливость следственных и судебных органов, на чрезмерную длительность срока наказания по сравнению со сроками, выносимыми на Западе за аналогичные дела. Это нарекание, особенно в период культа личности, бесспорно, имело основание. Однако, как уже упоминалось, с введением последнего Кодекса, нарушения законности устранены. Партия и правительство тщательно следят за строгим соблюдением законности. Сроки же в Советском Союзе по отдельным статьям длинные. Особенно строго суды относятся к тем нарушениям, которые на данном этапе особенно актуальны. Когда надобность в них проходит, меры смягчаются или даже вовсе отменяются. Особенно строг современный закон к бандитам, к валютчикам, растлителям малолетних, виновным в изнасиловании и к рецидивистам. Меньше всего в данное время это распростра-

няется на государственно-опасные, т. е. политические преступления.

На заседании пленума Верховного Суда 13-30 июля 1964 г. отмечено, что за отчетный период — 2 г. и 2 мес. — Коллегия Верховного Суда по уголовным делам среди рассмотренных дел не имела ни одного политического. Они в данное время не представляют опасности и фактически изжиты.

Мое глубокое убеждение в результате наблюдений, что в ближайшие годы контингент заключенных по этим статьям будет сведен к нулю. Лишь отдельные единицы на миллионы из среды прямых террористов, шпионов и диверсантов из-за рубежа смогут с комфортом разместить в двух-трех камерах советской тюрьмы.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Раздел «Общественная жизнь» мало добавляет к уже упомянутому материалу, и поэтому я задержусь только на отдельных местах.

Так, в главе «Социальное единство народа» обвинение общественной структуры в СССР в классовости или в антагонизмах лишено почвы. Дурно ли, хорошо ли, мягко ли, грубо ли — этот вопрос в стране решен. В советском обществе нет причин для противоречий. Главное в этой главе — ее дух, который старается опорочить ликвидацию частной собственности, мечтая о реставрации. За этим кроется реакция, а не новая реформа.

Отсутствие частной собственности на средства производства прочно вошло уже в общественное сознание. Проповедовать здешнему человеку возвращение к частной собственности, все равно, что подбивать его на ночной грабеж или на соvrащение малолетнего.

На «общественной самостоятельности» нет смы-

сла задерживаться. Об этом ничего конкретного, кроме декларации общей фразы «общественная самодеятельность — залог развития нации» не приводится. Ну и пусть «общественная самодеятельность — залог развития нации».

ТРУДОВЫЕ СОЮЗЫ

Не желая загружать цитатами и утруждать читателя, я, усматривая в программе частые, едва ли не буквальные фотоснимки с сов. положений, считал утомительным приводить их полностью.

Однако, на главе 9 «О трудовых союзах» придется задержаться, чтобы читателю наглядно продемонстрировать, что программа считает «новым» и предлагает ввести вместо установленного в сов. стране. Не только мысли, но даже выражения скопированы.

Цитирую важнейшие из них по программе:

«В сферу деятельности трудовых союзов входит:

1. Защита трудовых и социально-экономических интересов трудящихся.

2. Согласование производственных задач с социальными и экономическими требованиями рабочих и служащих.

3. Участие в организации труда, на началах производственной целесообразности, социальной справедливости и трудовой солидарности.

4. Предупреждение и разрешение трудовых конфликтов.

5. Контроль правильности практического применения трудового законодательства; оказание юридической помощи; улучшение условий труда и быта трудящихся.

6. Содействие трудящимся в получении специального образования.

7. Содействие трудящимся в организации отдыха и культурного досуга; развитие самодеятельности трудящихся в культурно-просветительной области».

Затем высказывается, что «Трудовой комитет (по-нашему, местком или фабком) соучаствует в управлении предприятиями», «обсуждает производственные планы», «организацию труда и производства», «применение тарифных сеток и ставок с учетом местных условий», «заключает коллективный договор и следит за его выполнением», «рассматривает трудовые конфликты». И кончается глава лозунгом «Трудовые союзы — трудовой стержень науки!»

А вот часть содержания, переданного мною сжато, из учебника «Советское трудовое право», по элементарным пунктам, где изложены куда подробнее те же самые положения.

Общими основными принципами социалистической организации труда являются:

- всеобщность труда и свобода от эксплуатации;
- право на труд и свобода от безработицы;
- распределение по труду;
- обязанность блюсти социалистическую дисциплину труда;
- всесторонняя охрана труда;
- обеспечение в старости и при нетрудоспособности.

В учебнике дается следующее определение сов. трудов. права:

«Сов. трудовое право определяет порядок установления и прекращения труда. Право отношений рабочих и служащих, порядок использования труда рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях, устанавливает обязательную меру их труда (продолжительность рабочего дня и т. д.), размеры оплаты труда по его количеству и качеству, устанавливает основы внутреннего труд. распорядка предприятий (учреждений), предусматривает меры поощрения за добросовестный труд и меры взыскания за нарушение товарищеской дисциплины труда, устанавливает обязательные правила по охране тру-

да, определяет порядок рассмотрения трудовых споров, содержит правила материального обеспечения рабочих и служащих в старости, при болезни и инвалидности».

Деятельность профсоюзов в СССР, основываясь на Конституции, предусматривают три направления:

- а) права по участию в управлении производством;
- б) права в области улучшения условий труда и быта рабочих и служащих;
- в) имущественные права профсоюзов.

а) Права по участию в управлении производством.

Сюда входят:

- 1. Производственные совещания.
- 2. Заключение коллективных договоров.
- 3. Соц. соревнование.
- 4. Контроль по рацпредложениям и изобретениям.
- 5. Право требовать устранения недостатков у администрации.
- 6. Право участвовать в обсуждении вопросов производственных и хозяйственных органов.

б) По улучшению труда и быта.

- 1. Права профсоюзов участвовать в установлении условий труда, проектных законов о труде.
- 2. Участие в применении трудового законодательства, т. е. в том числе участие в трудовых спорах.
- 3. Профсоюзам дано право активного участия в распределении жилой площади рабочим и служащим.
- 4. Профсоюзы контролируют условия быта и труда рабочих и служащих и производят надзор за охраной труда.
- 5. Ведает делом государств. страхования.

в) Имущественные права профсоюзов включают право приобретать имущество и владеть им и др.

Трудовое законодательство и профсоюз предусматривают продолжительность рабочего дня, устанавливают и требуют строгого соблюдения времени отдыха для рабочих и служащих. Они следят за оплатой, чтобы она соответствовала тарифной сетке. В их ведении пенсионное обеспечение по старости и инвалидности.

Они участвуют в повышении квалификации трудящихся и помогают их учебе.

Ими предусмотрено обеспечение при временной нетрудоспособности, обеспечение матери и ребенка и т. д.

Я привел только основные черты сов. трудового законодательства и деятельность профсоюзов в стране. Они с лихвой охватывают то, о чем говорится в программе и давно внедрены в жизнь сов. трудящихся.

Как очевидно следует, ничего другого, что бы не было усмотрено сов. законодательством, программа не дает и преподносит копию существующего с той только разницей, что в основе ее подразумевается частная собственность и капитал.

Природа этих двух факторов сама собой суживает возможности трудящихся. К чему спорить с капиталистами и уговаривать их, когда трудящиеся в состоянии забрать богатство страны и управлять им без конфликтов и споров с этим элементом.

Конечная цель КПСС — наступление эпохи коммунизма. По мере приближения к нему, власть будет отмирать и роль профессиональных союзов возрастать, пока не придут совсем к идеальному обществу.

По поводу положений, высказанных в главе 9, я, между прочим, проделал курьезный эксперимент. Зашел в аудиторию студентов и прочел им выдержки из программы, заменив только выдуманное там название «Отраслевой Всероссийский Трудовой

Союз» местным термином. Затем спросил — откуда это? Студенты наперебой отвечали:

— Наши советские положения о труде.

Какой смысл выдавать за свое то, что принадлежит другим и давно введено?

Осталось только дописать: «Мы за то, чтоб в СССР государственным знаком была бы пятиконечная звезда с серпом и молотом».

ПОЛИТИКА СВОБОДЫ

Глава 10-я о «политических организациях», вытекающая из положений о свободе, чрезвычайно характерна и существенна. Положения этой главы коренным образом противны духу сов. порядка и заслуживают рассмотрения.

Тут налицо принципиальное расхождение по вопросу монопартийности и полипартийности системы. Тема тысячелетняя, с бородой Мафусаила. Русским народом давно прожевана, переварена и..... все-таки еще не изжита отдельными единицами за рубежом, раз ее еще выдвигают в программе общественного устройства России.

Предложения о введении партий ново в НТС. Значит пункт о корпоративном парламенте, стоявший ранее в программе, ныне «тю-тю»?! Почему? Уж не потому ли, что затея его бесславно погибла с момента выстрела себе в голову его творцами, обанкротившимися Геббельсом и Гитлером?

А ведь если поднять материалы, то мы до гитлеризма были нетерпимы к партиям. Это сюрприз для многих бывших членов НТС, оказавшихся в Советском Союзе. А они-то по неведению все еще оставались верны старой программе и ратовали за корпоративный парламент и диктатуру. От оппортунизма идеологического руководства получилось — кто в лес, кто по дрова.

Чему же обязано это изменение: политическому росту или тому, что эмигрантам приходится при-

нимать покровительственную окраску, вынуждающую хамелеона быть серым на камне и зеленым на фоне растений?

Ну, а как же увязать, с одной стороны, существование противоречивых партий в стране, а с другой — идею солидаризма? Какая же солидарность, раз группы людей обособливаются из-за противоречий в партии?

В отношении государства, история знает две группы характеров: полиидеистические и моноидеистические. Время от гибели цветущих Афин до падения Керенского учит, что моноидеистические народы бывали устойчивее и долговечнее. Они достигали наибольших расцветов и культуры. Русскому народу с его трезвым умом всегда был ближе моноидеистический уклад. Он давно, с присущим великому народу политическим чутьем понял, что полиидеизм ведет к упражнению в красноречии и разложению в многопартийности. Тогда власть попадает в руки не умных и сильных, а ловких. Историческая память подсказывает ему о печальных примерах Новгородского веча с кулачными боями, об анархии Запорожской сечи, о распрях удельных князей, приведших к покорению нас татарами. Ему понятны ужасы смутного времени с самозванцами и польской оккупацией. Это тем более ярко выражается в ответственные для страны периоды.

Склоки, самоискания и тому подобные атрибуты с их взаимными нескончаемыми спорами, вроде толстовских исканий, принесли русскому народу не меньше горя, чем татарское иго и смутное время вместе взятые.

В. Г. Белинский пытливым взглядом критика, касаясь развития драмы, правильно замечает: «До Петра в России развивалось начало семейственное, родовое, но не было и признаков личного развития, а может ли драма существовать без сильного развития личности и индивидуальности?» Его мнение в

равной мере применимо в политической области. России было не до этого. Внешняя опасность не давала баловаться партиям и словоговорению, как на Западе. Народу было не до внутренних коллизий — ему надо было сбросить сидевшего на шее татарского хана. Земские соборы — образец народной мудрости единства того времени — достаточно чувствовали свой долг и политическую ответственность, чтобы скатиться до партий. И будь у нас партии — татарское иго кончилось бы не в 1480 году, а на несколько столетий позже и едва ли с таким благополучным исходом.

Государство, если оно здоровое, строится на принципе общности. Без него объединение людей в государство утрачивает смысл. Тем более единство народа обязательно в ответственный период внешних опасностей или при водворении нового порядка, когда требуется мобилизация всех сил.

Отрицательно относясь к безответственной и беспредельной болтовне, советская система не игнорирует личность и благожелательно относится к конструктивной критике. Если газеты не рекламируют здесь случаи, поощряя низменным инстинктам толпы, об убийствах, поджогах, автомобильных катастрофах и несчастных происшествиях на шахтах, то вовсе не потому, что замазывают их. В данном случае считают неразумным превращать эти существенные явления в объекты праздных пересудов. К ним в советской стране подходят с серьезной деловитостью. Так, например, если где случится пожар, о нем не говорят в газетах с целью сенсации, но об этом пожаре будут знать в республике все пожарные и лица, ответственные за пожарную безопасность. Мало того, они будут анализировать и изучать причины его возникновения, чтобы он не повторился. Все аварии в шахтах изучаются работниками техники безопасности, а автомобильные катастрофы преподаются шоферам. Просмотрите журналы милиции

и там вы найдете самое подробное изложение фактов преступлений. В частности, сейчас ведется подготовка создания новой конституции. В ее обсуждении принимают самое широкое участие все желающие граждане. Следовательно, советская система не замазывает недостатков, напротив, она деловито стремится к их устранению и призывает в помощь общественность, не делая из них ни предмета сенсаций и сплетен, ни досужих пересудов бабушки Секлетеи.

Кто грезит о многопартийности в России, тот просто недостаточно знает характер этого народа. В 17-м году народ это продемонстрировал со всей очевидностью. Он пошел против всех партий и потребовал твердой руки.

Затем совершенно непонятно, как совместить существование партий с выдвигаемой идеей надпартийности власти? Что за «петрушка с морковкой»? Может, авторы этого положения укажут пример, где и когда существовала надпартийная власть, избираемая партиями. Не наивно ли предположение такой противоестественной метаморфозы с персонай, выбранной партией, которая, придя к власти, вдруг по мановению волшебной палочки становится беспартийной. И что это за партия, выбирающая власть не в своих, а в «надпартийных» интересах. Это что-то из мечтаний гоголевского Манилова.

Положение о надпартийной власти при партиях кажется попросту незрелым и непродуманным, если это не скрытый призыв к наследственной монархии. Оно, очевидно, получилось по необходимости вечно приспособливаться к обстановке и вот каким образом.

Когда создавалась идея солидаризма, программа не допускала партий. Организация проповедывала диктатуру с «дуче» во главе и была сторонни-

цей не партий и «свободы политических убеждений», а корпоративного парламента по типу Италии, Португалии и других фашиствующих стран. В таком построении композиция солидаризма выглядела логичной и целостной, хотя и исходила не с того конца. Теперь же, заплатив налог тем правительствам, на чьих территориях организация вынуждена разворачиваться, НТС обязана сделать реверанс в сторону хозяев и ввести «свободу партий». А это значит «прощай солидаризм!» Он безвременно погиб, сраженный многопартийностью.

ГОСУДАРСТВО

А рядом, в следующей части главы 11, декларируется лозунг — «В Российском государстве все за одного и один за всех!» Какие же партии раз единство?

Дальше неожиданный поворот от широкой терпимости убеждений и сердечной мягкости чуть ли ни к средневековой жестокости — «Страна не потерпит новой тирании». Адекватнее было бы — «мы за свободу! Кто против — в морррду!!!»

Я не останавливаюсь над второй частью, где излагаются положения о государстве, из-за нежелания повторяться и анализировать избитые истины о всенародном голосовании. Они всем известны.

Также говорилось уже и о «надпартийности» верховной власти. А вот насчет «надклассовой» — опять непонятно.

Понятие классов, как известно, пошло от римской империи времен первых семи царей. Реформе Сервия Тулия (VI век до н. э.) приписывается разделение граждан по имущественному цензу на пять групп, которые называли классами. По цензу же давались права и определялись обязанности. Тогда же, как известно, возникло слово пролетарий от слова

prolos — потомство. Царь видел ценность от неимущих только в произведении потомства. К. Маркс вложил в понятие классов содержание, отвечающее сложившейся общественной структуре эпохи капитализма. В программе хоть явно не говорится о введении и учреждении классов, но она признает их. Иначе к чему применять слово «надклассовый»? Желательно бы уточнить: какие же классы они имеют в виду ввести в государстве, рисуемом их воображением? Или это оплошность идеологов? — Неясно.

Несколько не соответствуют политической зрелости благие пожелания, лишённые содержания, выдаваемые за принципы: власть должна быть «авторитетной», «служебной». С таким же успехом можно сказать: «ласковой, гигиеничной, хорошо причесанной, верной женой в браке» и т. п.

★ ★ ★

Общепринятое деление власти на законодательную, исполнительную и судебную, известное со времен «Духа законов» Монтескьё, не заслуживает особого внимания.

СНОВА К КЕРЕНЩИНЕ

Наиболее характерным местом, вскрывающим завуалированную реакционную сущность программы, является призыв к созданию «учредительного собрания». Не с Керенским ли во главе? Вот те на! Это, значит, вернуться вспять на полвека назад. Сказать эти слова русскому народу, он примет их, как кощунство. Они равнозначны вынесению русскому народу приговора: 50 лет революции — впустую; дела народа — преступления; подвиги — заблуждения; заслуги — порочны. Лучшего предложения, чтоб возмутить против себя весь народ, нарочно не придумаешь.

★ ★ ★

Поскольку в вопросе местного самоуправления рекомендуется «учитывать географические, экономические, исторические, этнографические особенности, чтобы делить страну на края, области» и т. д., то рекомендую ознакомиться с делением страны на союзные, автономные республики и национальные округа, где в основу положен принцип учета национальной самостоятельности и исторического развития. То же и в отношении экономических особенностей, и тут предлагается то, что уже прочно вошло в жизнь советской страны.

Основы национальной политики, изложенные в 16 главе, взяты тоже в полном соответствии с существующей в Советском Союзе системой. Однако, в них одно место страдает теоретичностью и демонстрирует оторванность программы от условий советской действительности.

В период монархий для народов страны, при посредстве аристократии и привилегированного слоя, объединяющим началом являлась корона. В наше время монархия уже устаревшее понятие. Какое знамя можно выдвинуть, вокруг которого они бы объединялись? Нельзя забывать, что параллельно национальному росту народов, чему так способствовала советская власть, враги России и советской власти старались повернуть рост национального сознания в сторону шовинизма и из кожи лезли, чтобы натравить брата на брата. Послушайте пропаганду по радио. Верным залогом единства в таких случаях всегда являлась партия. Да, та самая партия большевиков, на голову которой программа призывает обрушить все египетские казни, бдительно охраняла и охраняет единство наших исторически и культурно сжившихся народов. А потому каждый русский патриот, если для него величие родины и целостность страны выше партийных интересов,

обязан учесть очевидную аксиому: на данном этапе нашей отечественной истории коммунистическая партия — это тот цемент, который сцепляет и скрепляет народы, на ней покоится единство и монолитная целеустремленность народов СССР.

Вот, где кроется основная причина, почему я, в прошлом враг советской власти, объявил добровольно и сознательно свою многолетнюю борьбу против нее — преступлением, а прошлую деятельность — роковым заблуждением.

★ ★ ★

Относительно обороны страны предлагается все то, что проводится в Советском Союзе. Непонятно только, почему программа хочет лишить армию политического образования и воспитывать ее безграмотными Митрофанами?

★ ★ ★

Относительно главы 18-й, где говорится о принципах внешней политики, проще всего привести аналогичные положения из советского международного права. Там значится:

1. Уважение территориальной целостности и суверенитета.
2. Взаимное ненападение.
3. Невмешательство во внутренние дела.
4. Равенство и взаимная выгода.
5. Мирное сосуществование.

Просто, ясно, человечно!

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Все, что сказано в этой главе о трудящемся человеке — святая истина. Эти положения начертаны на знамени сов. системы и под ними подпишется любой коммунист. В самом деле, «носителем творческой энергии и творцом ценностей является человек, который должен быть хозяином плодов своего

труда, чтобы прежде всего материально обеспечить себя и своих близких». Это же буквально списано у коммунистов. А дальше, дальше видно о каком трудящемся человеке проливаются слезы. Оказывается для этого нужна частная собственность. Так вот какой трудящийся человек имеется в виду. Раз частная собственность, то в центре забот уже не трудящийся, — он только драпировка, а собственник, со всеми присущими ему зоологическими инстинктами. Таким образом, жалость к трудящемуся — прием, чтобы с его помощью протащить частную собственность. Что именно суть в частной собственности видно сразу же из последующего:

«Свобода хозяйственной деятельности рождает соревнование (конкуренцию). Хозяйственное соревнование — естественное и здоровое явление, если не нарушает социальной справедливости и интересов общества».

Здесь очевидно противоречие. В здоровой конкуренции столько же смысла, сколько в здоровом раке, или целительном тифе. И как неубедительна оговорка, звучащая извинением — «если не нарушает социальной справедливости и интересов общества».

Если вдуматься в суть предлагаемой «здоровой» конкуренции, какими побуждениями души человеческой она движима, то мы увидим в корне животный эгоизм и попустительство инстинкту «мое — превыше всего». Как можно объявлять здоровым и тем более моральным то, что инспирируется такими стимулами, как «мое», «я», «личная выгода».

Соревнование, в самом деле, положительное явление и является стимулом движения вперед. Но оно обретает высокое назначение не тогда, когда поκειται на личной выгоде соревнующегося, а на благе общества. Героизм на войне, когда человек рискует жизнью за общее дело, первым вызывается идти в опасную разведку, ранее других и впереди их, — вот

образец подлинного соревнования. То же должно быть и на ниве труда. Но если он соревнуется в продаже хлеба, мяса или акций на бирже, с себе подобным, то это никак не может считаться добродетелью и ставиться в заслугу.

Если в советской системе взять ядро вещей и отбросить нередко имеющую место и еще не всегда изжитую шелуху, то именно в ней заложено моральное, с истинно человеческой точки зрения, соревнование. Оно служит не звериному «я», а обществу, т. е. всем людям, раз они, как учит солидаризм, братья. Братство и конкуренция рядом не уживаются.

Следующая глава ратует за материальное благополучие граждан и прожиточный минимум.

Излюбленным методом пропаганды Запада (он считает его классическим) это детальное изложение со смакованием, сколько рабочих и служащих может купить продуктов за свою зарплату здесь и там. Несколько странен такой грубо гастрический прием доказательства, особенно когда исходит от провозглашающих себя идеалистами. Он рассчитан на сомнительный успех у тех примитивных экземпляров человеческого рода, у кого жизненные интересы не поднимаются выше уровня талии. Этак можно возвести на пьедестал тех, кто во время войны взятками откупился от фронта, кто, спекулируя на поставках, комфортабельно устроился в тылу и сохранил шкуру, в противовес тем, кто пошел бороться с оккупантами. Но ведь это мораль волков. От нее несет библейским: «и лучше живому псу, чем мертвому льву».

Для народа же, который идет в авангарде освободительных идей и является пионером нового порядка, она кажется недостойной гордого звания человека.

До чего же типично для существа того лагеря, что, вытягивая на витрину интересы брюха, они немые, как рыбы, о достижениях Сов. Союза в области науки, техники, образования, мед. обслуживания, спорта, помощи народам в борьбе за независимость и т. п.

В основном же в этой главе приводятся досужие рассуждения. Исходят они в конечном итоге из чисто советских установок.

Программа говорит об «обеспечении материального благополучия населения». Но ведь это называется стучать в открытую дверь.

Ради доказательства я привожу выдержку из сов. политической экономии, являющейся экономическим законом социализма:

«Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социального производства на базе высшей техники».

Так в чем же разница, если форма и конечная цель одна и та же? Разница в том, на какой базе следует добиваться желаемого благополучия. Углубившись, сразу вскрывается, что все дороги ведут в Рим: материального благополучия они мнят достигнуть на базе все той же злополучной частной собственности.

Определение в следующей главе народного дохода, с точки зрения советской экономики, непонятно. Каким образом зарплата может являться народным доходом? Зарплата трудящихся — не народный доход, а именно выделенная часть из народного дохода, в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Оно и логично: если не будет

народного дохода, то из каких источников будет покрываться возмещение за труд? И, наоборот, — кто посмеет составлять из зарплаты народный доход. Эта глава противоречит принятым советской наукой определениям.

СОБСТВЕННОСТЬ

Вслед за народным доходом излагается центральный пункт всей программы, который и является главной причиной, порождающей нетерпимость к советской власти и социалистической системе. Речь идет о собственности.

Программа НТС начинается с утверждения кризиса, объяввшего человечество. Всем ясно и без программы, что человечество застыло в старых формах, и жаждет нового уклада. И дело тут не только в несовершенстве форм, быть может, в обреченном порядке есть и положительные стороны, но он уже изжил себя, как некогда изжил себя рабовладельческий строй и позднее крепостнический, тоже имевшие не только минусы. Пусть трудности и жертвы, пусть новый порядок, отвечающий запросам разума и моральным требованиям современников, на первых порах своего водворения иногда и уступает в отдельных областях отживающему, но он оправдан требованием современных запросов, его требует духовная гармония человечества.

Несомненно, утверждая кризис, программа права. Об этом твердит философия, более полутора века стонет литература и поэзия, свидетельствуют мучительные поиски выдохшегося искусства. Между тем, с жаром декларируя кризис, программа не доискивается до ядра вещей, а довольствуется скорлупой, т. е. говорит о потере морали, чести и совести. Не обнаружив причин, эти слова не более, как пустое сотрясение воздуха. Наконец, главное: про-

грамма не предлагает существенных мер для выхода, оставляя в самой основе старый порядок и лишь пытается сменить на нем прическу, с бобрика на полубокс. Я не возражаю о прививке морали — совести, чести, стыда и прочих атрибутов нравственного регламента. Но взятые сами по себе, они беспомощно висят в воздухе, не имея опоры. Нет той политической системы и государства, чтобы их отрицали. Если провести на этот счет анкету, то под ней единогласно подпишутся все народы вплоть до каннибалов. Следовательно, выраженные в таком аспекте, они ничего не дают. В том-то и дело, что изжитие кризиса упирается не в голые слова, являющиеся следствием. Важно, какую меру следует применить государству, чтобы в человеческом обществе выкорчевать корни, питающие самый кризис.

На этот основной, казалось бы, вопрос программа не дает сколь-либо вразумительного ответа, фанатично призывая к свержению сов. власти и только. Или, может, подслащенным солидаризмом она мечтает изменить шкурную природу буржуазии, прекратить разложение и (браво!) волк станет ягненок. Но это анекдот для детей, не более.

Допустим, сов. власти нет. Осуществились заветные грезы НТС и сов. власть волшебным образом провалилась в преисподнюю. Так что? Разве человечество освободилось бы от духовного застоя? Напротив, каждому очевидно, что не будь таких двигателей, как Сов. Союз и партии коммунистов, человечество потеряло бы динамику, т. е. не было бы толкающего рычага для продвижения вперед. Мир Запада, мир капитала продолжали бы морально лететь в тартарары, пока не народилось бы вновь что-либо наподобие великой Октябрьской революции и партии коммунистов, чтобы пробудить сонное царство и вывести старый мир из тины, в которую он погряз по уши.

Следовательно, основная причина лежит где-то

в природе все еще существующего старого порядка. И это несомненно так.

В эпоху рыцарства и феодальных монархий, несмотря на уродство строя, все же в них было нечто органическое. На наш взгляд, только благодаря органическому элементу этот порядок занял такой длительный фрагмент в истории. В природе этого строя, если угодно, был заложен чисто зоологический закон естественного отбора. Как и в мире животных, сильные, умевшие искусно обращаться с оружием, завладевали имуществом слабых и побежденных и принуждали их себе подчиняться. Слабому оставалось либо самому отличиться силою и тогда стать в ряды поработителей, либо смириться перед силою противника, как это принято в царстве животных.

Кроме достоинств в искусстве владеть оружием у феодалов были и другие качества, вызывавшие к ним долю уважения и способствовавшие признанию их приоритета. У них правилом хорошего тона считалось презрение к деньгам (кстати сказать, достававшимся по современным понятиям грабежом, мародерством и за счет чужого труда) и легкое отношение к смерти. Многие из них безрассудно ставили жизнь на карту, если это им повелевали их этические догмы. В сражениях они ходили в первых рядах и проявляли образцы героизма. Мало того, что они легко относились к смерти, но они умели и красиво умирать. Несмотря на извращенные взгляды, вследствие сложившихся предрассудков, они могли без сожаления истреблять целые народы, но не допускали мысли, что можно, например, не оплатить своевременно карточный долг партнеру. Этому словию не было чуждо понятие чести и благородства. Многие аристократы обладали незаурядным вкусом и умели ценить красивое. Не случайно слова

«рыцарь» и «рыцарский» вошли в общечеловеческий лексикон как нарицательные, и слагались легенды, баллады и песни вокруг Роланда, Ричарда Львиное Сердце. Словом, за все эти качества феодалы имели право претендовать на лучший кусок мяса себе при общественном дележе добычи.

Изменение сознания людей и общественной структуры привели к концу этой длительной, не лишней красок, эпохи.

Рыцарство выродилось в мишень для насмешек. Гениальный Сервантес бессмертным Дон Кихотом спел реквием феодализму. Герой его вызывает не восхищение, как некогда «Шевалье Баярд», а горькую, сквозь слезы, усмешку. Тем не менее, знаменитый писатель, рисуя карикатуру на выродившееся рыцарство и во сне не видел, чтобы возводить в идеал, вместо «рыцаря печального образа», в герои последовавшей эпохи его холуя, являвшего образец пошлости, Санчо Панса. Но дальнейший порядок сложился именно так, что Санчо Панса очутился на пьедестале.

Санчо Панса давно снял наряд слуги и перебрался в барские покои, купивши их по случаю у обанкротившегося барина за бесценок. Понимая, что ловкость и обман — главные достоинства в жизни, он скоро набил карман банкнотами и, почувствовав вкус и прелесть денежек, с комфортом развалился в мягком кресле, повесив на расползшийся живот золотые часы с цепочкой и ткнув в губу, отвисшую над двойным подбородком, жирную сигару. Еле-еле настропавившись до манер лакея в паркетном лоске, он стал являться в амплуа банкира, биржевика и политика. С изменением общественной структуры, родовая знать, тем временем, утратила главный источник дохода и попала в зависимость от своих вчерашних дворцовых.

Санчо Панса, придя к власти, не создал человечеству духовных ценностей, кроме заповеди «заши-

бай деньгу». И если он, побуждаемый погоней за чистоганом, добиваясь прибылей, вынужден был двигать науку и технику, то, разумеется, не преследуя прогресс, а создавал их, поскольку они служили источником его обогащения, не более. К чему только не прикасалась жирная потная рука этого класса, все увядало и опошлялось. Идеал «прекрасной дамы» и служение ей, воспетые миннезингерами — воплощение красоты и верности, чье сердце покорялось доблестью и подвигами героя, сменила сексапильная содержанка, предпочитавшая чек на крупную сумму и биржевые заслуги покровителя с полным животом и карманом, подвигам Баярда. Понимая, что она не больше как товар, ей было важно набить себе цену, и ради нее не стеснялась облачаться в уродливые одежды, обретать вульгарные манеры и принимать эротически соблазнительные позы, действующие на животную чувственность — какие же другие добродетели мог оценить, вернее оплачивать, Санчо Панса. Буржуа потеряли понятия чести, стыда и совести, отделяясь циничными афоризмами: «а кто их видел» и «что на них можно купить?» — и погубили красоту.

Да, из боязни кары они не крадут, т. е. формально не нарушают буквы закона о краже. Они не подделают подписи на векселе — могут уличить. Они явно не убьют из расчета, боясь ответственности. Но если им ради наживы на нефти понадобится разжечь войну и истребить народы, если в местах, где в силу неурожая воцарился голод, можно взбить цену на хлеб, если можно выгодно продавать наркотики в колониях, то тут они, будьте уверены, охулки на руки не положат.

Если безнаказанно, то нет ничего зазорного снять последние штаны с родного отца и обрубить пальцы, украшенные бриллиантовыми кольцами, у невесты, лишь бы добрать до денег. Вот она под-

линая почва и мораль, порождающие кризис, о котором провозглашает программа. И для того, чтобы этот кризис изжить, надо в первую очередь кардинально изменить порядок, создающий подобный паразитарный слой. Так диктует не только идея более совершенного общественного устройства. Это отвечает духу христианства, отрицательно относящегося к богатым. Следует помнить, что Христос был Сыном плотника. Правоверные христианские общины строились без собственности. Монастыри тоже ее не имели. В частности, в истории нашего православия характерно движение «нестяжателей» во времена Нила Сорского и царствования Иоанна III.

В наше же время это подсказывает мораль современного человека. Нравственное чувство не может примириться со строем, в котором царит возмутительная несправедливость, где карманный воришка влачит свое существование в тюрьме, а хозяин ломбарда, спекулянт на зерне и банкиры, обогащающиеся нечистоплотными путями, катаются как сыр в масле. Ведь очевидно всем, что совесть первых чище совести вторых. Сами капиталисты прекрасно понимают, что их владение капиталом — это уродство эпохи. На совести у них весьма беспокойно и нет у них уверенности в завтрашнем дне.

Большинству, при современном уровне социальных понятий, претит также, почему оно должно продавать свой труд Рокфеллеру и Форду, даже если они хорошо оплачивают рабочих из капиталов, заработанных этими же рабочими, или в виде подачки «иметь долю в прибылях предприятия», тем самым пятная совесть рабочего участием в эксплуатации. Мир труда в наши дни понимает свою силу и верит в свое неотъемлемое право самому владеть благами земли. Он созрел до сознания, что власть морально разложившейся капиталом клики — социальное недоразумение, требующее переустройства.

О, я знаю, в программе на щит возводятся не биржевики и банкиры. Программа скромничает. Она поет гимны собственнику-середняку, думая таким манером скрыть под кисею истинную сущность выдвигаемой системы со спекулянтами, бизнесменами, и тому подобной накипью нездорового времени.

В самом деле, кто такой собственник-середняк или собственник-хозяин? Это никто иной, как экземпляр неудавшегося капиталиста. Разве он удовлетворен своей серединой и не постарается, если подвернется случай, разбогатеть во всю ширь своей безграничной алчности, раз в основе общественного порядка будет оставаться возможность к этому через институт частной собственности? Программа, чтобы успокоить массы, грозит надеть ему намордник посредством функциональной собственности. В лучшем случае он, испугавшись, побоится богатеть, но существа вещей это не изменит. В душе им по-прежнему будет владеть жажда личного обогащения и животный эгоизм таким образом в нем не изживется. А не изживется он — не изживется и кризис.

Оговорки и ссылки на то, что отдельные капиталисты делали гуманные жесты, не меняют природы вещей. Всем известно, что Третьяковская галерея создана купцом и Московский Художественный театр во многом обязан Мамонтову — за что народ им признателен. Однако, сам факт, что культура зависит от каприза капиталистов, неприемлем понятиям современных людей.

В «Введении», гл. 4, стр. 10, сказано: «Экономика не является основным и решающим фактором общественной жизни, ибо общественные отношения зависят, главным образом, от воли, чувств и стремлений самих людей, а не способов производства. Не материя и машины строят человеческое общество, а люди создают его сами».

Я не стану останавливаться на этой вульгарной

и поверхностной трактовке сов. установок о значении производственных отношений на сознание людей. Допустим, что пусть будет так, как говорится в программе. Так вот, воля, чувства и стремления большинства людей в наше время диктуют отказаться от частной собственности. Надо возвысить человека, освободив его от влияния на его психику, все еще живущего зоологического инстинкта. Ради обновления культуры жизнь диктует ввести свежий, неимуций, т. е. не отравленный властью собственности слой, сохранившийся от разложения благодаря труду. Лишь полное упразднение института частной собственности и способно выбить кресло из-под массивного зада зажавшихся гасителей культуры. По крайней мере, другого, более эффективного метода человечество сегодня не знает.

Что собственность в ее классическом понятии терпит крах, это несомненно. Желая быть созвучными эпохе и в то же время сохранить реакционную сущность, программа не рискует заикаться о «священном» праве собственности. Ее рядят в наряд «функциональной» собственности. Маневр не новый. Его усиленно проповедывали отцветшие, не успев даже расцвести, евразийцы и фашисты. Функциональная собственность — это компромисс или взятка требованиям века. Она — гибрид от противоестественной связи двух непримиримых полюсов и заслуживает названия «половинчатой» или собственности «на двух стульях», чтобы не прибегать к такому неудобоваримому галлицизму как «функциональный». А наш народ не любит половинчатости.

В Советском Союзе частная собственность изжита. Упразднение частной собственности стало категорией морали советских людей. Даже в том случае, когда отдельные лица, по слабости, нарушают

этот принцип. (Ошибочно было бы, между прочим, в таких проявлениях усматривать тягу к реставрации частной собственности. Думать так — значит оказаться в заблуждении. Мало ли христиан, разделяющих заповеди «не укради» и «не прелюби сотвори», по слабости берут взятки и падки на адюльтеры?).

В нашей стране, в отношении частной собственности, не было промежуточной стадии. С собственностью порвали круто. Таков был ход вещей. Теперь идет построение общества на базе ее полного отсутствия.

Мне непонятно, почему же программа все-таки так прочно стоит за частную собственность? Что связывает членов НТС с ней? Ведь все мы, основатели НТС, нищие-голоштанники, не имевшие ни гроша за душой, с пренебрежением относились к рабам золотого тельца.

Первоначальные кадры НТС, давшие импульс организации и вдохновлявшие ее — это бедные студенты. Казалось бы, кто как ни они испытывали на себе бездушность богатых, материальные недостатки и тяжесть безработицы? Какого же рожна вы так судорожно за нее цепляетесь? Как совместить разительное противоречие: с одной стороны, кричать об идеализме, а с другой, проповедывать рабскую приверженность частной собственности. И в данное время, как я слышал, большинство членов существует на пожертвования и субсидии, запрашиваемые от иностранцев под соусом защиты иностранных интересов в России. При этом им определили скромное жалование в несколько сот марок, ради попытки прикрыть фиговым листочком позор источника существования, ограничив их до минимума.

Посмотрите же смелее правде в глаза и имейте мужество сделать честный вывод!

Чтобы не повторяться, я не останавливаюсь на «структуре народного хозяйства», «экономической политике», «направленного хозяйства». Все это лубочно подмалеванный капитализм с попыткой дать ему входной билет в современность. Этой темы мы уже касались.

Большого внимания заслуживает принцип частной собственности в земельном хозяйстве. Этот вопрос в Советском Союзе решался в прошлом очень бурно. Пожалуй, нигде не встретили столь упорной оппозиции, как среди части крестьянства. Социализм, со своей стороны, не мог допустить частную собственность на землю. Я не стану касаться этого вопроса. В нем, конечно, были перегибы. Ныне же поздно предъявлять неоплаченные векселя прошлому. Мы должны считаться с положением в настоящее время.

Реставрация частной собственности в земельном хозяйстве в данное время невозможна. Прежде всего это означало бы прыжок на 30 лет назад, от чего с таким трудом оттолкнулись. Это равносильно бы было похоронам революции. Дать волю собственности, с этической стороны это означало бы капитуляцию перед эгоистическими инстинктами человека и сознательное понижение уровня его морали. С экономической стороны возврат к частной собственности неизбежно привел бы к диспропорции и анархии в налаженном хозяйстве.

Та же мысль проводится программой и в торговле. И тут прибегают к аргументу спекуляции на низших инстинктах человека, игнорируя его высокое призвание.

«Свободная торговля способствует своевременному обеспечению населения необходимыми и доброкачественными товарами». Конечно да, но не всегда. Сплошь да рядом она строится на бесконтрольности,

надувательстве и ловкости. Свободная торговля пестрит примерами работорговли, продажи женщин и опиума, грабительскими методами в колониях. Их девиз «не обманешь, не продашь».

Да, частная торговля иногда удобнее и выгоднее. Но разве все сводится к этому? Выгоду могут давать публичные дома и наркотики. Удобства не должны приобретаться за счет морали. Или и тут в основу допустим принцип — «деньги не пахнут»?

Мораль современного советского человека не может согласиться с удобствами частной торговли, какое бы преимущество они не давали потребителю и каких бы миллионов дохода не приносили государству, даже если за их счет можно было бы построить школы, больницы, дома отдыха и курорты.

Верноподданническая служба во всех областях государства частной собственности и капиталу распространяется в программе и на финансовую политику. Капитализм оберегается во что бы то ни стало. Не желая от него решительно отречься, программа предлагает лицемерно защитить его прогрессивным налогом. Этот метод давно несостоятелен. Как известно, он действителен до тех границ, пока не станет поглощать всего дохода предприятия. Тогда оно утрачивает интерес к развитию и должно заморозиться на определенном уровне.

ВЗГЛЯД НА ЭКОНОМИКУ

Чтобы закончить эту главу, следует задержать немного на советской экономике. Я частично касался этого в одном из своих выступлений в печати, но при соприкосновении с программой вынужден изложить это повторно в аспекте проводимого ею освещения.

Советская экономическая система основывается на принципах, радикально отличающихся от всех

когда-либо существовавших. Дело не только в отмене института частной собственности, как это принято часто думать. Неправомерность существования частной собственности на средства производства, для советского человека, — незыблемая истина. Кто не поймет этого, никогда не постигнет существа порядков в Советском Союзе.

В сознании советского человека не уместается, как можно единолично владеть и распоряжаться заводом и как могут эти заводы не являться общественным достоянием.

Также мысль о том, что человек может властвовать над себе подобными в силу того, что у него есть деньги, порочна в сознании людей.

Уже после Руссо государство, как вотчина отдельных династий, а не сговор людей, устарело в сознании. Но Руссо, не предусмотрев существовавшего имущественного неравенства общества, не мог сделать вывода, что система, при которой можно сажать одинаково в тюрьму голодного нищего за кражу хлеба и разжиревшего банкира, не может являться справедливой. Сказавши «а», надо было сказать и «б». Это за него доделали социалисты.

Социалистическая система считает, что справедливость требует, чтобы в государстве была создана не хаотичная экономика, а основанная на разумных справедливых началах. Для этого прежде всего надо, чтобы на базе тяжелой индустрии развивалась бы промышленность для удовлетворения потребностей граждан. Эта мера есть требование века и прогресса и должна быть проведена во что бы то ни стало, хотя, ради достижения совершенного хозяйства, пришлось бы временно пройти период перебоев и недочетов, пока тяжелая промышленность не будет приведена в такое состояние, чтобы обильно обеспечить потребности граждан.

Современная справедливость требует также, чтоб доходы распределялись в соответствии с тру-

дом и способностями, а не в соответствии с ловкостью, изворотливостью, надувательством и за счет чужого труда. Это значит, что та часть гос. дохода, которая идет на потребление и нужды граждан, распределялась бы пропорционально участия каждого гражданина в общественно-полезном деле.

Право на труд — священное право в системе социализма. Каков бы ни был доход государства, но мораль нашего века требует, чтобы он справедливо делился между всеми трудящимися членами общества, согласно их труду. Только такое решение может гарантировать страну от безработицы и расслоения на пасынков и любимчиков государства.

В этих рамках в советской стране возможны широкие мероприятия, поиски, предложения, самые дерзкие реформы, но только при условии соблюдения указанных основных принципов.

Не менее существенным условием социалистической экономики является достижение благополучия и развития всего общества, а не эгоистические интересы отдельной личности.

И вот, если говорить о разносторонней координированной и гармоничной экономике, то надо признать, что советская экономика является именно такой экономикой, основанной на наиболее прогрессивных и справедливых принципах. И если она не всегда совершенна и в ней обнаруживаются ошибки, то это относится к злободневным задачам, которые непрерывно разрешаются и исправляются в ходе жизни. Все это искупается тем, что в самой сути ее нет той порочности, что лежит в экономике, базирующейся на чувстве личного эгоизма.

Так как в основе советской экономики лежит принцип доминирующих интересов общества, то, естественно, главное место в советской экономике отводится сектору, которым пользуется не кучка избранных счастливиц, а подавляющее большинство советских граждан. И надо признать, что в

СССР этот принцип развит, как нигде в мире. Поэтому, кто хочет по-настоящему постигнуть суть советской экономической системы, должен в первую очередь остановить внимание на этом факторе. Советское государство — это страна бесчисленных общенародных достижений. Здесь придается исключительное внимание развитию системы общественных учреждений: университетов, театров, клубов, библиотек, домов культуры, больниц и т. д. В СССР самая доступная и широко развитая сеть народного образования. Даже в самых захолустных уголках налажено бесплатное медицинское обслуживание. Огромные средства отпускаются на спорт, на культуру и искусство. Здесь широчайшая сеть детских садов, яслей. Повсеместно воздвигнуты спортивные сооружения и организовано множество спортивных обществ.

Особое внимание уделяется развитию науки и техники. Страна дает ученым все, что только возможно, лишь бы советская наука и техника были наиболее передовыми. Огромные средства отпускаются на развитие космонавтики, атомной энергии, станкостроения. В интересах советского народа и укрепления могущества родины советское правительство также всемерно заботится об укреплении обороноспособности. Приходится удивляться достигнутым успехам и в этой области. Фактически один Советский Союз должен из своих ресурсов создать такую обороноспособность, которая создается отдельными и кооперированными военными бюджетами таких экономически богатых стран, как США, Англии, ФРГ, Франции и других участников военных блоков. Мы, русские, вправе гордиться и удивляться, как наша родина одна может противопоставить и противопоставляет свою подготовку такому количеству врагов. И ради этого советский народ охотно идет на многие ограничения, потому что сознает, что стоит ему только попустить, как

враждебный лагерь не упустит случая поставить нашу страну на колени, чтобы навязать ей свою волю. Но благодаря стараниям властей и народа, сила Советского Союза велика и нет сомнений в ее надежности. Согласитесь, что такая мощь нашей родины и ее независимость стоит того, чтобы ради их процветания отказаться иногда от красивой отделки, пестрой рекламы и даже лишней котлеты.

Кроме чисто экономических затрат внутри, у советских граждан есть долг перед трудящимися и перед отдельными народами других стран, борющихся за свои права и освобождение, которым оказывается бескорыстная помощь. Таков моральный и благородный долг нашей родины, как передового авангарда человечества. Все эти обстоятельства непременно надо иметь в виду тому, кто хочет составить объективное мнение об экономике советского государства. Иначе он неизбежно допустит ошибку в своих суждениях.

Разумеется, столь интенсивная и многогранная экономика требует соблюдения строгой пропорциональности между ее отдельными отраслями. Уделяя огромные суммы ведущим и первоочередным, приходится внимательно следить, чтобы ни одна отрасль не была итертрофирована за счет другой. Лишь только обнаруживается, что какая-либо отрасль начинает давать избыточную продукцию, средства и людские резервы немедленно переключают в сектор, где существует нехватка. Все тщательно планируется. Бдительно следят, чтобы товары не залежались.

Наряду с обеспечением общенародных нужд, преследующих общегосударственные цели, планируется производство продукции для удовлетворения личных потребностей граждан. По мере роста всей промышленности растут и отрасли, работающие на эту цель. Таким образом, здесь невозможны экономические кризисы и устраняется бесхозяйственность.

Все области экономики работают в полном взаимодействии и согласованности. И весьма парадоксально, что именно такая гармоничность системы, то есть наличие всесторонней, координированной, пропорционально развивающейся экономики, вводит в заблуждение тех, кто не хочет взглянуть глубже в сущность советского экономического уклада и кто судит об экономике с позиций обеспечения личного комфорта и гастрономических интересов.

Привыкшие к неорганизованной экономике Запада, основанной на эгоистичной инициативе, такие люди умудряются заметить там лишь изобилие предметов личного потребления, но они не умеют видеть, что оно находится в резком противоречии с запущенностью и недостаточным развитием остальных областей, таких, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение. На Западе глаза режут реклама и красивая упаковка. Там все основано на том, чтоб продать и заработать. Некоторые склонны принимать отсутствие этих и других излишеств в Советском Союзе за его отсталость. Но о советской экономике можно судить только рассматривая ее в целом, а не по отдельным областям. Иначе нельзя понять как это возможно, что в торговой сети иногда случается, что не подвезли вовремя спичек и их нет в магазине, а вместе с тем, разбили Германию с ее союзниками, где были объединены военная, техническая и экономическая мощь почти всех стран Европы. Это доказывает, что советская экономика, в смысле всестороннего развития, занимает ведущее место.

В связи со всем сказанным, следует иметь в виду еще одну особенность советской экономики, отличающую ее от других стран. Во избежание экономического давления, Советский Союз в своей политике отказался от всех видов экономической зависимости от капиталистических стран. СССР — един-

ственная страна, где все — от иголки до ракеты — производится своими силами.

Такова экономика СССР и так ее нужно бы понимать объективно. Но лица, враждебные Сов. Союзу, намеренно не видят того, чего не хотят видеть. Так, например, программа не обмолвилась ни словом о народных стройках, о сотнях городов, возведенных в еще недавно диких местностях, об освоении огромной территории страны, веками лежавшей под спудом. Непонятно, как можно рассчитывать на успех проповеди своих идей, оскорбляя советский народ абсолютным игнорированием его заслуг в этих неоспоримо исполинских достижениях.

Послушаешь радио и диву даешься, что пропагандируют люди, именующие себя русскими. Они кричат о старинных избах и обходят молчанием тот факт, что большинство народа живет в почти бесплатных квартирах. Они торжествуют, когда в СССР отмечается отсутствие изобилия мяса и мясных продуктов, но закрывают глаза на то, что советский народ и его правительство принимают все меры, чтобы решить и эту проблему в ближайшем будущем, как уже решены многие другие проблемы. Их цель во что бы то ни стало опорочить социалистический строй и оправдать капиталистический режим с банкирами, торговцами и спекулянтами.

И напрасно изошряются в эфире по этому поводу. Для советских граждан не секрет, что в потреблении на душу населения наша страна еще отстает от некоторых капиталистических стран. Однако, у советских людей нет охоты покупать изобилие ценою реставрации паразитизма. Наивные, они считают, будто в СССР граждане не знают, что в том лагере туфли, случается, бывают изысканнее наших. Что их изделия зачастую тоньше и элегантнее, а предметы комфорта удобнее. Знают и то, что и рабочий в том мире, бывает, зарабатывает не меньше нашего.

Зато здесь он независим от человека с тугим кошельком. И пусть в Советском Союзе зарплата иногда ниже, зато она определяется справедливо, по труду. И в этом главное.

Так или иначе, но наш народ имеет все необходимое. Без лишних же «инкрустаций» временно обойтись можно. Нельзя забывать, что в то время, когда Запад донашивал обноски старых эпох, понижая оставленную ренту, наш народ во имя справедливости и светлого будущего человечества перенес невероятные трудности. Пренебрежение к его жертвам — пощечина достоинству человечества.

Честь и слава тому народу, который оторвался от устаревших устоев и смело устремился в поиски нового мира во имя блага людей всей нашей планеты! Все передовое и освобожденное человечество за это перед ним в неоплатном долгу!

А его жертвы заслуживают того, чтобы перед ним снять шляпу и с благоговением склонить голову!

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

На главе 29 задерживаться нет смысла, так как она повторяет то, о чем уже пространно говорилось в предыдущих частях. В ней опять едва ли не буквально приводятся соответствующие выдержки из этой области, значащиеся в советской Конституции и законах и мне снова пришлось бы утруждать читателя «текстами» из азов советского трудового и социального законодательства.

А вот над главой 31-й этой части, повествующей о «роли семьи и положении женщины», стоит задержаться. Мы частично уже касались этого вопроса, когда останавливались на «Введении» к главе 4-й, посвященной «человеческому обществу». Сейчас программа вновь возвращается к этой теме.

а. СЕМЬЯ

В этой главе приводится избитая истина:

«семья — основа государства». Против этого никто не станет возражать. Но какая именно семья имеется в виду? Чувствуется, как в программе проводится двойственность. С одной стороны, чтобы не оскорбить чувства советских людей, сжившихся с нормами нового брака, дается скидка на современное состояние советской семьи, на внебрачных детей и матерей-одиночек, но, с другой стороны, шито белыми нитками, что симпатии НТС направлены на то, чтобы женщину вырвать из общества и, оторвав ее от государственной и общественной жизни, свести ее снова к роли содержанки мужа, няньки и домохозяйки. Недаром же программа гладит женщину по голове и объявляет, что оторванная от общественных интересов, ее работа в семье не менее почетна, чем всякая другая работа. Иными словами, программа хочет реставрации изживших себя форм мещанской семьи, которая набила оскомину передовому современному человеку.

Идеалы такой семьи давно отброшены советским человеком, как скомпрометировавшие себя в прошлом.

Когда о них говорят, то перед советскими людьми оживают образы из произведений «Катерина» и «Бесприданница» Островского, «Семья Головлевых» и «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина, да семейные сюжеты А. П. Чехова.

«Семья — это школа гражданственности» — такой афоризм не звучит для советского человека. От него веет эгоизмом, изоляцией семьи от общества. Именно, чтоб оттолкнуться от этого и приблизиться к коллективу, чтобы человека разгрузить от домашних забот, создается бесконечное множество ясель, школ, интернатов, непрестанно расширяется сектор питания, — общественные столовые, кухни, магазины готовых изделий, учреждаются прачечные, функционируют бюро домашних услуг. Что же касается детей, то домашнее родительское воспитание

обычно страдает тем недостатком, что родители лишь как исключение бывают наделены требуемыми для воспитания детей способностями и обладают нужными возможностями. Зачастую в семье и дома отсутствует желательная для воспитания ребенка атмосфера и должный надзор. Случается и так, что родители грешат субъективно-пристрастным отношением и потворствуют, по родительской слабости, капризам и эгоизму, коверкают душу ребенка. Ребенок привыкает смотреть на себя, как на центр мира, в нем не воспитывается уважение к товарищам. Уход родителей с головой в семью удаляет их от общих государственных задач, понижает уровень их интересов и участия в общественно-полезной жизни.

В Советском Союзе этот вопрос поставлен иначе. Государство не жалеет средств и создает все необходимые условия — гигиенические, педагогические, правильного питания, урегулированного распорядка дня, медицинского надзора, условий для игр и развлечений и условий для эффективного развития персональных способностей каждого ребенка. Этот сектор поручается подготовленным специалистам. Таких условий, в большинстве случаев, семья обеспечить не может.

При этом деятельность государства в Советском Союзе вовсе не противопоставляется семье. Родители всемерно привлекаются к активному участию в воспитании детей совместно со школой. Таким образом, воспитание детей должно сочетаться на гармоническом сотрудничестве родителей и яслей, семьи и школы.

А если же говорить о подлинном солидаризме, то воспитание, проводимое в советском государстве с помощью коллектива, бесспорно, преобладает над домашним. То, что предлагает программа, это призыв вспять и никак не может претендовать на идеал будущего по сравнению с тем, что уже существует.

Во что выльется в конечном итоге новая семья

в Советском Союзе предсказывать не стану. Однако, уже на сегодняшний день здоровая советская семья — это свободный союз по зову сердца, без расчета на приданое жены или на капитал мужа, без мещанской пошлости.

Интересы мужа и жены вращаются не вокруг кухни и стирки, а заполнены успехами производства, любимого дела и участием в построении нового общества. Советская семья несопоставимо содержательнее прежней. Муж и жена, обычно работающие по своей специальности, оба имеют образование и круг их запросов куда обильнее и шире, чем семьи на Западе. Их жизнь заполнена и освещена не сюжетами пошлости, личного эгоизма, сплетен, пересудов, выгоды и наживы, но живым участием в жизни советского государства, в его огромных общечеловеческих задачах.

6. СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

Как известно, драма русской женщины, с действительной творческой натурой и духовными запросами, во многом заключалась в материальной зависимости. В ней унижался человек и она являлась товаром. Над женщиной, словно кандалы, тяготел насущный вопрос, как выйти замуж, «устроить» жизнь, «сделать партию».

Однако, говоря о советской женщине, было бы неправильно сводить все к освобождению ее от материальной зависимости. Отличительная черта советской женщины, делающая ее непохожей на женщину старого уклада, объясняется и другими не менее вескими причинами. Прежде всего их надо искать в коренных сдвигах в психологии советских граждан, происшедших благодаря революции, в изменившихся взглядах на мораль, вследствие иных критериев общественного мнения и уклада.

Отличительной чертой советской женщины является сознание своего неотъемлемого права на

чувства и материальную свободу. Она самостоятельна и вольна устраивать свое счастье по личному выбору, не оглядываясь ни на ханжество окружающих, ни на прописную мораль, в оковах которых она вынуждена была влачить раньше свое существование.

Говоря о «свободной любви», на Западе этому придают грязненькое значение, подтасовывая в эти слова понятия разврата и полной анархии в области половой сферы. Между тем разврат и отход от нормы советской морали, независимо от закона, осуждается обществом не менее резко, чем на Западе.

Я был раз свидетелем разговора советской девушки с человеком с Запада. Последний с провокационной целью, не без ехидства, расспрашивал:

— Скажите, правда ли, что в Советском Союзе проповедуют «свободную любовь»?

— Конечно. А разве у вас в моде несвободная любовь? Зависимая или крепостническая?

Не ожидая такого ответа, тот спохватился.

— Нет, я подразумеваю любовь без моральных, сдерживающих начал, и полную свободу отношений между полами.

— Вы говорите не о свободной любви, а о распущенности. Нет, у нас она осуждается и самими женщинами и всем обществом и законами.

Провокатору пришлось прикусить язык и переменить тему.

— Когда он был в лагере заключенным я полюбила его. Я была ему нужна. Он притворялся любящим и нежным. Мне его было жаль. Сколько неприятностей натерпелась я из-за него от начальства и сколько обид перенесла, — «живет с заключенным». А освободился — не узнать. Дома не бывает. Чорт знает, где шляется и с кем путается по ночам и вечно пьян. Берет у меня деньги и все пропивает.

Вы видите, какая я чумазая и как хожу? Разве я раньше без него такая была? Я измучилась. Теперь, когда я ему не нужна, он хочет бросить меня...

...Наташа заплакала, в ней глубоко была оскорблена женщина. Плечи ее тряслись...

— У меня будет ребенок. Его ребенок. Чтобы от меня избавиться, говорит... говорит... Это не мой, а «лагерный». Подлец он, ах, какой подлец! Если бы я раньше знала... — и Наташа еще горше заплакала.

Я не прерывал рыданий и терялся, как ее утешить. Ей надо было с кем-нибудь поделиться горем и она избрала меня. Я, будучи заключенным, работал в ту пору в шахте, где работала и она в качестве вольнонаемной. Наконец, она выплакалась. Голос ее переменялся, и она заговорила уверенно.

— Что ж, пусть убирается. Обойдемся без него. С ним я, все равно, пропаду. А ребенок будет жить. Государство поможет его воспитать. Нас никто не посмеет обидеть. Да уж я как-никак всегда заработаю, питаю один маленький ротик.

Меня поразила эта уверенность в себе и в своих правах советской женщины. Я никогда не видел подобного выражения на лице и уверенности в своем праве у женщины на Западе.

Как-то я прочел в газете: «Я осталась без ноги. Несчастье случилось в детстве. Родина дала мне образование. Я хорошо зарабатываю, но полного счастья не было и не могло быть. Меня томило одиночество и угнетало сознание, что я калека. Нет, не стесняюсь признаться, что намеренно пошла на короткую связь. Любви у меня к нему не было, как и у него ко мне. У меня ребенок. Сын хорошо успевает в школе, растет здоровым, жизнерадостным мальчиком. Нам обоим безразличен случайный отец. Я счастлива, заполнив свою жизнь материнством. Страшно подумать, какова была доля таких женщин,

как я, до революции и сейчас на Западе. Спасибо же социалистической Родине, что дала нам, калекам, право на счастье».

Я нарочно привел две зарисовочки из моего блокнота, записанные мною потому, что показались мне характерными, каких на Западе не встретишь. Это то новое, завоеванное женщинами, что внесено революцией, и чего не найдешь в противоположном мире.

Жизнь советской женщины в стране, где все заново строится, нелегкая, что и говорить, но все возмещается той полнотой и значительностью, которых нет у женщины на Западе.

Сделать ее иждивенкой мужа, кухаркой, прачкой да нянькой при ее уровне духовных запросов уже невозможно. Возросли требования к женщине в общественном мнении. Сами женщины относятся с пренебрежением к своим подругам, которые заперлись в круг семьи и не работают. Призыв, как это делает программа, ограничить советскую женщину пресловутыми немецкими тремя «К» (кухня, церковь, дети), это значит звать ее назад. Едва ли такими идеалами можно прельстить современную советскую женщину при уровне ее запросов.

Советская женщина не безделушка гостиной. Это прежде всего человек, член общества и активный участник построения новой жизни. Не утрачивая своей женской прелести и обаяния и, быть может, приумножив их путем общественного труда и созидания новой жизни, ее натура благодаря этому, заполнена подлинными ценностями, украшающими человека, а не манерностью, и она горда сознанием своего значения и имеет на это право.

Это было перед войной на Западе. Радиоприемник с утра до ночи насиловал слух похотливыми

танго и сладострастными фокстротами, перемежавшимися вычурными, крикливыми рекламами. Оттуда несло: «Нет эlegantнее туфель фирмы «Батя»! «Покупайте губную помаду нашей прославленной марки»! И от этих удушающих звуков, навязчивых слов и всей царившей тлетворной атмосферы тянуло скрыться в дикие джунгли или в густую тайгу, куда-либо поближе к истокам жизни. Но от навязчивой музыки и выкриков бежать было некуда. Они неслись из баров, они раздавались с пляжа, где под раскаленным солнцем голые пары отплясывали в такт раздававшейся вакханалии.

Но что за преображение? Вдруг неожиданно из радио послышалась неслыханная мелодия. То была простая, лишенная дикого ритма, чистая, шедшая из целинной души народа песенка. Точно легкий зephyр в палящей, знойной пустыне пронеслась она над миром.

В этом мотивчике чудилось нечто нетронутое растлевающим дыханием той опошленной культуры. То была широко ныне известная советская песенка «Катюша». Да, та простая песня о девушке Катюше, которая бережет свою любовь к пограничнику в то время, когда он бережет родную землю. Песня звучала не только освежающе, она была и обличающей. На фоне ее незатейливых звуков и обыкновенных, но хватающих за сердце слов, чувствовалось, в какую тину мещанства и разложения погрязло общество. Невольно охватывала грусть от печального сознания пошлой реальности и падения по сравнению с тем, чем могли бы быть люди, но утратили, разбазарив по пустыням ценности духа.

И понесся оживляющий мотивчик по всей нашей планете. Побывала наша Катюша у всех народов, покоряя своей неподражаемой прелестью, куда ни попадала. И, пленясь ею, песню распевали в салонах, в частных домах, на пляжах, фабриках и в поле.

Так наша Катюша из неведомых глубин отчизны покорила мир...

Читатель поймет меня. Не о песне речь моя. Я говорю о нашей непревзойденной по душевным богатствам красавице, нашей современной советской русской женщине. До чего же она стоит высоко на недосыгаемом пьедестале в сравнении с теми, кому она иногда подражает в модах по своей наивности. Как далека ее натура от искусственности и вычурной манерности. Ведь труженица и героиня Катюша пройдет, глазом не моргнув, там, где ее западные современницы распластаются в бессилии и превратятся в ничтожества.

Катюша наша идет за человеком по зову сердца, а не ради денег. Образованная и трудолюбивая, она готова быть другом любимому и отдать ему последнее.

А когда зовет страна, Катюша отважно идет осваивать новые края. Ее фамилия, как первой ударницы, красуется в «Молнии».

За что бы ни взялась советская женщина, в войну ли, в стройках ли, ее роль огромна. И справедлив поэт Евтушенко, когда замечает:

Это женщины России,
Это наша честь и суд.
И бетон они месили,
И пахали и косили...
Все они переносили,
Все они перенесут.
И, в карман пельмени сунув,
Я смотрю смущен и тих
На усталые от сумок
Руки праведные их.

★ ★ ★

Русская женщина всегда привлекала к себе симпатии. На протяжении истории, она часто проявляла свою жертвенность и отвагу.

С приходом Октябрьской революции, осознав себя и свои возможности, она по-другому посмотрела на жизнь. Она выросла и поднялась над старыми формами, засияв новым светом. Из любого, самого трудного положения она найдет достойный выход в советской стране.

Непревзойденная в труде и гражданском долге, она в то же время победительница на всех Олимпиадах и восхищает весь мир искусством, изяществом и грацией в балете. Самая же лучшая в ней черта — это то, что она сама не подозревает в своей скромности, до чего она хороша и если ей сказать об этом, она застенчиво потупит глаза...

Мне нравится старый рыцарский обычай целовать у женщины руку. И если кто по-настоящему достоин этого жеста, то в первую очередь, не обладательница изнеженных, холеных, надушенных, не знавших труда вялых рук, а наша свободная советская женщина!

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Рассматривая главу о здравоохранении, рекомендуется ознакомиться с советским законодательством. Оно стоит на должной высоте. Кстати, советские спортсмены, как известно, на всех Олимпиадах берут первое место.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА

Касаясь духовной жизни и культуры, мы повторно сталкиваемся с понятием свободы. Разногласия упираются в нормы и границы упоминаемых «оптимумов», на которых мы уже пространно останавливались.

Да, конечно, свобода. Свобода разумная. Свобода для развития личности и общества. Но, упаси бог, от свободы идей, разрушающих государство, общество и моральные устои граждан.

Вражеская пропаганда изображает большеви-

ков, как способных, луская семечки, рассматривать блуждающим взглядом Сикстинскую Мадонну. Однако, в какой другой стране развиваются так все виды искусства, как в Советском Союзе? Где так широко развита художественная самодеятельность? Какое правительство отпускает такие большие средства на культурные нужды? Проследите за триумфом советского балета, театра, хоров. Пройдитесь по художественным галереям Москвы, Ленинграда и других городов. Их посещают миллионы простых людей — солдат, рабочих, колхозников, студентов.

Заслуживает внимания, каким уважением окружены работники искусства и до чего близки они народу. На Западе наблюдаются омерзительные сцены. В зрительных залах публика курит и разговаривает во время представления. Больно становится за унижение личности артиста и стыдно за зрителя, когда после выступления артисты ходят собирать милостыню у зрителей, которую те с пренебрежением и с пошленькими прибаутками швыряют на тарелку. И никто не поднимет протестующего голоса в защиту человеческого достоинства, словно это в порядке вещей.

Уж не такой ли образец культуры и свободы предлагается взамен?

РЕЛИГИЯ

В конце программы снова ставится вопрос о религии и церкви. Православию отводится государством роль духовного руководства.

Это противоречит раннему положению программы, утверждавшей отделение церкви от государства и превращает религию опять-таки в фактор политики.

Вопрос острый и требует разбора.

Прежде всего должен оговориться, что считаю себя принадлежащим к мирянам русской православной церкви. И хотя, как и многие мне подобные,

я плохой христианин, но стараюсь верить в Христа.

При этом, если кто-либо из апологетов борьбы с советской властью усмотрел бы в этом элементы антисоветчины, то непременно впал бы в грубое заблуждение. Им я категорически заявляю: «Мой Христос — за советскую власть!» И вот почему: прежде всего именно Он противник превращения религии в атрибут руководящей политики. Истинное христианство аполитично. Оно должно руководствоваться учением Христа: «Мое царство не от мира сего».

Христианство — суть интимные отношения между христианином и его внутреннего мира, т. е. совести, с Богом. Административно-чиновничий аппарат засоряет ряды церкви. Находясь под покровительством правительства, паства жиреет и отходит от истинного христианства.

Кроме того, я утверждаю, что, согласно воле Спасителя, я должен признать советскую власть и честно исполнять ее указания. Иначе бы это противоречило тому, что мир ведется по Промыслу Божию и что нет власти как от Бога. Это значило бы также нарушение Его требований воздать «Кесарю кесарево».

А советская власть именно от Бога. В этом я абсолютно уверился. Не будь так, не были бы сметены до единого ее враги, а борьба с нею была бы возможна.

Кто еще не убедился в этом, пусть борется на здоровье. Рано или поздно, но и он придет к выводу, что именно Бог не хочет ее ухода.

К выводу о прекращении борьбы и о признании советской власти, как существующей по воле Провидения, я пришел в результате долгих наблюдений. Для меня это абсолютная реальность. Опять-таки «субъективная», а потому я ее не навязываю. Кто хочет пусть проверяет. Жизнь и опыт подтверждают, как подтверждали и до сих пор.

В период революции церковь первоначально за-

няла непримиримую позицию и зарекомендовала себя яркой сторонницей реакции. К этому следует добавить, что духовенство застряло в исторической рутине и не в силах было оторваться от понятий едва ли ни Московского царства, игнорируя запросы века. На анахронические призывы иерархов отклика народа, как в былые века, не последовало. Этого нельзя не дооценивать. Напротив, людям, претендующим на активное участие в современности не следует прятать голову в песок от этого факта, его надо проанализировать с возможной тщательностью.

Чтобы не быть голословным в вопросе непримиримости церкви я привожу для иллюстрации, имевшее место в 20-х годах, обращение митрополита Антония.

«Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие против красной сатанинской власти поднимаемое и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителям за русское и Христово дело. Прежде всего благословляю всякое оружие и работу «Всенародного Братства Русской Правды», которое уже немало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного сатаны во имя Бога и России. Милость Господня да почиет над каждым, кто вступил в братские ряды либо придет на помощь Братству».

Чей это голос? Папы Григория VII Гильдебранда? Или папы Урбана II одиннадцатого века? Нет, это призыв современного иерарха.

Кто хочет беспристрастно разобраться в отношениях, сложившихся между церковью и советской властью, я нарочно направляю к Евангелию. Что общего между нагорной проповедью, и этим неистовым призывом? Перед нами раскрывается дословное повторение картины «Великого инквизитора» Достоевского. В самом деле, если при оглашении данного обращения допустить присутствие Христа, то эк-

зальтированному иерарху ничего бы не оставалось, как поспешно надеть на нежеланного пришельца наручники и поторопиться определить в тюрьму.

Так, во взаимной борьбе советской власти — «власти от мира сего» с церковью, провозглашающей власть «не от мира сего», логически должна была потерпеть и потерпела поражение последняя. Это потому, что тогда умы людей волновали не религиозные, а социальные идеи. А так как в то время велась беспощадная борьба на многих фронтах, естественно, если в горячей обстановке порою проявлялась к церкви чрезмерная рьяность.

И это было именно так. Иначе чем объяснить, что лояльной церкви, собиравшей среди мирян во время войны средства на советских воинов, было воздано должное признание и уважение, а ряд иерархов были отмечены правительственными наградами.

Неверно было бы утверждать, будто православное духовенство поголовно стало на путь непримиримости. Часть духовенства поняло свое назначение и ушло в должную для истинного христианина чисто религиозную область.

Чрезвычайно типична судьба иерарха Вениамина, в прошлом епископа всего христолюбивого воинства Белой армии. В период гражданской войны и первых лет эмиграции он был одним из наиболее непримиримых к советской власти иерархов. В двадцатых годах он законоучительствовал в Донском и позднее Крымском кадетском корпусе в Югославии. Его проповеди были насыщены духом в стиле вышеприведенного обращения.

То была бурная, полная динамики натура, жаждавшая действий и искавшая служения истине. Точно флорентийский Савонарола, вдохновленный до фанатизма проповедями он превратил нас, донских кадет, в мрачных монахов, готовых отречься от всех радостей жизни, а корпус — в монастырь. Юноши не досыпали, молясь по ночам, постились,

отказывались от скромного кадетского рациона. В молитвенном экстазе они простаивали в церкви по 6 часов монастырскую службу, введенную для желающих рьяным священнослужителем, и многих из них выносили в обмороке из рядов от длительного бдения.

Несмотря на горячий и увлекающийся темперамент, епископ Вениамин был безусловно искренним человеком. Он действовал, как верил. И вдруг к концу 20-х годов пламенный трибун церкви прерывает свою деятельность, уходит в себя и неожиданно исчезает. Первоначально шли слухи будто он удалился на Афон, а позднее, якобы, он признал неизбежность советской власти по Промыслу Божию, после чего вернулся в Советский Союз.

Прошло много лет. В 1951 году я отбывал наказание на севере. Там я случайно познакомился с протоиереем о. Яковом. Он отбывал наказание за агитацию против власти. Однажды в откровенной беседе он рассказал:

«Мой владыка не раз предупреждал меня и останавливал, чтобы я не вмешивался в мирские дела. — Мы призваны спасать души, а не заниматься политикой, — поучал он. — Поверьте, политика ведется Промыслом, не идите же ему наперекор. — До чего же прав был владыка Вениамин».

Имя Вениамина меня заинтересовало. Он, по словам о. Якова, оказался моим бывшим законоучителем. Итак, некогда одержимый воинствующей идеей архипастырь нашел свое место и обрел нужный покой в лоне православной церкви на родине в среде своего народа, отдавшись Богу и сознательно отказавшись от вмешательства в мирские дела.

Причисляя себя, как я уже упоминал, к мирянам русской православной церкви, мне кажется, что именно здешние пастыри являются ее истинными и законными руководителями. Их нормы поведения находятся в строгом соответствии с догмами еван-

гельского учения. Законны они, так как не оставили паству, что является нарушением канонов.

В настоящее время Конституция СССР отделяет церковь от государства. Одновременно ст. 143 УК предусматривает наказание за недопустимые нарушения прав совершения культа. Таким образом, нет препятствий для вероисповедания. Отсутствие привилегированного положения только расширяет горизонты верующим для подлинного духовного совершенствования. Верующие могут успешно в личной жизни и в нормах поведения следовать заповедям Моисея и заповедям блаженства, а также любви к Богу и ближнему без того, чтобы превращать великие истины в факторы государственной политики.

Не опасюсь я и за судьбу православия. Все, что содержит истину и является органическим для человека, рано или поздно займет свое место. Отмереть могут только ненужные формы. В испытаниях истина только очищается и сияет еще большим светом и величием.

Если же это окажется рутиной или заблуждением, то сколько бы оно не поощрялось, оно обречено на естественное отмирание. Его не спасут никакие меры и в таком случае сожалеть о нем нечего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во избежание повторений я опускаю гл. 36 и 37 о культурном творчестве, народном образовании и воспитании, о чем уже фактически было сказано, и на этом заканчиваю разбор этой части программы.

Я остановился на наиболее выпуклых ее местах, а более обширный разбор считаю излишним. Это обусловлено самой программой. Ее материалы не дают более широкого разъяснения своих установок.

В заключение мне хотелось бы только дать краткое резюме рассмотренному выше материалу.

Если исключить безобидные и бесплодные меч-

тания программы, столь карикатурные для советской действительности, пройти мимо множества предложений, преподносимых точно «новая Америка», являющихся плагиатом и давно осуществленных советской властью, т. е. этими второстепенными вопросами программы, то в основном останутся наиболее глубокие противоречия, образующие непреодолеваемую пропасть между ее апологетами и советскими людьми.

Прежде всего это рабская приверженность всеми силами и способами к частной собственности, а следовательно, налицо пособничество буржуазии и содействие ее реставрации. В этой сфере у новой социалистической системы не может быть ни малейших компромиссов.

И другой, не менее важный пункт — слепая непримиримость к советской власти, делающая членов организации пособниками врагов России и тем самым покушающимися на то, что является безусловной основой единства народов Советского Союза, целостности территории страны, мощи и величия Родины.

Подобные установки и попытки их распространения с основанием выделены советским законодательством в разряд особо опасных государственных преступлений УК, относя повинных в них лиц к государственным преступникам и врагам народа, предусматривая строгую для них кару. Они же делают носителей этих идей неприемлемыми для пребывания в среде советского народа.

БОРЬБА НТС

С материалами программы до рецептов борьбы, можно согласиться или отбросить — зависит от вкуса. В целом же нельзя обвинить программу в безграмотности, хотя там, кроме мероприятий, давно проведенных в Советском Союзе и выдаваемых за новое, пропагандируется старозаветная теория част-

ной собственности, подкрашенная в угоду передовым требованиям троянского коня.

Читая же главу под заголовком «Установление нового строя», пожимаешь плечами: не воскрес ли из глубины веков обезглавленный Т. Мор, да не затеяли ли сами авторы путешествие в Икарию.

Это голос исступления, а не рассудка. В неистовых призывах, близких к заклинаниям, нет даже разъяснений как совершить то, к чему призывается.

«Все это мы должны преодолеть!» «Никто из нас не сделает русского дела», звучат как — «Сезам, откройся!» Возмущает и то, как можно под защитой врагов России безответственно призывать народ: — делайте! рискуйте!

Чтобы внести немного логики в экзальтированные выкрики, прежде всего надо ответить на вопросы: **нужно ли и возможно ли это?**

Допустим, для лиц, околдованных до абсурда идеей частной собственности, это нужно. Предположим и то, что можно вновь вызвать в некоторых нестойких людях инстинкт животного «мое». Но пойдет ли этот, с эгоистической натурой, элемент на риск и жертвы? Буржуа рисковать жизнью не любят.

Еще более лишен основания вопрос — возможно ли?

Где база? Из кого вербовать кадры? Как при господствующей моноустремленности и бдительности в стране создать организации, годные для выполнения испуганных призывов?

Над этими вопросами царит сумрак. Причина в том, что авторы сами бессильны прописать мало-мальски толковый рецепт. Опыт-30-летней деятельности доказал, что это не более как сказки из «1001 ночи».

★ ★ ★

Изложенное заставляет остановиться на фактах так называемой борьбы.

Но прежде, чем о них говорить, я хочу, для полноты, напомнить текст, имеющий прямое сюда отношение, который приводится в Введении, гл. 6, стр. 23. Я вынужден его привести, не только для курьеза, но как фактический материал, на котором строится иллюзия борьбы.

«Активные силы революции, мобилизуя оппозиционные резервы общества и народа, используя содействующие и сопутствующие факторы, целестремленно и последовательно развивают революционную борьбу против диктатуры. Это развитие включает в себя:

а) Разработку положительной идеи, стратегических принципов и постройку революционной организации;

б) Охват широких народных масс революционными идеями;

в) Организацию всенародного революционного действия.

Я нарочно разлагаю бряцающие термины, которые тут фигурируют, на их компоненты. Вот они:

1. «Активные силы революции».
2. «Оппозиционные резервы».
3. «Содействующие и сопутствующие факторы».
4. «Революционная борьба».
5. «Революционная разработка».
6. «Положительная идея».
7. «Стратегические принципы».
8. «Отстройка революционной организации».
9. «Охват широких народных масс революционными идеями».
10. «Организация всенародного революционного действия».

Прежде, чем дать анализ этой фразеологии, оставляющей для советского человека на фоне советской действительности, впечатление бреда, мне

хочется дать несколько штрихов, изобличающих фактическую сторону применения этих слов.

О том, как бессмысленно и напрасно гибли люди до войны мы уже упоминали. Что же творится теперь?

Находясь в местах отбытия наказания я живо интересовался и расспрашивал заключенных, имевших соприкосновение с НТС и прибывших с Запада. Узнавал все, что объявлялось по радио.

Часть сведений проникало через официальную печать. Ей я мало верил, считая, что истина там искажена в угоду пропаганде и старался лично убедиться, как строится работа организации.

Оказывается, засылаемые сюда люди предварительно проходят школу. Ведут эту школу частично члены НТС. Главный же надзор и руководство остается за иностранцами преимущественно разведывательного толка.

Зная иностранцев как далеких от платонических порывов, любопытно — за какие блага они помогают организации? Не из любви же к России?

Насколько я мог судить по объяснениям засланных оттуда людей, членам НТС приходится (и это логично, иначе не могло и быть!) проводить двойную игру. Для того, чтобы иметь право вести, сообразно своей программе, борьбу с советской властью, они параллельно в виде мзды обязаны оказывать некоторые, выражаясь мягко, «услуги» иностранным друзьям.

Я не желаю давать резких определений поступкам своих бывших товарищей. Щадя их самолюбие, я им предлагаю самим назвать эту вторую, в пользу иностранцев, работу, чтобы не прибегать к определениям советских людей и советской юстиции, квалифицирующей ее по ст. 65 УК.

★ ★ ★

Допустим, это необходимый тактический прием.

Политика — гибкая вещь и, если средство окупается целью, то рисковать допустимо. Но рассмотрим эффект. Бросим на одну чашу весов эффект «борьбы», а на другую — «услуги» иностранцам. Успехов борьбы за 30 лет нет ни с «гулькин нос». Ну, а иностранцы, очевидно, имеют расчет, раз субсидируют это дело.

Невольно напрашивается старая шутка о рейнвейне: в нем много Рейна и мало «вейна». Не применима ли она в соотношении «услуг» и «борьбы»?

Посчастливилось мне изредка слышать о разбрасываемых населению листовках. Чтобы судить об их результатах, надо знать приобретают ли они сторонников и вызывают ли последователей? Имей они успех, они бы множились. Их бы передавали по прочтении другому, как призывается в листовках. Но их либо рвут, либо относят в милицию. Чуждо это местному духу после 17-го года.

Чем же в настоящее время может заниматься организация, т. е. какой вид борьбы она может вести? Этот вопрос требует внимания.

Как я уже говорил, какой-либо работы со стороны НТС, могущей на миллиметр приблизить их к иллюзии ниспровержения советской власти, хоть смотри в микроскоп, хоть в телескоп, не видно. Даже в среде политзаключенных, т. е. в самом экстракте антисоветского контингента, об НТС слышали считанные единицы и при этом имеют о нем искаженное представление.

В старое время за границей жила «властители дум» интеллигентной России. Они издавали тома солидных трудов, захватывавших идейным содержанием умы передовых людей. Не этой ли книжечкой, уровнем ниже запросов лиц со средним образованием, мните вы завладеть умами мыслящей России?!

До чего же, в таком случае, надо презирать советских граждан и низко оценивать их умственные запросы.

По-детски звучат рецепты об организации «групп» и «комитетов» для борьбы против власти. Я не голословен. Где их всходы? Хоть бы одно восстание, бунт, забастовка или обычная демонстрация, инсценированная организацией или ее призывами за 30 лет. Хоть на стенке, заборе или даже в клозете кто-либо начертал бы трезуб. Взор! Всего этого нет, не было и нет шансов, что будет. А если бы в самом деле появилось, то у государства хватит средств прекратить эту деятельность и ее инициаторам не поздоровилось бы.

★ ★ ★

Один из ходких приемов организации строится на пропаганде тех или иных недостатков, перебоев и несовершенств в советской жизни. Однако, этот метод не приносит результатов. Советские люди без подсказки сами видят чего недостает, а потому, когда им, непосредственным участникам и свидетелям, вещают об этом посторонние, с апломбом открытия еще одной Америки, становится, право, даже досадно. Мозги советских граждан скроены по-иному и мыслят они конкретнее, как лечить недостатки. Вы же предлагаете сумасшедшее решение — раз болит зуб — режьте голову.

★ ★ ★

Есть возможность, нет, не бороться, а мелко гадить, поставлять враждебным Советскому Союзу силам, против советской власти и существующего строя чернящие их материалы. Страна, срезавшая буржуазию под корень упразднением частной собственности, является бельмом на глазу, и эти материалы для них — некоторый сорт бальзама, успокаивающий тревогу за личную будущность. За обезболивающее средство, эти круги не прочь даже, в

пользу утешителей, раскошелиться мелочью из скупости по раскрывающегося бумажника.

Неблагодарная миссия! Она требует сделки с совестью. Информация ли это или дезинформация? Верно и честно ли освещаете вы действительность, о которой сами имеете искаженное представление? Даете ли вы свет, когда накладываете тени? Наконец, достаточно ли вы сами взвесили, что это идет на пользу нашему народу, и он с благодарностью пожмет вам руку, а не залепит при случае оплеухи?

Нешуточный вопрос. Его следует поставить перед собой при дневном свете в первую очередь.

Что же еще может входить в комплекс «борьбы»? Пропаганда среди советских людей, выезжающих по разным обстоятельствам за границу: спортсменов, артистов, дипломатов и т. п. Непосильная задача! Чем их соблазнить? На что звать? У этих людей за спиной Родина, народ, семья, служба, положение и присяга. Отвергнуть эти ценности и следовать в трезвом виде за группой лишенных Родины фантазеров, согласитесь, мало вероятности. Времена Рудиных, Бакуниных и подобных им «великомучеников мысли», которым «не важен миллион, важно мысль разрешить», канули в прошлое. Время борьбы за идею ушло. Идея была выбрана в октябре 17-го года. Теперь умы увлечены тем, как ее осуществить. Вот чем объясняется, почему так мало советских людей уходит на «ту сторону», несмотря на посулы пропаганды. Обычно те единицы на миллионы, которые убегают за границу, обратите внимание, совершают это ради любопытства и, как правило, ищут не «идеи», а бары, доступных женщин, коньяк и рок-н-ролл. Если же кто из идейно неустойчивых поддается соблазну, то потом обычно горько кается. Я видел этих людей и вернусь к ним в своем повествовании.

Наконец, есть наиболее рентабельный, но лишенный морали, путь прямых услуг иностранцам. Сюда следует отнести добывание сведений, далеких от общественно-политического значения, но способствующих конкретной подрывной работе. При написании своей книги я имею в виду все-таки идейных людей. Платные же агенты, лишенные идейных побуждений, служащие за деньги, меня не интересуют, им уместны не доводы, а пеньковые экспонаты.

Задумываясь о целесообразности антигосударственной борьбы в советских условиях, я должен указать на одно весьма существенное обстоятельство. Государственный аппарат обычно применяет две меры для обезвреживания враждебных действий: пассивную и активную. Первая случается в переходную эпоху, когда при расшатанном строе борьба возможна. Ярким примером служит 1789 год во Франции и период до 1917 года в России. Тогда борцы порождали последователей, а жертвы вызвали сочувствие. Картина меняется в корне, когда народ становится прочно на новый путь и на смену элементам разрушения, явились кадры для установления нового порядка. Тогда происходит активное выкорчевывание реакции. Гильотина работает без перерыва.

В советской стране имеет место второй вариант. Народ и власть неустанно следят за малейшим проявлением враждебности.

На Западе государство живет отделенной от общества жизнью. Там орнитолог целиком поглощен миром пернатых, а ихтиолог — рыбами, не связывая свою деятельность с общенародными задачами. В советской стране — певец или поэт, хирург или гистолог, ботаник или астроном, на каком бы поприще гражданин не подвизался, он непременно должен понимать связь своей деятельности со всем

коллективом страны и засвидетельствовать это делами и фактами.

Вот какова реальность. А теперь сопоставьте с ней гипотезу об «оппозиционных резервах», состряпанных в воображении создателей программы и предлагаемую для проведения среди населения.

Подводя итоги сказанному и оборачиваясь на мой личный опыт и на опыт моих товарищей, среди которых были и члены НТС: Ковальчук-Коваль, Оксюз и другие, я утверждаю со всей категоричностью:

Чтобы обработать советского человека, мало того, что на это потребуется титаническое напряжение нервов, но прежде, чем он обретет опыт, он обязательно обретет срок и тюрьму. Это аксиома.

Она неуклонно следует даже из теории вероятности. В процессе подготовки неизбежны ошибки. Это я заметил из практики, своей, Оксюза, Китайскова и других. Одной ошибки предостаточно, чтобы провалить дело. А это, при бдительности советских людей, неуклонно приведет на скамью подсудимых. Такова обстановка, в которой творцы программы, находясь за тридевять земель от Родины, видят «содействующие и сопутствующие факторы», «активные силы революции» и прочие досужие вымыслы.

Быть может, мне скажут, что мы неумело вели работу, а за рубежом ведут куда лучше. Но я встречался с людьми, поддавшимися агитации с Запада. Вот зарисовка некоторых из них.

★ ★ ★

Многим памятно события с танкером «Туапсе». Команда, очутившаяся во власти враждебных сил, несмотря на посулы, оставалась верна Родине. В дальнейшем моряки вернулись в родные места к семьям и работают на старых местах. Лишь несколько неустойчивых членов команды поддались искушению. Меня судьба столкнула с ними. Один из них

Бенкович. Удивляюсь руководителям НТС, уделявшим столько внимания и думавших превратить их в идейных работников, этому пустозвону и его не менее бесцветным товарищам, которые с первых минут знакомства обнаруживают свою очевидную бессодержательность. Мелко плавает организация и малы горизонты ее деятельности коли так. Право же, в прошлом, когда я занимался тайной деятельностью, то ни я, ни мои товарищи не стали бы попусту размениваться на такой элемент.

Бенкович, — мичман смазливой внешности, без каких-либо убеждений, как и его товарищи, — любили пожить. Их интересовали бар, джаз и проститутки. Сам Бенкович об этом не стесняется говорить с откровенностью, присущей его непосредственной натуре. Отроду его мысль не задерживалась на политической сфере. Не без юмора рассказывал он, как его с товарищами сочли за «идейного» и рассыпались «мелким бисером», чтоб завербовать в политические деятели. Он говорил, что для их обработки прибыли самолетом на Тайвань Поремский и Редлих. Если эта игра, как показало дальнейшее, свеч не стоила, то денег организации она безусловно стоила. Бенкович не может вспомнить об этом без хохота.

— Чего эти болтуны только не плели — «идея!», «Родина!», «борьба!», «спасать Россию!» Ну и авантюристы! Удивительные мастера грести денежки из воздуха! Нам было смешно. Мы не могли скрыть зевоты. Поремский, видимо, сообразил, чего нам хочется и повел нас в ресторан. Вот, где бабы! А вино — пальчики оближешь. Поремский компанейский парень, когда не корчит из себя фигуру. Он сам не прочь, что касается девочек и выпивки. А насчет похабных анекдотов, скажу я вам, мастер! Вот один анекдот (он тут же с жаром пересказал его). Правда здорово?

— Что ж они говорили вам идейного?

— Комедия какая-то. Я делал вид, что слушаю, а сам ни черта не понимал. Нам бы выпить, потанцевать, девочку тиснуть... Как-то мне оставили газеты. Я вообще до газет не охотник. Но неудобно было отказаться. Они предложили распространять их. Приехали через полгода — скандал — газеты так и лежали нераспечатанными. Умора! Идейных нашли! Ха-ха-ха!..

— В чем же проявилась ваша деятельность?

— Они решили из нас сделать Хлестаковых. Вот, мол, ревизор от имени русского народа. Хотелось за наш счет пустить пыль в глаза иностранцам и поднять свои акции. Мы чувствовали, что за это потом на Родине по головке не погладят. Но деньги, вино, девушки, понимаете, разве устоишь? Говорили мы то, на что нам казалось больше всего клонет тамошняя публика. Мы попали как раз в точку, потому что денег получили столько, хоть год из б....ка не выходи.

— Неужели, кроме кабаков и женщин, никто из вашей группы не поинтересовался, чем дышит эмиграция идейно?

— На кой хрен мне их идеи... Я, знаете, сошелся там с одной китайкой. Она знала по-английски. Вот у кого была фигурка. Представьте: груди вот!! (Я опускаю не в меру откровенные описания ее физических совершенств). То была женщина!.. Потом одна гречанка.

— Погодите с гречанкой. Скажите лучше, как вы реагировали на политические темы, на идеологию?

— Какая у них идеология, одна авантюра и грызня между собой. Одни рвут сюда, другие туда. У одного из нас была украинская фамилия. Что же вы думаете? К нему приехал какой-то авантюрист, Стецько, кажется. У него важный вид, в котелке ходит. Он говорил, что является председателем какого-

то дурацкого украинского правительства. И вот он хотел его разагитировать. Наш парень чуть не прыснул ему в рожу. Еле удержался. А меня все умасливал Редлих. Мне была симпатичней его жена. Та болтать не очень, зато танцует хорошо. Редлих же все время подстрекал: «Я вижу, из вас получится настоящий член НТС». Я втайне давился от хохота. Он считал, верно, что я клюнул на его мякину и он поймал меня на крючок. Про идею они только трепяся. Идейная работа не мешала Редлиху искать возможности выгодно вложить свои деньги в какое-нибудь доходное предприятие на Тайване. Жулье они, а разыгрывают, будто и впрямь люди. Да, я там пожил — во! На большой палец...

★ ★ ★

Мне рассказали, что Ильинский работал у известного дрессировщика медведей Филатова. Идеологически совсем неподкованный, он поддался, будучи в заграничном турне, не столько пропаганде, сколько умелым посулам и, изменив Родине, остался на Западе. Вскоре он испытал все прелести гражданина без Родины. Когда он был сыном великой страны и имел ее защиту, он везде встречал восторженное отношение. Став невозвращенцем, он утратил работу по любимой специальности, оторвался от народа и вынужден был искать заработка, испытав все унижения апатрида. Тщетно я добивался получить от него сколь-нибудь вразумительный ответ на интересовавшие меня вопросы. Этого человека при малейших воспоминаниях о загранице прохватывал понос ругани. В частности об НТС он не мог говорить без прибавления площадной брани.

— Сволочи! Провокаторы! Жулье! Спекулянты! Продажные твари!

— Не ругайтесь. Это мои бывшие товарищи. Среди них, несомненно, большинство честных людей. Вы не смеете о них так отзываться. — Ильинский продолжал быть вне себя.

— Значит и вы — сволочь!

Его одернули окружающие.

— Да чего он брешет? — и снова обращаясь ко мне истерично закричал:

— Смотрите, что вы сделали со мной. Ведь я был честным советским человеком. Что, вам мешала моя жизнь? Как я жил! Какая была работа! Набредали с три короба, а я дурак уши развесил. Авантюристы! Подлецы! Зачем изломали жизнь?!.. Эх я, идиот, идиот!.. Как я мог им поверить?! Но они только на таких лопоухих и зарабатывают. Кто теперь я? Арестант, преступник! Я никогда не смогу прямо поглядеть в глаза честным советским людям.

Он закрыл руками раскрасневшееся лицо.

— Как видите, я тоже в заключении. Тут много людей, знающих не один год меня и однодельцев. Они вам подтвердят, что я осужден по идейным мотивам и работал против власти не за деньги, как и другие мои однодельцы.

— Много вы, отщепенцы, на себя берете. Кому нужна ваша идея? Кобелю под крендель. Кто идет за вами? Кто слушает вас? Вы только слезы приносите таким дуракам, как я...

Ильинский был в явной экзальтации...

И. В. Овчинников резко отличался от приведенного сорта людей. Этот человек опоздал родиться лет на 50. Он являл собой породу, распространенную достаточно в дореволюционной России, ныне совсем изжитую в Советском Союзе. «Искатель правды», Овчинников закончил высшее образование по классу французского языка. Дороги ему были открыты. В чине лейтенанта он работал в одном из советских учреждений за границей, в качестве референта-переводчика, и жизнь сулила ему отрадную будущность. Овчинников по любознательности частенько слушал западную пропаганду по радио. Впечатлительному

от природы молодому человеку свойственно было воспламеняться и увлекаться. По натуре он был очень мягким, задушевым, не терпящим лжи человеком, и эти его черты бросались в глаза с первых минут знакомства, располагая к себе и вызывая безграничное к нему доверие и откровенность.

Эволюция Овчинникова, начиная от ухода на Запад и позднейшего добровольного возвращения на Родину, характерная драма советских людей, ставших на неправильную дорогу.

Овчинников, казалось бы, редкая находка для идейной эмиграции. Ведь на таком неустойчивом элементе строятся ее расчеты. И вот Овчинников с головой окунулся в новую для него жизнь. Фантазия рисовала ему, что он услышит на Западе необыкновенные мысли, увидит действенных людей, воодушевленных добрыми порывами. Но его быстро постигло разочарование. Личная драма Овчинникова заключалась не только в том, что он проглядел все ценное на Родине и не заметил глубины происходившего здесь психологического процесса, но и в том, что вместо радужных надежд перед ним со всей отвратительностью развернулась панорама экспонатов эмигрантского паноптикума, с его склоками, безыдейностью и иллюзорностью существования.

— Представьте, — говорил мне шопотом в полумраке на нарах пересылки, со слезами в грустных глазах, до глубины души возмущенный и оплеванный в своем «святая святых» Овчинников, — я надеялся увидеть что-либо новое и свежее. Я думал там живут борцы за идею. Кто же стоял за этим? Думаете русские? Нет, пошлые американские бизнесмены, которым безразлично кому служить и что говорить. Неудачники, им не посчастливилось устроиться на Родине, они поехали зарабатывать на механической пропаганде о России, клевете, инсинуации, в основе которых и тени не было идейного служения. Плевать им на Россию и на родную Аме-

рику! Деньги — вот их фетиш. Я не слышал, чтобы они беседовали или спорили на идеологические темы. Где больше платят, где больше комфорта и лучше для карьеры, вот основной, волновавший их сюжет.

Их стряпня — не проповедь, а казенная служба пропаганды. Я понял вскоре, как я опростоволохился, оставив Родину. Пусть у нас много несовершенного, но люди здесь живые. Они ставят идеалы. Любят и ненавидят. Жертвуют для блага человечества. У нас в стране умеют служить дальнему за счет ближнего. На Западе же оголенный цинизм. Все продается и все покупается.

— Ну, а как там русские? Разве среди них нет идейных людей?

— Их засосала обстановка. Я помню там Александра Степановича Казанцева. (Я вздрогнул, — Шура К.! — старый член НТС). Не глупый и, я бы сказал, одаренный. Он работал на радио в русском отделении. Но вы бы посмотрели на него, когда он на задних лапках ходит перед ничтожными американцами. Больно становится за его достоинство. Видел я Неймирока. Не голова, а кладезь. Мать его милая, старомодная женщина. Приглашая меня к себе в дом, он предупреждал меня непременно поцеловать старушке руку. Пренебрежение этикетом весьма оскорбляло старую женщину. Неймирок из НТС. Но члены этой организации получают мало. Пришлось Неймироку наниматься к иностранцам на радио, агитировать против Советского Союза. Что ж, и этот человек слушается и покорно исполняет что прикажут.

★ ★ ★

Додик Неймирок! Александр Казанцев! Мне до боли было стыдно слушать о вас. Стыдно в тюремной камере перед советскими людьми. Неймирок один из виднейших идеологов организации. Разве такими мы хотели быть, когда создавали НТС? Куда

делись бескорыстные порывы служения нашей молодости? Зачем вы их втоптали в грязь? Что сказали бы, глядя на вас, те, кто беззаветно пошли на жертву и отдали жизнь, послушные вашим призывам? Им не снилось видеть вас в такой роли.

Пусть я в ваших глазах смешной Дон Кихот, но пребывание в самом строгом лагере Советского Союза, ей-богу, завиднее вашей доли. Разве так тяжело отрешиться от комфорта Европы?

★ ★ ★

Встряхнитесь же! Вымойтесь в бане! Плюньте смачно в рожу своим хозяевам. Должна же заговорить в вас честь русского человека. Идите таскать кули на пристань. Во сто крат почетнее даже бушлат заключенного здесь, чем это постыдное благополучие.

★ ★ ★

Овчинников понял свое заблуждение. Он вернулся с повинной к той власти, которой повинуются весь наш народ. Вернулся побитый, с большой душевной травмой и издерганными нервами. Таков был трагический эпилог безрассудного порыва неопытного сердца.

★ ★ ★

Вот какова судьба лиц, соблазненных пропагандой Запада и, в частности, НТС.

В самом деле, что там делать советским людям? Русские нужны только России. Перебросившись на Запад, перед ними раскрывается мрачная альтернатива: либо завербоваться в разведку и быть переброшенным в качестве шпиона и подпольщика без всякого смысла, либо, если есть умение, изощрайся и ругай изо всех сил советскую действительность. Не хочешь — убирайся ко всем чертям и нанимайся чернорабочим.

★ ★ ★

С грустью рассказал мне Овчинников о тяжелых

сомнениях и переживаниях сына Поремского. О нем он вспоминал с особой теплотой. Молодого Поремского Овчинников охарактеризовал, как очень одаренного человека и доброго товарища. Не находя применения своим духовным запросам, он прожигает жизнь, «живет не живя» и запивает. Жизнь тоскливая, бесперспективная, какая может быть у лишнего человека нашего времени.

В Советский Союз ехать не рискует. Боится. Я думаю, напрасно. Патриоту бояться Родины нечего. Только здесь, в среде своего оздоровленного народа, он обрел бы недостающий покой и смысл существования. Возможно, его наказали бы, если он провинился перед законом. Однако, если бы он пришел с открытым сердцем, то не строго и, несомненно, не надолго, лишь для соблюдения авторитета закона, а может быть, и вовсе поставили бы крест на его прошлое. Затем, он своим умением обрел бы заслуженное уважение окружающих. Способные, знающие люди тут ценятся. Он же, незаурядный специалист, нашел бы свое место и призвание в жизни. Так поступил бы я. Но пусть каждый сам себе выбирает дорогу.

Еще одна судьба. Васька Сабуров дезертировал из армии. Надоела солдатская служба, и он бежал в Турцию. Его немедленно взяла под опеку американская разведка. И закрутилась в колесе жизнь Васьки... Ваську поят винами, которые во сне не снились недавнему колхозному парню. Его возят самолетом, знакомят с красавицами. У Васи автомобиль и несколько костюмов, модные шляпы и галстуки. Смотрит Вася в зеркало, себя не узнает. А тем временем разведчики под него мину подводят, ругают большевиков, советскую власть. Васька чувствует смутно, что ему готовится что-то нехорошее. С мужицкой хитрецей он поддакивал, да оттягивал, пока ему не поставили вопрос ребром:

— Ты пойдешь в Россию?

— А для чего?

— Бороться с большевиками.

— Зачем бороться-то?

— Большевики — враги русского народа. Ты русский и твой долг бороться с ними. Мы ваши друзья и поможем. Деньги, снаряжение — все получишь. Пойдешь?

Васька пожал плечами. Видит, дело дрянь. Как не был прост, но понял чем пахнет. Вспомнились политзанятия, где им читали о происках врагов. Васька отрезал напрямую:

— Не пойду.

— Почему не пойдешь? Кто ж с большевиками будет бороться?

— А чего с ними бороться? Чего они мне сделали?

— Как что сделали? Они поработили народ, ввели колхозы, вы живете в нужде.

— Большевики мне ничего не сделали. Это я им сделал, из армии сбежал, присягу нарушил...

Вскоре Вася звонил у дверей советского посольства.

— На Родину хочу. Пустите. Из армии дезертировал. Служить надоело. Но шпионом, врагом не буду. Пусть накажут. Какой ни на есть, я советский человек... русский...

Ваську наказали, но скоро выпустили. Теперь Василь работает где-то в своей области. На Запад он больше не ходок. И другим не советует. Однако, в кругу товарищей, подвыпив, любит похвастаться, как он там гульнул на всю пятерку.

★ ★ ★

Мне пришли две тетрадки, исписанные неровным почерком, с типичными для немки ошибками в орфографии и синтаксисе, — Кристины Гефт. Она находится в заключении за исполнение задания НТС и американских агентов.

Я внимательно прочел ее изложение. Цель его, на мой взгляд, шита белыми нитками. Я нарочно упускаю излияние ее симпатий к Советскому Союзу и приверженность рабочему классу.

По ее словам получается, что она невинная жертва, согласившаяся под угрозой НТС и американской разведки на исполнение поручений из заячьего страха, без тени личной корысти. Ее версия о том, будто НТС на территории Германии смог принудить немецкую гражданку, путем избиения ее ногами, идти против ее воли на задание, выглядит «сказкой про белого бычка», бог весть на кого рассчитанной. Пусть о них она расскажет тому, кто не жил на Западе и не знает положения эмигрантов. К тому же, раз она патриотка социалистического лагеря, как она заверяет, непонятно, что ей мешало, перейдя границу, явиться к социалистическим властям.

Наконец, коли НТС в самом деле обладал бы возможностью вербовать на работу коренных граждан Германии, он, несомненно, остановил бы свой выбор на ком-либо похлеще Кристины Гефт. Словом, тут «темна вода во облацех». Очевидно, несчастная женщина мучительно переживает наказание и всеми силами стремится на свободу, в чем я ей и желаю успеха.

Пропустим в таком случае мимо ушей освещение Гефт о ее персональной причастности. В записках обращает на себя внимание другая особенность, которая напрашивается сама собой, тем более, что автор не ставила себе целью оттенять именно эту сторону. Это несомненная связь по линии антисоветской работы НТС с американцами, и что, на мой взгляд, куда хуже, неразборчивость в выборе людей для достижения не идейных целей, а ради доказательства иностранцам работы против советской власти. Как назвать вербовку таких лиц? «Ставка на сволочь», что-ли?

Неужели организация полагает, что строя свою работу на наемных авантюристах из-за границы, ей удастся найти последователей и вызвать одобрительную реакцию в русском народе. Ей-богу, революционеры старого времени были куда брезгливее в выборе средств. Они не стали бы строить проповедь на завербованном за деньги международном сброде. Где же этические границы? Ведь подобные действия являются абсолютным доказательством идейного банкротства и могилой идейной работы.

Напрасно только советская пропаганда игнорирует такие факты. А полезно бы продемонстрировать советским людям в натуральном облике саму Кристину Гефт, чтобы осуществить наглядное знакомство с «идейным борцом за Россию», ратующим за «русскую народную революцию». Представьте, как бы это вдохновило идейно и морально «активные силы революции» и как воспряли бы духом «оппозиционные резервы», подняло бы авторитет «положительной идеи» и охватило бы «широкие народные массы, превратив их в организацию всенародного революционного действия».

Чем бы люди не тешились...

А мне думается, произошел бы суд Линча в русской редакции и дело бы кончилось толстым суком и надежной веревкой.

Несомненно, постоянное приспособление к иностранцам, от которых невольно зависишь, бросало организацию из стороны в сторону, как щепку в бурном океане. Тактика заставляла солидаризироваться с поляками и японцами, война потребовала стоять навтыжку перед гестапо, а после войны искать очередных сюзеренов.

Частая смена кожи превратила членов организации в русских особого рода. Задумывались ли вы, как, при любом ходе истории, живя из милости на

Западе, вы еще пытаетесь лить слезы о нашем колхознике.

Нашему народу претит буржуазный Запад. Он не может простить, что войска многих стран Европы, вместе с немцами, вторглись на его землю, предав ее огню и мечу. Ему памятно, что в период смертельной схватки с врагом, союзники прятались за спину наших бойцов, взвалив на них всю тяжесть войны, и только после основного разгрома врага и решительной победы стали, хотя и с опаской, оглядываясь по сторонам, высаживаться на континент.

★ ★ ★

Что же касается самой «борьбы», к которой призывает программа, то прежде, чем звать на эту кровавую авантюру, в расчете на наивных и недалёковидных последователей, надо было бы за 30 лет дать хоть один яркий образец для подражания. Его не дали. Были только разговоры. Не считать же слушай с Якутой и ему подобными «борьбой».

★ ★ ★

Для того, чтобы бороться, нужна почва. Я повторяю — ее нет. Диалектика, позитивное направление наук и реалистическое воспитание бесследно стерли из жизни прежнюю маниловщину. Ныне охотников копать в дебрях идей и считать, глядя в небо, звезды, в Советском Союзе не водится. Современный советский человек для этого чересчур конкретен. Воображаемый тип, на которого делает ставку программа, в природе не существует. Он — плод досужего воображения, продиктованного страстным «хочу».

★ ★ ★

Заканчивая тему о борьбе НТС, я, по просьбе ряда бывших членов, должен затронуть одну щепетильную сторону этой организации. Я говорю о

преступном равнодушии к участи людей, использованных в своих целях руководством.

Я не стану задерживаться на недостойном поведении отдельных членов, причем из числа руководителей, во время следствия в отношении меня лично. Считая меня выбывшим из организации, чтобы снискать одобрение следственных органов, в расчете таким образом облегчить свою участь, они сочли возможным лить на меня помой и валить разные небылицы, приписывая мне прямое участие в шпионаже до войны.

К счастью, их ложь мне не особенно навредила. И без их клеветы у следствия хватило материала предъявить мне целый набор уголовных статей. Но дело не во мне, а в моральной подоплеке. Казалось бы, мне, ушедшему из организации, легче было бы отыгаться на ее членах. Однако, никто из членов НТС, если он не заведомый провокатор, не может указать, будто я давал против него клеветнические материалы органам следствия.

Кроме того, засылаемые в Россию члены, оставались лишенными элементарной поддержки центра. Отправив, их бросали на произвол судьбы.

Когда после казни Берия нам предоставили право разыскивать родных и семьи, выяснилось, что руководство не только не поддерживало связи с родными, ушедших по указке центра лиц, но даже не интересовалось их местопребыванием.

Мы, бывшие члены НТС, годами разыскивали жен, отцов и матерей. НТС палец о палец не ударил, чтобы помочь нам.

Когда я собирался выезжать на Запад, ко мне обратился Гермаш. Шестнадцатилетним мальчиком его отправили на «борьбу». Не менее 10 лет он провел в заключении за эту авантюру. Когда было разрешено, он писал во все заграничные инстанции о розыске родных. Лишь после долгих попыток, от

посторонних лиц, Гермаш узнал место их пребывания.

НТС легко играл жизнью мальчика, когда он был нужен, и вероломно умыл руки после того, как его использовал.

Он спросил меня:

— Ты собираешься на Запад?

— Вероятно.

— Ну, передай же им, — сказал он злобно сквозь зубы на вокзале в Потье, — сволочь они! Я на весь мир скажу это!

★ ★ ★

Как бывший член НТС, я настаиваю на рассмотрении подобных фактов безответственности и предательства, поставив о них в известность широкие круги организации, выявить виновников и публично заклеить их позором. На этом настаивают многие бывшие члены НТС.

За все годы пребывания здесь, мы не имели от организации никакой поддержки, ни одного ее человека не появилось в лагерях. Вы втираете очки, будто у вас есть связи в руководящих кругах страны. Несусветная чушь! Чего бы проще в таком случае подать весточку. Передать хоть слово, одно утешительное товарищеское слово. В те годы оно бы значило много. НТС продал нас, оставил на произвол судьбы.

Впрочем, этому есть некоторое оправдание. В настоящее время едва ли кто из бывших членов НТС в Советском Союзе считает себя принадлежащим к организации. Они всецело живут интересами советских людей. Но остерегайтесь. Американцы — деловой народ и не любят швырять доллары на ветер. В основном эта «борьба» поддерживается двумя группами американцев: либо недалёковидными, не знающими положения в России, либо авантюристами и бездарностями, вроде тех, кто дирижирует пропагандой по радио из Европы в Советский Союз.

Убогие способностями, эти лица не сумели найти легкий заработок в Америке, и едут в старый свет за деньгами, откуда втирают очки правительству, будто их работа приносит плоды в борьбе с властью в России.

★ ★ ★

Передо мной ряд писем от бывших членов НТС. Еще в лагере я старался связаться с ними. Мне хотелось знать, как я уже упоминал, об их деятельности. Кроме того, я надеялся найти в них поддержку на случай развертывания более широкой антисоветской предполагаемой мною акции. Информирюясь о советской жизни только по суждениям лагерной среды, я все еще верил в неустойчивость социалистического порядка и полагал, что со смертью Сталина начнутся не только конъюнктурные, но и структурные сдвиги и мне удастся «раздуть кадило».

Убедившись в тщетности упований и уверившись, что члены НТС давно забыли былые заблуждения и что советская власть нисколько не слабеет, я остался со многими просто друзьями, поскольку в нашей жизни было так много сближающего. Время от времени мы переписываемся.

Ниже я привожу письма своих друзей, бывших членов НТС.

★ ★ ★

...«Я счастлив, что живу на Родине. Горько вспомнить, как столько лет прозябал бесцельно за рубежом. Я не представляю, чем бы я жил и что бы делал, оставаясь там. У нас с тобой позади много тяжелого, зато теперь мы со своим народом. Я верю в него и его будущее... Если сказать по совести, многое из того во что верилось, развеялось прахом и многое, что делалось, было не настоящее, не самое важное и не самое нужное, а может быть, даже совсем ненужное, а это уже горько и обидно — так растратить свои духовные силы только потому, что настоящее понимание явлений и событий челове-

ских и теоретических пришло поздно и оплачено слишком дорогой ценой».

Это из письма И. М. Ячменева. Он работает на огромном заводе всесоюзного значения. Кроме того, ведет там самодеятельность и читает лекции по статистике. Ячменев любим коллективом. Как раз, когда я у него гостил, молодые товарищи преподнесли ему бинокль в знак признательности.

Он женат и счастлив в семейной жизни.

★ ★ ★

...«Я рад, что ты жив. И всегда верил, что рано или поздно, мы встретимся. Сейчас я в Иркутске, где нашел свою тетю, женился. Что может быть приятнее, чем строить свой родной город, видеть как он растет с каждым годом, без боязни потерять работу, как это было там. Немало нам пришлось пережить. Но, будем честны — может, и мы с тобой в чем-то провинились, если как следует подумаем».

Это выдержка из письма Г. Перфильева, одного из видных руководителей НТС в прошлом.

★ ★ ★

...«Я решил остаться здесь и принять гражданство. Устроился хорошо. Женат. Изредка выпиваю. Очень доволен, что живу в центральной России. Не представляю себе жизни на Западе.

П. И. Воропанов».

★ ★ ★

...«До чего же я была наивной. Теперь многому научилась. Больше меня не заманить ни в какие капканы. Я узнала цену авантюристам. Сколько выстрадала за них и за свою доверчивость. Все здоровье потеряла и жизнь исковеркала.

О. Буковская».

★ ★ ★

...«Будь я на Западе, я больше никогда не стал бы членом НТС, хотя персонально к ним вражды не

питаю. Просто их увлечения теперь мне кажутся детскими. Случись теперь война, я бы честно дрался на стороне советской армии и в плен добровольно ни за что не пошел бы. А в войну, надо признать, мы, находясь у немцев, сыграли гаденькую роль.

В. М. Китайсков».

Китайсков, бывший член НТС, работает инженером на севере, где живет с семьей. Пользуется большим уважением и любовью заводского коллектива. Он мой однодедец по делу на Воркуте. Разыскал, наконец, родных в Югославии, НТС даже слова не написал им о его участии.

В 1964 году родные у него гостили. Недавно приезжал ко мне. Он прилично зарабатывает, имеет дом, хочет купить легковой автомобиль. Заочно кончает институт.

★ ★ ★

...«Я сейчас под юбкой у жены и никуда больше не лезу. В своей судьбе виноват сам. Какого дьявола пер против власти? Честно говоря, и работы-то никакой не вел. Просто честолюбие проклятое. Перед Вами и друзьями хотел похвастаться.

Б. Я. Оксюз».

Оксюз — мой однодедец по второму и третьему делу. Он закончил бухгалтерские курсы. Женился. Его жена украинка из заслуженной семьи коммунистов.

★ ★ ★

...«Поздравляю Вас искренне, подчеркиваю, искренне, с праздником Великого Октября, и надеюсь Вы разделяете мое мнение.

Цицерошин».

Это выдержка из письма Н. Н. Цицерошина, в прошлом эмигранта из Болгарии, отбывавшего наказание за причастность к НТС.

Цицерошин работает врачом в поликлинике на севере. Он соединился с семьей, пользуется любовью

и уважением как добросовестный и внимательный врач. О всякой антисоветской деятельности отзывается недоброжелательно.

Я мог бы привести много аналогичных выдержек, но думаю приведенных достаточно. Они сходятся на одном: на НТС, смотрят либо враждебно, либо как на фантазеров. Все устроились, довольны что на Родине и что, наконец, влились в ряды своего народа.

КПСС

Не знаю, почему в предложениях борьбы авторы уклонились от разбора вопроса чрезвычайной важности, возлагающего на организацию непомерную моральную и юридическую ответственность, — призыва к свержению советской власти.

Да продумали ли честно и глубоко вы, любящие Россию (этого я у вас не отнимаю), что стало бы с нашей Родиной, если хоть на час устранить советскую власть? Или вы, ослепленные ненавистью, оторванные от России, не чувствуете ее пульса, не понимаете обстановки и на какие дистанции вы оторвались от народа? За эти полвека Россия пуповиной приросла к советской власти. Оторвать ее, как вы необдуманно предлагаете, равносильно ее смертному приговору. Как можете вы, тем более живущие за рубежом, не видеть, сколько врагов спят и грезят об ослаблении советской власти, мечтая разделить Россию на лоскутки, наложить косматую лапу на наши богатства, натравить народ на народ, затопить его в крови и предать нашу страну на расхищение коршунам всего мира?! Слушайте призывы иностранного радио, несущиеся на языках наших народов. Есть ли там хоть один голос в интересах России? Что говорить, коли христианский Ватикан, ожидая послабления власти, лелеет иллюзии об окатоличении нашего народа!

Нет, дело тут не в большевиках и не в том, со-

вершенны они или нет. Для русского патриота должно быть несомненно одно: пока существуют **большевики, России ничего не угрожает.** Они создали прочную оборону. Уйди они на минуту, Россия исчезнет с исторической арены. Такова аксиома, каковую необходимо зарубить на сердце всем русским патриотам, если в них сохранился хоть грамм любви к Родине...

Говоря о КПСС и о ее членах, лицам, пылающим к ним упорной безотчетной ненавистью, может показаться непонятым мой взгляд, и они в нем усмотрят элементы принудительного умозаключения. Это тем более вероятно, что автор на протяжении сознательной жизни был непримирим к руководящей партии. Ему самому потребовалось пройти сложный путь предубеждений, как следует провариться в толще советских людей, подолгу глубоко и задушевно беседовать с истинными партийцами, понять сложность их положения и тогда только придти к настоящим выводам.

Надо сказать, что при оценке давно пора отбросить избитые ярлычки и шаблоны, применяемые к большевикам и взглянуть на них с позиций трезвой оценки, покоящейся на фактах. Тех, кто не сделает надлежащих выводов, не раз еще ждет гром среди ясного неба. В частности, Западу предстоит почесывать затылок и разводить руками оттого, что в его голове никак не уместится, — каким чудом вчерашний полуграмотный Ванька, ходивший в лаптях и сморкавшийся в подол, разбил в пух и прах непревзойденных в военном искусстве фельдмаршалов с моноклем в глазу, прямых наследников Клаузевица и Мольтке.

Они обречены запутаться в трех соснах в вопросе, отчего в царстве «террора и всеобщего народного рабства», наперекор логике, под руководством пар-

тии большевиков, страна дает невиданный взлет героизма, который противостоит напору почти всей Европы. Не поймут, в чем тайна, что эти люди, недавно отошедшие от сохи и лопаты, идут в авангарде социальных идей и освобождения угнетенных народов от национального гнета.

Чтобы беспристрастно оценивать то или иное явление, лучше всего поставить себя на место того, о ком судишь. В данном случае я говорю о Коммунистической партии. Путь коммунистов, в самом деле, не устлан розами. О трудностях, могущих возникнуть, если пойти в этом направлении, предупреждали многие. Однако, революционная молодая власть бросилась решительно в будущее. Ей захотелось провести в жизнь самое передовое, что волновало умы прогрессивного человечества.

Я делю управление ком. партии на два периода. Первый называю периодом отрицания. Он охватывает борьбу с царизмом, гражданскую войну и политику до 1929 года, который именуется в истории партии «Годом великого перелома».

На этом этапе природою вещей диктовалось разорвать навсегда со старым миром. Что это необходимо, ясно было не только большевикам. Даже энтезсовцы исходили из убеждения полной непригодности старшего поколения, в чем убеждались воочию и, чтобы оградиться от него, ввели в устав возрастной ценз. Особенно отчетливо это учитывал гениальный интеллект В. И. Ленина. Когда на первых порах советская власть еще не окрепла, неуверенный элемент настаивал на составлении коалиционного правительства вместе с меньшевиками и эсерами. В. И. Ленин прекрасно понимал, что допустить их к власти, это обречь революцию на гибель. Компромисс коалиции означал бы пустить к управлению все тот же прогнивший слой. Поэтому Ленин пошел

на крайнюю меру, твердо заявив, что если только кто-либо попытается стать на этот путь, то он пойдет к матросам и из них составит правительство. Так фактически совершилась перемена власти. Ее сменили люди из народных недр. Ленина не пугало то, что у них не было опыта государственного управления и научных знаний. Он был убежден, что это приобретется в процессе практики. Главное же строго соблюсти принцип управления новыми силами. Конечно, это было вынужденной платой истории за смену эпох. Именно эта мера закрепила революцию и утвердила ее. Иначе дело неизбежно кончилось бы либо эволюцией, либо реставрацией. В этих мерах проявилась личность Ленина, как величайшего революционера, подлинного вождя бедноты, защитника всех забытых и эксплуатируемых.

Приходилось разрушать вековые устои, чтобы им на смену могли придти новые понятия. И во всех этих начинаниях большевики были радикальны и быстры. Какую область ни возьми, поражаешься их смелости отрицания старого и выдвижения новых, казавшихся дотоле несбыточных планов. Перевернулась философия, изменились формы семьи, установились иные понятия о власти, о государстве и нации, словом, не было уголка, куда бы не проникали новые идеи.

Для укрепления и передышки был введен временно НЭП. Конечно, он не мог сдерживать напора революционных сил. В нем они усматривали угрозу революции, и им не терпелось увидеть воплощение заветных планов.

Большевики в основном справились с эпохой отрицания. Старый мир ими похоронен.

В период отрицания революционные массы видели против чего шли, далее требовалось показать во имя чего они шли, т. е. что придет на смену раз-

рушенному. Обстановка диктовала перейти ко второму периоду — периоду утверждения. Для этого большевикам предстояло впервые в истории дерзнуть, пойти рискованным путем, который лишь наметала смелая теоретическая мысль, неиспробованная на практике.

Ленин к этому времени умер. Эту миссию КПСС выполнила под руководством другой, весьма значительной личности, наделенной стальной волей. Я имею в виду И. В. Сталина. Сейчас Сталин — достояние истории. Редко вокруг кого ходит столько противоречивых толков, как вокруг этой колоритнейшей фигуры нашей эпохи. Несомненно, что это личность еще неразгаданная и история о ней не сказала последнего слова. Так или иначе, но с его именем связана огромнейшая эпоха.

Из отчетов последних съездов мы видим, что даже самых приближенных людей Сталин держал от себя на расстоянии, не подпускал близко, оставляя для них недоступным и окутанным тайной. Никто не знал, что он думает и как поступит. Вероятно, и он сам чувствовал, что им лично владеет некая сила, которой он подчиняется. Этот человек сам себя в последние годы обрек на затворничество и одиночество.

Я лично составил мнение о двух Сталиных. Первый из них — это человек в сюртуке, с трубкой во рту и рукой, заложенной за борт, глядящий с портрета узковатыми и пронизательными глазами. Таков он был до войны. Другой — самоуверенный, самовлюбленный и самодовольный человек в маршальском мундире, украшенном орденами, подозрительный и застегнутый на все пуговицы.

О втором Сталине, упоенном культом своей личности говорилось достаточно и я не намерен касаться этой темы. Она потребовала бы специального труда. Я же говорю о нем постольку, поскольку его роль в Отечественную войну была огромной.

В период отрицания и разрушения партия была единой. Однако, при приближении момента создания и утверждения новой системы в ней произошли естественные расхождения. Я сейчас не буду разбирать кто прав и кто виноват, это опять особая тема.

Теперь мы снова станем на место советской власти, каково же было ее положение?

Внешняя обстановка давала некоторую отсрочку. Буржуазия занята была наживой и разлагалась. Несомненно, что это долго длиться не могло и каждый день надо было ждать реакции. Она не преминула возникнуть, как мы знаем, в Италии, Германии, Испании и Португалии. Их направленность против советского строя, рано или поздно, обязана была сказаться и обрести свое выражение. Следовательно, необходима была в первую очередь собственная обороноспособность. Последняя требовала создания независимой мощной техники. Индустриализация страны диктовала коллективизацию. Мало того, что деревня должна была обеспечить город, занятый стройками, но село, с его неизжитым дореволюционным укладом и психологически склонное к собственности, оставалось угрозой революции. Не проведя коренного переворота в деревне и в сознании еще реакционного крестьянства, всегда была опасность вернуться к старому.

Для новой системы требовалось всеобщее образование и миллионные кадры специалистов, которых в стране не было.

Эти основные задачи надо было провести в неслыханно кратчайший срок, пока Запад еще не был готов к войне и надо было «рвать».

Чтобы пуститься в такую ответственную и сложную дорогу, насущно-необходимой являлась твердая и единая воля, без каковой невозможно было действовать.

Одновременно революция возбудила человеческие страсти. Появился слой людей, который видел

в революции источник удовлетворения своих желаний, не понимая, что революция призвала отдать, а не брать. Их необходимо было обуздать. И тут я снова возвращаюсь к личности Сталина. Я намеренно отбрасываю, как несущественные, базарные суждения о нем, исходящие из противного лагеря, считая их недостойными и третьестепенными, когда речь идет о государственных задачах и исторической необходимости.

В рядах партии были несогласия. И несущественно то, что в Сталине частично играли личные мотивы. Для истории и для нашей Родины важно, что обстановка требовала единства и волевой личности. Иначе расхождения могли пойти вглубь, поставить под вопрос революцию и даже привести к новой гражданской войне. Заслуга Сталина в том, что он сумел, пусть крутыми мерами, устранить разноречивую и ввел единство в партии и в государстве.

Да, это было жестоко и потребовало крови даже ближайших товарищей. Но кто мыслит глубже, тот поймет, что попусти Сталин расколу, то крови бы было во много крат больше и, может быть, погибла бы и революция.

Русская история говорит о том, что наш народ признает авторитеты. Он любит отдать свою судьбу в руки достойного правителя и готов ему подчиниться. Без такой личности он склонен к анархии. Этой чертой он отличается от Запада, где история испещрена конфликтами между личностью и обществом. Анархичностью мысли XIX век развенчал личность. Сталин, очевидно, понимал, что для того, чтобы провести в жизнь все намеченные планы, необходима единая рука и необходимо было вновь выдвинуть авторитет. И для истории и событий неважно, если и тут сыграл роль личный элемент.

Так или иначе, при Сталине партией был создан новый порядок и выиграна самая грандиозная вой-

на, выпавшая на долю России. От этого никуда не спрячешься и этого не замолчишь.

Период создания совершился. Построена новая система. До 29-го года можно было многое менять или делать иначе. Но с момента введения коллективизации образовался процесс. С этого момента люди уже утратили власть над ним. Оставалось либо идти дальше, куда он указывал, либо погубить страну и себя. Советское государство с тех пор представляет собой величественный огромной мощности поезд, поставленный на рельсы. Он смело идет по ним и достигает цели пока колеса поезда твердо прижаты к рельсам. Указывать ему иные пути, которые, возможно, были бы удобнее, — значит призывать к крушению государства, превращению в щепки паровоза и всего состава с пассажирами.

★ ★ ★

Вот обстоятельства, при которых действовали большевики. Мы это обязаны учитывать, если хотим понять суть советской власти.

★ ★ ★

Одно из качеств, подмеченных мною у коммунистов — это то, что они беспощадны к врагам, но надежны и верны с друзьями. Себе откажут в необходимом, но товарища в беде не оставят. И не только по-братски поделится куском хлеба (и делятся), но если потребуется, подставят грудь за товарища. Примеров тому сколько угодно, начиная от гражданской войны в Испании и поддержки партизан других стран в период фашистской оккупации, до содействия всем угнетенным народам в их борьбе за национальное освобождение.

Этого качества днем с огнем не сыщешь у их противников. Там господствует циничный эгоизм. Находясь на том берегу, я наблюдал, что любезность иностранцев хороша только пока не нужно помочь материально, и куда только девается тогда мягкость

их манер и добродушное выражение лица. Что же будет, если дело потребует от них человеческих жертв? Об этом говорит участие Англии и других буржуазных стран во Второй мировой войне. История отношений с иностранцами тех, кто имел глупость стать на рельсы борьбы с советской властью, — это история непрерывных поочередных предательств. За примерами далеко ходить не приходится. С самого начала зарождения советской власти западные союзники бросили Белую армию на произвол судьбы и умыли руки, когда решался исход гражданской войны и тем самым проявили акт черной неблагодарности к белым офицерам, отказавшимся от соглашения на сепаратный мир с немцами и от их военной помощи во имя сохранения верности союзникам. В то время, когда по долгу международной рабочей солидарности, в иностранном флоте, стоявшем на рейде в белых портах, для ее подкрепления шли брожения среди матросов, отказывавшихся участвовать в борьбе против рабочих, никто из рядов привилегированного или зажиточного слоя не рискнул стать в ряды своих товарищей по идейной принадлежности, т. е. Белой армии, предпочитая придерживаться позы постороннего наблюдателя и, пользуясь моментом, скупать по дешевке русские бриллианты и золото.

Когда во время коллективизации шел разгром кулаков, буржуазия не только не пришла на помощь своим товарищам по классу, но наперебой покупала экспортную советскую пшеницу.

Мне не жалко траурного конца бесславной «власовщины», возникшей в основном не по идейным побуждениям, а ради спасения от невыносимых условий немецкого плена. История отведет ей место и даст заслуженное название наряду с теми, кто в разгаре неимоверной борьбы и напряжения всех сил своего народа, надел форму врага. Но речь не о «власовцах». Я говорю о морали их идейных союз-

ников. Что они сделали с генералом Власовым и с его единомышленниками? Они их предали и продали с молотка ни за понюшку табака. Ведь это — их друзья и опора, вызвавшие не словом, а шкурой бороться против большевизма и тем самым, служить их благополучию.

Разве большевики, которых без удержу поносит программа, способны бы были так хладнокровно предать врагам верного друга?

Вспомним банды бандеровцев. Движение было инспирировано Западом. Оттуда им сулили золотые горы и обещали интервенцию. Так ради каких прихотей в той напрасной, исторически обреченной борьбе, была загублена молодежь Западной Украины, поверившая лживым заверениям? Знай, что их вероломно бросят на произвол судьбы, разве пошли бы они на эту трагически кровавую аферу? Несколько ящиков консервов с несколькими автоматами да несколько тысяч долларов в карман Бандеры — вот чем заплатили западные союзники за кровь тех, кто идейно рискнул пойти с ними в одних рядах.

В местах заключения я видел много бывших бандеровцев и имел среди них немало друзей. Писать только, какие проклятия за исковерканную жизнь шлют обманутые люди по адресу предавших их друзей. Один из них говорил мне: «Я ни в чем не виню советскую власть. Мы против нее боролись. Но как же тогда назвать «друзей», за чьи интересы мы отдавали жизнь? Им нет иного названия, как Иуды».

Другой высказывался не менее характерно: «Поздно теперь, но зато я многое понял. Против советской власти у меня нет злобы. С ней мы были врагами. Но случись теперь война и доверь мне советская власть автомат, то даю слово, что более верного бойца она бы не нашла. Я бы сражался с предателями до последнего патрона и ничего не пощадил бы на своем пути».

Сейчас я пристал к другому берегу и нашел свое

место на Родине. Обидно, что одумался только тогда, когда жизнь уже на закате. Зато на склоне дней я преисполнен чувством личной уверенности. Какой ни на есть, но я советский гражданин, и отныне меня защищает верная к своим могучая власть, возглавляемая надежной опорой в несчастьи — партией коммунистов, и потому я могу уверенно смотреть по сторонам, никому не кланяясь в пояс.

В предыдущей части я касался вопроса о петербургском сотысячном привилегированном сословии и о широких народных массах. Всмотритесь глубже в большевиков, без привычной ненависти к ним, — это не кто другой, как русские, из самых народных недр, с самобытными чертами русского характера, с дерзостью и молодостью только что пробудившихся к жизни сил. Да, это Русь! Русь настоящая и подспудная, о которой судили по Петербургу или по «Живым мощам» Тургенева. И не случайно при приходе советской власти столица инстинктивно потянулась в Москву.

Что является характерной чертой у коммунистов? Это первым долгом обостренная забота о безопасности государства. Когда дело идет об интересах страны, замолкают чувства, отбрасываются личные желания. Партийцы становятся точно механизмы и бывают даже жестоки. Нет для них ничего выше созданной ими социалистической системы и интересов рабочего класса. Ради них они готовы отказать себе в необходимом, способны вознести человека до небес и низвергнуть его в пропасть.

Протекция, взяточничество у них бессильны. Мы, те кто попали сюда с Запада, поражались. Во времена культа личности бывало, что невинно страдали люди, близкие к руководящим кругам. На Западе, имея такие связи, несомненно они могли бы получить свободу. Однако, никакие деньги, ни по-

ложение и заступничество не могли спасти их от осуждения согласно закона.

А в остальном — взглянем на видного коммуниста испытующим глазом. Вон сидит он в кабинете, преисполненный сознания ответственности за порученный пост. Холодное лицо, олицетворение деловитости, не допускающее вольностей. Казалось бы, ничто не в силах изменить этого, почти каменного выражения. Невольно вспоминается поговорка «Москва слезам не верит»... И вдруг откуда ни возьмись в открытое окно ворвались залихватские звуки баяна. Все слышнее и слышнее подступают они, заливаясь переливами в «барыне-сударыне». Не в силах скрыть натуру — и куда только девается деловая поза ответственного партийца — засияют глаза, лицо расплывается в широкой улыбке, ничто больше не напоминает о должностной осанке, будь то секретаря обкома, академика или маршала. Еще миг, — руки уперлись в бедра и понесся в массе веселящегося народа, захваченный вихрем залихватского танца знатный партиец, и не уступит он никому в умении замысловатых коленец...

...Танец прошел. Замолчали клавиши кудесника-инструмента. Он снова в должностном кресле. И снова не узнать в нем лихого исполнителя «барыни». Я слышал — легендарный Буденный, наперекор возрасту, когда его захватывает манящий мотив, не прочь горделиво пройти в «барыне-сударыне» и, говорят, является ее перворазрядным исполнителем. Не скрыть, видно, русскому человеку его русской сущности никакими должностями, ни задачами эпохи!

Оговорюсь, характеризуя членов КПСС, надо иметь в виду настоящих коммунистов. С тех пор, как партия стала у власти, в нее неустанно стремится пролезть расчетливый элемент. Он засоряет ряды партии. Увы! Это жизненно. Рядом с Христом не-

пременно оказывается Иуда, а за львом неотступно следуют шакалы.

Однако же, не на таких людях держится партия и не по ним судить о ней. Поищите и увидите. Она сильна людьми железной воли и горячих стремлений. Они заполняли ряды советских партизан, мужественно сражаясь с оккупантами, когда буржуазия трусливо отсиживалась. Я видел их в лагерях. Им разоряли семьи, их несправедливо осудили, им коверкали жизнь и заживо погребли, превратив в ничто, но от них я не слышал ни тени ропота или упрека. Они гордо несли в себе свой крест, говоря: «Великое дело революции невозможно без ошибок. Если нужна моя жизнь, пусть берут ее. Лишь бы победила революция, лишь бы наступило торжество пролетариата. А она победит». Такие коммунисты в войну держались до последнего патрона и предпочитали самоубийство сдаче в плен. Они были основой на всех стройках, пренебрегая сном и семейным уютом. Они бывали непреклонны в исполнении задач. «Умри, но сделай», — вот их правило.

Надо также выбросить из головы абсурд о недальновидности большевиков и наделении их злой волей. В первом случае они не смогли бы создать за короткий срок колоссальной советско-государственной машины и распространить свои идеи среди многих народов мира, а во втором — они бы не удержались у власти так долго, тем более в такой опасный период, как последняя война.

Как бы ни была изменчива конъюнктура, благодаря этим людям, структура вещей в Советском Союзе останется неизменной. Это наглядно показала смерть Сталина, отставка Н. С. Хрущева и ряд других примеров.

★ ★ ★

Существование советской власти и руководства КПСС обусловлено и более вескими причинами, стоящими над человеческой волей.

Сотню лет назад жизнь на нашей планете казалась незыблемой. Земля прочно покоилась на трех китах. Понятие отчизны мнилось вечным. На уровне же современной науки история всякой страны, не более как переходящий миг общей истории. Недавно парад войск казался символом мощи государства. Ныне мы знаем, — одна атомная бомба способна в секунду превратить в пепел миллионы людей. С одной стороны, атомные открытия придвинули нас вплотную к возможности полного уничтожения нашей планеты силою человеческого разума. Земля более не богиня Гера. (Какая это богиня, если человек, нажатием кнопки, может превратить ее в прах?) С другой стороны, человечество вошло в преддверие освоения других планет. Познание внешнего мира бешено несется вскачь. Где-то далеко позади доносится звук бубенцов удалой тройки Гоголя. Ныне со скоростью света мчится ракета, созданная гением человеческого разума. И в этом бешеном полете развития, которое не в силах затормозить вся мировая многовековая рутина, раскрываются перед человеком новые заманчивые пределы. Невольно приходят на ум слова из «Капитанов» Гумилева:

«И кажется в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога...»

Современная мысль бессильна понять, куда ведут человечество открытия, как 5 веков назад первый книгопечатник Гуттенберг не мог предвидеть, что книга откроет совсем новую эру истории.

Но при всем этом быстром беге одно несомненно, что наступление атомного и космического века перевернет вверх дном изжитые устои и поставит ультиматум человечеству о коренной перестройке привычных укладов. Это потребует от народов в первую очередь мобильности, легкости отхода от привычных форм и дерзости для перехода в неизведанное.

Советский народ в любой момент готов к этой перестройке. Это потому, что большевики ставят перед людьми современные задачи. Они воодушевляют народ современными идеалами, и его жизнь заполнена современными интересами. Пусть трудности, пусть лишения и жертвы, но перед человечеством не смеют никогда исчезать манящие дали, иначе оно зажирет и пойдет на умирание.

★ ★ ★

Неповоротливая «толстозадая» «кондовая» Русь получила в революцию от большевиков сногшибающий пинок в спину. Она встряхнулась, оживилась и ее не узнать. И с той поры русский народ наиболее подготовлен для перехода к будущему. В этом бесспорная заслуга Коммунистической партии.

★ ★ ★

Русский я, люблю я ушедшую Русь. Мне дорог свет лампы перед киотом и мил запах ладана. Меня умиляют родные до боли картины Левитана. Я горд Куликовым полем и победой у Бородина. Меня трогают скромные хатки нашей Украины, крытые соломой, с подсолнухами и вишневыми садами. Я люблю все, что составляло жизнь моей страны. Люблю я ее, как свою юность, всегда дорогую и волнуемую. Но что мертво, должно быть похоронено и должно уступить дорогу новым всходам.

И вот, взамен старой России вступает во владение новая, с ее романтикой. Вместо романа «Забыты нежные лобзания», ласкает слух песня о простой Катюше. Идут другие люди, и волнуют умы новые герои. Уж не Лиза Калитина, ушедшая в монастырь, вызывает поклонение молодежи, а героический образ Зои Космодемьянской. Чопорных депутатов Думы сменили депутаты из слесарей и доярок. Багрова внука сменили подвижники, бойкие пионеры, боевых беспечных гусар — деловые, не менее удалые советские воины.

Да, я люблю Родину. И любя, я принимаю ее во всем ее необъятном размахе. Люблю я ее от светлосолнышка князя Владимира до буйной вольницы Степана Разина. И простирается Русь моя от древних прорицателей о Москве, как о третьем Риме времен Иоанна III до коммунистов, несущих на знамени счастье всего человечества; от великого святителя земли русской и идейного вдохновителя победы над татарами преподобного Сергия Радонежского до всемирного гуманиста В. И. Ленина. Все оно для меня родное, единое в своем противоречии, моя Родина — Россия!

МОЙ ПУТЬ

Когда я вступил в организацию, я не ждал ни триумфов, ни лавров. Как большинство членов, я в эту игру на кон не спички ставил. И, все-таки, когда я впервые очутился по ту сторону, реальность оказалась за рамками самого смелого воображения.

Внешне я как бы оставался прежним, — тот же рост, цвет волос и глаз, тот же организм, а между тем совсем новый мир влился в мою психику и былые представления перевернулись вверх тормашками.

Было холодно, невероятно холодно. Нет, то была не физическая стужа. Она пронизывала все существо, залезала в психику и, казалось, водворилась во всем мире. Мысль была во власти всемогущего голода. Голодали не только мы, голодала вся страна (честно говоря, наши порции были не меньше, чем у свободных граждан). Я напрягал невероятные усилия, чтобы вырваться из цепей, охвативших железными тисками все существо и попытаться предаться спокойному анализу. Но инстинкты брали верх над рассудком... Казалось, что во мне умерло все личное, и ничто уже не может меня потрясти. И, все-таки, это было не так. Помню, в одной из камер мне рассказали о трагической гибели К. Вергуна. Я был потрясен известием. Никогда я не подозревал, что этот человек,

помимо моей воли, занимал в моей душе такое значительное место. Бессильный в камере что-либо сделать, я в слезах, беспомощно опустил на колени и предался верному утешению слабых — молитве...

Признаюсь, в тот период я не мог думать о борьбе. Говорить о ней было одно и то же, что распевать арии среди глухонемых. Балаганным фиглярством казались наши представления о борьбе. Точно в тумане мне мерещился образ упитанного Байдалакова. Вспоминались его сентенции. До чего же убогой представилась мне тогда его поза. «Эх, сюда бы его на денек», — думалось мне. Посмотреть, каким он предстал бы оголенным в господствовавшей там хватке за жизнь.

Среди окружавших людей я чувствовал себя меньше мизинца. Произошла перепроверка моей субъективной ценности. Я почувствовал, как эти люди при отсутствии лоска, могучее, жизненно мудрее нас. Я ощутил всеми клеточками, что только в этом народе, в его беспредельном размахе, совершается всечеловеческий опыт, таящий в себе обновление. Неважно, что они не прочли, быть может, нескольких новых книг. Их с успехом можно осилить за месяц. То же, что советский народ вычитал из книги ее величества жизни за эту грандиозную эпоху смены и ломки многовековых устоев, этого опыта и зрелости не вычитать из всех книг мира. Эти люди, в спецовках и бушлатах, с засученными рукавами, не знавшие смокингов и крахмальных манжет, пренебрегающие этикетом в горячей кузнице новостроек, закаленные в лишениях, безусловно, самый выносливый и здоровый народ, а поэтому за ним неоспоримое будущее.

При сопоставлении с ними обесцвечивались герои Джека Лондона. На Западе по незначительному поводу люди принимают позу глухаря на току. Тут же совершились втихомолку чудеса подвигов и жертв. О явлениях, от которых, казалось бы, должны были

потрястись горы и завопить камни, эти люди говорили мимоходом, как о чем-то совсем обычном. Огромные события происходили на каждом шагу, и им никто не удивлялся. Мужеству и выдержке этих людей можно позавидовать... И таких титанов мы, заграничные свистоплюи, мечтали вести за собой...

Порою мне казалось, что убить меня — означало бы оказать мне услугу. Вместе с тем, в этой обстановке я рос. За месяц я получал впечатлений больше, чем за годы на Западе.

Тогда я не имел времени замечать происходившей со мной метаморфозы. Но каждый день заполнял меня новым содержанием. В этой обстановке вырисовывались сокровеннейшие винтики, пружины и рычаги великого процесса. Я познавал не только события, но эволюцию человеческих душ. Так, в этом горниле я незаметно для себя перековывался и срастался с двумястами миллионами.

Много лет пылал я злобой ко всему советскому. На Западе не умеют так злобиться (как, впрочем, не умеют по-настоящему и любить). Все, что мне доводилось узнавать положительного о советской системе, я, точно глухарь на току, пропускал мимо ушей. Мой мозг был приспособлен изыскивать во всем только теневые стороны советской жизни.

Смешно вспомнить до чего я был одержим ненавистью. Я взял себе за правило и прививал его единомышленникам, вставая утром, планировать что я сегодня сделаю вредного для советской власти, а вечером проверять итоги, чтобы «недаром» прожить день. Когда день ничего не приносил, я рекомендовал хоть плюнуть на портрет в газете кого-либо из руководителей. В этой комической роли было нечто напоминающее пушкинского Евгения из «Медного Всадника». Где-то на далеком севере, охраняемый надежным конвоем, петушился человек в бушлате. Он

грозил худосочным кулачком, пугал комариным писком и показывал фигу из кармана несшемся вскачь не «Медному Всаднику», вздыбившему застой Московской Руси, а стихии, зажегшей освободительный огонь в миллиардах душ. Точно пьяный, бродил я в потемках, не подозревая, что сам гасил себе свет.

Думаю, как мои слова примут бывшие единомышленники? Вероятно, найдутся такие, что объявят меня агентом. Наплевать с колокольни Ивана Великого, если это скажут на Западе ответные субъекты, работающие ради выгоды. Со спокойной совестью могу заверить, что, будучи заключенным, я честно придерживался этического регламента своей среды, как теперь, став добровольно советским человеком, постараюсь быть достойным этого звания. Свидетелем этому мои многие однодельцы и без исключения все лица, знавшие меня. Но жаль, если так подумают обо мне те, которые, совершая вредное дело, до сих пор наивно верят, будто служат добру и Родине. А попадают же ведь и такие. Например, сын В. В. Шульгина в позе сына Ноя, искренне упрекает отца за признание необходимости советской власти. Вот таким-то хочется крикнуть: «Это не измена! Найдя в себе силы просидеть за иллюзорную идею, казавшуюся мне истиной столько лет, рисковать за нее вплоть до расстрела, можно не сомневаться, что у меня нашлось бы мужества оставаться в заключении и те уж немногие годы, что еще остались до конца жизни. Пусть я ренегат, но тогда объявите ренегатом Каперника и Галилея за то, что они посмели усомниться, будто земля покоится на трех китах».

Я не льщу себя также надеждой, будто мои слова изменят упершихся рогами в тупик людей. Не так просто вылечиваются от заскорузлости убеждений.

Но неужели каждый смертный должен лично ожечь руку на огне, чтобы убедиться в егожигающем свойстве!

Рано или поздно, но постепенно на этот путь станет всякий в душе русский, кто не прет упрямо лбом в стену. И когда этот день наступит, — а он, я не сомневаюсь, наступит, — то тогда оплеванные своим народом, с разбитыми иллюзиями упрямы, пусть не отговариваются, будто их никто не предостерег, и что факты им свалились, как снег, на голову.

★ ★ ★

30 с лишним лет назад в эмиграции мы зажгли факел бескорыстного служения Родине. То было искреннее желание, хотя и иллюзорное. Мы ходили с повязкой на глазах, оторванные от своей страны, не зная советской действительности, и я не смею бросить в нас камень. В тот период к нам подходят слова Беранже:

Если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Нам было не ясно, куда идет история. В те годы еще не прервалась историческая преемственность с реакцией, оставались кадры, на которые мы надеялись опереться. Тогда мы могли оправдываться поговоркой «без жертв войны не бывает». Но когда люди попусту гибнут и мучаются в лагерях ради очковтирательства иностранцам о существовании несуществующей какой-то акции, то это не имеет никакого оправдания.

Чего можно было не знать в 20-х годах, то спустя 30 лет это уже либо глупость, либо преступление. Теперь не может быть ни малейшего сомнения в том, что нами совершалась кровавая ошибка.

Жизнь изменчива. Сегодня может оказаться другом тот, с кем вы вчера еще сцепились в смертель-

ной схватке. Предмет мира сегодня — причина раздора завтра. Я наблюдал, как в лагере братски сходились некогда непримиримые враги. Немцы дружили с евреями. Сегодняшняя заслуга может стать завтра преступлением. И в этом неведомом океане текущих и изменяющихся событий есть только один компас — совесть. А она подсказывает, что в силу естественного хода вещей борьба против советской власти в данное время это пожелание «канун да ладан» на свадьбе или залихватская камаринская на похоронах.

С каждым днем я убеждался в беспочвенности прошлых планов, видя их ненужность и преступность. Наконец, во мне проснулось желание сходить в баню и как следует очиститься. Я стал собирать материалы, чтобы изложить произошедший во мне перелом. Я даже набросал черновик письма к правительству, излагая все это. Стал писать письма товарищам, доказывая насколько превратны были наши лагерные представления о советской жизни. Интересно, что со всеми происходило также нечто подобное, о чем они делились в свою очередь со мной.

Одновременно я получал от выехавших из СССР за рубеж сведения о загранице и жизни эмиграции. Особенно я просил сообщить мне о работе НТС, его позициях и зависимости от иностранцев. Увы, присылаемая мне характеристика была далеко не лестная. Один немец мне сказал, будто в ФРГ говорят: «кто хочет доллары, поступай в НТС». Я не поверил ему. Вскоре аналогичные заключения последовали от близкого мне и доверенного человека Н. С. Дурново, от моих родных и ряда других авторитетных лиц, выехавших за границу. Все вместе взятое явилось охлаждающей струей горячему желанию вернуться в стоячее болото эмиграции.

Оставалось главное — перейти рубикон, т. е.

пойти в органы государственной безопасности и откровенно во всем признаться. Этого я не решался сделать. К этим органам, которых я знал только как способных карать, а не предупреждать человеческие ошибки, у меня все еще жило предубеждение былых лет. «Поймут ли? Не захотят ли кары, ради кары?»

Главная же загвоздка упиралась в этические тупики. Хорошо, я готов рассказать о себе все, но органы потребуют рассказать о многих товарищах. Какое же я имел право и какой я был бы негодяй, чтоб говорить о них и тем самым обрекать на скамью подсудимых, когда они в большинстве пошли за моими увещеваниями? Это было выше моих сил. В таких мучительных сомнениях я жил много месяцев. Неожиданно судьба сама распутала за меня этот сложный клубок.

Уже много лет органы госбезопасности бдительно следили за мной и моими товарищами. У одного из них в 1959 году были обнаружены наши антисоветские документы, в основном составленные в 1951-56 годах. Так вскрылись факты нашей антисоветской деятельности и всю нашу группу арестовали. На следствии всплыли наружу мои антисоветские материалы и факты моего душевного перелома. Последними заинтересовались компетентные лица. Часть из них были позднее отредактированы и разосланы некоторым общественным деятелям за рубежом. По моей просьбе, ко мне на следствие пришел один человек, занимающий очень видный государственный и партийный пост. Он сел в кресло спиной к окну. Я сидел за столиком на стуле лицом к свету. Кругом стояли следственные работники. Началась беседа. Я признал свои заблуждения и принес глубокие извинения за совершенные без злой воли в прошлом ошибки.

Доказательством моих слов были захваченные

документы как былых поступков, так и поздних раскаяний.

Этот человек спросил: «Непонятно, почему вы, русский, давно отрицательно относившийся к Западу, были враждебны к нам?»

Я ему объяснил как мог. Его посещение кончилось словами: «Мне приятно было услышать от вас лично, что такой долголетний враг как вы, сам сознал свои ошибки. Да, ваша жизнь шла по особому пути и к вам в самом деле нужно подойти персонально. Я об этом передам в надлежащую инстанцию и нужные выводы будут сделаны. Однако, вами совершено преступление. По закону оно не смеет оставаться безнаказанным. Попустай мы такие нарушения — это означало бы расшатать государство. Вы, вероятно, будете осуждены и, так как вы судитесь уже в 3-й раз, то кара будет суровая. Однако, если вы действительно оставили былые затеи, вы долго не просидите. В таких случаях закон наш находит снисхождение».

Начался суд. Шел он в Москве. Было много свидетелей. Никто на меня не клеветал. И без того фактов против меня было с избытком. Я требовал освобождения, поскольку сам сознательно отошел от преступной деятельности. Следствие же и суд не считали возможным оставить преступление безнаказанным. Меня снова строжайше осудили. Из всей группы я был главным обвиняемым, единственным не согласившимся с выводами обвинения.

После суда меня снова охватила злоба. На этот раз я больше не давал себе слова бороться против власти. К тому времени я уже достаточно повзрел в советской действительности и вполне понимал, что советская власть — органическая и, делая ей вред, наносишь вред Родине. Но я решил по отбытии срока уехать навсегда на Запад и уйти целиком в себя.

На этот раз в лагере мне было скучно, как никогда. Если раньше я убивал время подпольной ра-

ботой, то тут я отбывал только наказание. Тогда я находил утешение в сознании, что сижу за «идею», что я не преступник, а пленник советской власти, «борец за народ», а сейчас я знал, что сижу за глупость, ради строгости закона, который не мог оставить преступление без последствий. Дни тянулись мучительно и бесцельно. Сам лагерный контингент был далеко не тот, что в предыдущие годы. Чисто политических насчитывались отдельные единицы.

На этот раз я решил толково использовать пребывание в лагере, где много свободного времени, и закончить образование. Первоначально хотел изучить медицину, с которой уже несколько знакомился ранее. Но этому мне помешало притупление слуха вследствие склероза. Пришлось остановиться на праве, тем более, что всегда имел склонность к гуманитарным наукам.

Лагерная администрация была несколько против такого рода обучения, резонно объясняя, что криминалистика, судебная психиатрия и др. дисциплины, не совсем подходящи для изучения преступниками. Тогда я обратился с просьбой в Москву, в Главное Управление. Там пошли навстречу моему желанию при условии, чтобы я занимался по этим предметам в здании школы и учебники хранил там же. Так я прошел курс советского юридического института и на склоне лет получил специальность.

Из лагеря же я стал писать во все инстанции. Постепенно мною заинтересовались лица из мира печати. По их ходатайству и других кругов советской общественности меня помиловали. После освобождения мне сказали, что я, если хочу, могу хлопотать о выезде за рубеж и что моя просьба будет удовлетворена. Тем временем я поторопился в Иваново, которое искренне полюбил.

★ ★ ★

И вот передо мной перспектива уехать за грани-

цу. Я торжествовал. Долго сжатая внутри меня дружина разжалась. Во мне кипела злоба.

Прощай же Родина! Лютой мачехой приняла ты меня. Чем меня жаловала, как приласкала? Что видел я от тебя?

Но, что я делаю? Куда еду? От кого убегаю? От своего народа? Да смогу ли я без тебя, рабочий советский человек? Ведь я сросся с тобой!

Неужели и с тобой распрощаться, русская женщина? Что ж, прощай, красавица-труженица с прямым взглядом, достойный товарищ. Не видать мне среди подмалеванных кукол, наманикюренных рук и искусственных манер молнии из-под бровей и стыдливового взгляда твоих светлых глаз...

Прощайте и вы, советская власть и партия. Крепенько жали вы меня, что говорить, но, расставаясь, чувствую — нет, не чужие вы мне...

Неужели я должен все это вырвать с корнем из себя и, пережив столько, уйти вновь в чуждый мне мир?..

А там впереди? Беспочвенное прозябание, бесправие апатрида? Просьба о работе ради куска хлеба?

Позорная позиция между Востоком и Западом, напоминающая большой палец, зажатый между указательным и средним в виде кукиша? Стигание в три погибели перед немцем, французом, японцем или американцем... И это я, сын необъятной России, перед величием которой склоняется весь мир!

Морозило. Мне стало душно. Я распахнул воротник. Чистый воздух родного леса наполнял легкие и разливался по всему телу. Я наслаждался дыханием.

«Но погоди — пробовал я рассуждать — прав ли ты обвиняя всех, кроме себя? Впрямь ли Родина была мачехой, а все чекисты и коммунисты зря наказывали тебя «невинного ягненка»? Обратись-ка к своей совести...»

И голос совести заговорил упреками, резко и

обличающе. Они били по мне с силою пневматического молота: «Ты с детства сбежал с Родины, уйдя от народа. Когда шли искания, отдавались жертвы для построения нового мира, ты болтал вздор на собраниях и прохлаждался на пляжах Белграда. Во время войны, когда мужчины гибли на фронте, а истощенные женщины пахали поля вместо тракторов, ты, прохвост, был в тылу у врага и, прямо или косвенно, работал на него. Попав в Советский Союз, ты пришел с камнем за пазухой и занялся антигосударственной деятельностью. Будь же честен. Кого винить?» И многое еще шептал этот голос.

Вдруг я схватил в руки снег, слепил снежок и с юношеским задором швырнул в елку. Снег рассыпался по веткам...

Во мне зародилась весна. До деталей стало понятно кто я, где мое место и что мне делать. Я не закрываю глаза на несовершенные стороны в советской стране, нет, я их вижу не хуже членов НТС. Я видел непосредственно всякие падения, но плюс к этому, я знаю многое такое, что не дошло до членов НТС, но еще дойдет. Непременно дойдет. Дойдет до всякого, если он любит Россию... А я не верю, чтобы они все поголовно утратили любовь к Родине.

Что угодно, пытка, тюрьма, смерть, но не разлука с Родиной. Не могу без неё. Долой ложный стыд и большое самолюбие. «Коль умел ты воровать, умей и ответ держать», говорится в старой сказке. Не перед чужой властью ведь, а перед своей, которой присягал весь советский народ.

Так прости же меня, советская власть! Долго я ненавидел тебя и пакостил из-за угла! Но пойми, ей-богу, я делал это без злого умысла! Я безумно люблю Россию и мне так тяжело быть отщепенцем! Я необдуманно наносил ей раны. Оказывается, я давно свыкся с тобой, советская власть, и считал тебя своей. И почувствовал, что люблю тебя в подсознании, когда думал, что тебя ненавижу. Люблю и чту

тебя за твердость, за размах, за дерзкую веру в будущее человечества, в торжество человеческого разума, за то, что под твоим руководством люди стали иными.

Пусти же меня к Родине, и я пойду за тобой в манящие дали и отдам все сохранившиеся во мне силы!

★ ★ ★

Момент был глубоко психологический. Порою бесцветно проходят годы, не оставив следа в душе. И вдруг наступает мгновение, когда человек мудреет на много лет.

Принимай же меня и ты, советская Родина! Принимай блудного сына с дальнего пути. Дай пристанище!..

И приняла. Забыла. Простила по-русски, всей душой...

★ ★ ★

Простите, если сгоряча высказал резкое слово и обидел вас. Злого чувства во мне не было. Видно, не заглушить мне живущей в душе симпатии к друзьям моей молодости, членам НТС. Моя горячность в споре объясняется жаждой истины. Но заканчиваю я в том добром настроении, которое мною владеет с тех пор, как я примирился с Родиной и нашел свое место в мире.

Теперь я живу одним биением сердца с родными двумястами миллионами людей. С этого времени мной владеет покой и радость.

Прощаясь с читателями, мне хочется расстаться с ними тепло и по-хорошему передать мое настроение. Оно хорошо отражено в словах поэта:

И жить мне молодо и звонко,
И вечно мне шуметь и цвести,
Покуда есть на свете Волга,
Покуда Ты, Россия, есть!

